

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Чеботарев Иван Геннадьевич

Фасцинативный типаж «юродивый» в русской лингвокультуре

10.02.19 – теория языка

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент О. А. Дмитриева

Волгоград 2015

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Современные тенденции в изучении типизированной языковой личности	
1.1. Подходы к изучению языковой личности	9
1.2. Типологическая характеристика лингвокультурного типажа «юродивый»	25
Выводы по главе 1	34
Глава 2. Социокультурные и понятийные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»	
2.1. Социокультурная справка типажа «юродивый»	36
2.2. Понятийная составляющая типажа «юродивый»	41
2.3. Трансформация типажа «юродивый» в современном русском массовом сознании	50
2.4. Отражение типажа «юродивый» в русском фольклоре	62
Выводы по главе 2	72
Глава 3. Перцептивно-образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»	
3.1. Паспорт типажа «юродивый»	75
3.2. Ценностные доминанты типажа «юродивый»	87
3.3. Оценочные характеристики типажа «юродивый»	105
Выводы по главе 3	118
Глава 4. Коммуникативные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»	
4.1. Концепт «юрродство» как модель коммуникативного поведения типажа «юрродивый»	120
4.2. Основные особенности коммуникации фасцинативного типажа «юрродивый»	130
4.3. Концепт «лжеюрродство» как антиномия культурного концепта «юрродство»	176
4.4. Специфика коммуникативного поведения «лжеюрродивого»	181
Выводы по главе 4	190
Заключение	193
Библиография	198

Введение

Данное диссертационное исследование выполнено в русле лингвокультурологии и лингвоперсонологии. **Объектом** изучения является лингвокультурный типаж (ЛКТ) «юродивый». В качестве **предмета** исследования выступают понятийные, образно-перцептивные, ценностные и коммуникативные характеристики данного типажа.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими факторами:

1. Теория лингвокультурных типажей активно развивается в последнее десятилетие.
2. Юродство представляет собой яркий концепт русской культуры; малоизученный с позиции лингвистики.
3. Фасцинативность юродства заключается в отражении ценностных приоритетов русской культуры.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: в ряду лингвокультурных типажей выделяется фасцинативный типаж «юродивый», характеризующийся определенными понятийными, перцептивно-образными, ценностными признаками, коммуникативными характеристиками, отрелексированными в русской лингвокультуре.

Цель работы заключается в комплексном моделировании лингвокультурного типажа «юродивый».

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- 1) выявить место юродства в русской культуре;
- 2) определить конститутивные понятийные признаки ЛКТ «юродивый»;
- 3) осветить образно-перцептивные признаки ЛКТ «юродивый»;
- 4) охарактеризовать ценностные приоритеты данного типажа;
- 5) проанализировать коммуникативное поведение ЛКТ

«юродивый»;

б) выявить отношение к ЛКТ «юродивый» в русском современном сознании;

7) описать пути трансформации ЛКТ «юродивый» в современном русском сознании и его отражение в фольклоре;

Материалом исследования послужили агиографические, публицистические, художественные тексты, Священное Писание, данные словарей и справочников (всего 2876 контекстов), а также данные опроса респондентов (всего было опрошено 685 человек). Единицей анализа является контекст, содержащий описание ЛКТ «юродивый».

В работе использовались следующие **методы исследования**: общенаучные (гипотетико-дедуктивный и описательный) и лингвистические (сплошной выборки, семантический анализ, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, дефиниционный анализ, интерпретативный анализ, анкетирование, анализ ассоциативных реакций информантов на вербальное обозначение типажа, элементы количественного анализа, интроспекция).

Степень разработанности проблемы. Феномен «юродство» подвергался научному осмыслению как в рамках культурологии (Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Б. А. Успенский, В. Н. Шилов), истории (С. А. Иванов, С. Е. Юрков), философии (Н. Н. Ростова), психологии (Ж.-К. Ларше), богословия (И. Ковалевский, А. Кузнецов, Г. Г. Федотов), литературоведения (Л. К. Антощук, М. М. Бахтин, Е. П. Гурова, И. В. Мотеюнайте), так и лингвистики (О. А. Дмитриева, В. Г. Долгов, Е. В. Маслий), однако с позиции моделирования ЛКТ еще не рассматривался.

Методологическую основу исследования составляют научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: *языковой личности и лингвоперсонологии* (Н. Ф. Алефиренко, Г. И. Богин, В. В. Виноградов, С. Г. Воркачев, А. А. Ворожбитова, И. Н. Горелов, Т. А. Гридина, Ю. Н. Караулов, В. В. Катермина, В. П. Конецкая,

В. В. Красных, В. Д. Лютикова, В. П. Нерознак, Ю. В. Рождественский, К. Ф. Седов, И. В. Сентенберг, О. Б. Сиротинина, Ю. Е. Прохоров, О. Н. Шевченко), *лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики* (А. Вежбицкая, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, А. А. Залевская, Н. А. Красавский, М. В. Пименова, З. Д. Попова, А. Н. Приходько, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.); *лингвоэкологии* (А. П. Сковородников, В. И. Шаховский), *теории коммуникации и теории дискурса* (М. М. Бахтин, Н. Д. Арутюнова, В. В. Дементьев, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, О. А. Леонтович); *теории лингвокультурных типажей* (А. В. Асадуллаева, Т. В. Бондаренко, Л. Н. Бровикова, А. В. Валяйбоб, Е. В. Гуляева, В. В. Деревянская, О. А. Дмитриева, Е. А. Елина, Т. А. Ивушкина, А. Ю. Коровина, М. В. Мироненко, И. А. Мурзинова, С. В. Попова, Л. П. Селиверстова, И. В. Щеглова, Е. А. Ярмахова), *фасцинологии* (А. А. Брудный, А. Е. Войскунский, Ю. В. Кнорозов, Н. Л. Мухелишвили, Е. В. Омельченко, И. И. Саленко, А. Ш. Сафаргалина, Ю. А. Шрейдер).

Научная новизна исследования заключается в комплексном моделировании ЛКТ «юродивый», ранее не подвергавшегося анализу с позиции теории лингвокультурных типажей. В исследовании вводится и обосновывается понятие «фасцинативный типаж», уточняются характеристики фасцинативности применительно к различным аспектам типажа «юродивый».

Личным вкладом соискателя является характеристика феномена «юродство» с позиций теории лингвокультурных типажей и расширение их типологии.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что предложенный подход позволяет расширить поле исследования типизируемой языковой личности. Исследование вносит вклад в развитие идей лингвоэкологии, когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии.

Практическая ценность исследования заключается в возможности

применения полученных данных в курсах общего языкознания, лексикологии, межкультурной коммуникации, спецкурсах по лингвоконцептологии, лингвокультурологии, социолингвистике, прагмалингвистике, теории лингвокультурных типажей.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ряду лингвокультурных типажей выделяется фасцинативный типаж, конститутивным признаком которого является фасцинация – мощное эмоциогенное воздействие на реципиентов (как привлекательное, так и отталкивающее).

2. Релевантными признаками для выделения и описания фасцинативного ЛКТ «юродивый» являются его следующие признаки: понятийные (1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник), образно-перцептивные (обычно в грязном одеянии, в одежде с дырами, с веригами, с особым взглядом, особой речью, для которой характерно смешение стилей, трудно понимаемая речь), ценностные (служение, смирение, терпение, послушание, жертвенность, благочестие, сострадание, нестяжание).

3. Фасцинативность ЛКТ «юродивый» выражается в игнорировании норм социального взаимодействия, принятых в обществе (несоблюдение приличий, нарушение коммуникативной дистанции, непристойный внешний вид, эпатажное поведение).

4. Специфика фасцинативного коммуникативного поведения «юродивого» характеризуется непрямой коммуникацией, требующей дополнительных усилий для декодирования сообщения, и проявляется вербально в нарушении постулатов общения, избыточной коммуникации, неожиданности цитирования Священного Писания, использовании пейоративов и невербально – в кинесике, проксемике, тактильной коммуникации, эксталингвистике (плач, смех, молчание, вздохи, стоны, крик).

5. В русской наивной картине мира ЛКТ «юродивый» соотносится с фольклорным персонажем «Иван-дурак», однако не является его аналогией. Общими чертами являются: 1) парадоксальность речи; 2) образно-перцептивные характеристики; 3) интеллектуальные способности, с разницей в происхождении мудрости: у дурака – волшебная, у юродивого – божественная; 4) упование на Божью волю и помощь, 5) притворность. «Иван-дурак» характеризуется: 1) пассивностью, ленью; 2) спонтанностью; 3) безвольностью. ЛКТ «юродивый» свойственны: 1) аскетизм; 2) преднамеренность действий; 3) жертвенность; 4) святость.

6. ЛКТ «юродивый» в современном русском массовом сознании частично редуцировался до имиджа. Редукция заключается в упрощении ценностной составляющей при полной сохраненности образно-перцептивной составляющей типажа, что нашло отражение в публицистике, художественной литературе и подтверждается материалами анкетирования.

7. В массовом коммуникативном сознании «юродивый» противопоставлен «лжеюродивому», для последнего характерны отсутствие ценностной доминанты «Христа ради» и внутренней духовной наполненности при наличии внешней атрибутики и типичных коммуникативных проявлений юродства.

Апробация результатов исследования.

Основное содержание диссертации докладывалось на международной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2014), II международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны» (Санкт-Петербург, 2015), международной научно-практической конференции «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире IX» (Волгоград, 2015), Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований» (Ростов-на-Дону, 2014), Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И. А.

Фигуровского «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка» (Елец, 2014), на V Трубачёвской соборной встрече «Долгожительство – удел классических произведений науки» (Волгоград, 2013), на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2013-2015).

По теме диссертации опубликовано 12 работ общим объемом 6,1 п.л., в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии.

Глава 1. Современные тенденции в изучении типизированной языковой личности

1.1. Подходы к изучению языковой личности

Антропоцентрический подход в современной лингвистике акцентирует внимание исследователей на изучение языковой личности. Впервые введенный в 30-х годах XX века в отечественной науке В. В. Виноградовым [Виноградов, 1980] термин «языковая личность» (ЯЛ) активно представлен в различных лингвистических дисциплинах.

Языковую личность изучают с позиции психолингвистики (А. А. Ворожбитова, С. А. Сухих, В. П. Тимофеев), лингводидактики (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов), когнитивной лингвистики (Н. Н. Болдырев, Н. А. Кобрин), социолингвистики (М. А. Канчер, Е. В. Бакумова, В. В. Красных, И. Н. Тупицына), гендерной лингвистики (О. Л. Каменская), лингвоперсонологии (Е. В. Иванцова, В. П. Нерознак, З. И. Резанова), лингвотипажистики (В. И. Карасик, О. А. Дмитриева), лингвосоционики (Н. Д. Голев, Л. М. Комиссарова), лингвокультурологии (С. Г. Воркачев, В. А. Маслова, Э. А. Салихова), эмотивной лингвистика (В. И. Шаховский) и др.

По словам Ю. Н. Караулова, идея языковой личности «пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка» [Караулов, 2007, с. 3].

В современной лингвистике существует ряд подходов в определению языковой личности, считаем необходимым рассмотреть некоторые из них.

В. В. Виноградов в своей работе «О языке художественной прозы» (1930) обратился к понятию языковой личности через исследование языка художественной литературы. Он рассмотрел художественную языковую личность с двух сторон: 1) личность автора и 2) личность персонажа. Ученый отметил, что литературно-художественный памятник – это одновременно

«отражение индивидуального отбора» и творческое преобразование языковых средств своего времени «в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений и эмоций». Поэтому исследователь не должен отказываться от решения вопроса «о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она может располагать» [Виноградов, 1980, с. 3].

В начале 80-х годов 20 века Г. И. Богин активно разрабатывал понятие языковой личности. По его мнению, языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности исполнять речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин, 1982, с. 1].

Принято считать, что Ю. Н. Караулов возродил сформулированное академиком В. В. Виноградовым понятие «языковая личность» и ввел его в широкий научный оборот. В исследовании «Русский язык и языковая личность» (1987) он определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [Караулов, 2007, с. 33].

В рамках коммуникативного подхода В. П. Нерознак и И. И. Халеевой, языковой личностью может считаться любой индивид, реализующий свою языковую компетенцию в устной и письменной речевой коммуникации [Нерознак, 2005, с. 587].

Расширенное определение, разделяемое нами, предлагает В. И. Карасик. Под языковой личностью ученый понимает «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2004, с. 22].

Обращаясь к языковой личности, Н. К. Фролов рассуждает об этом феномене, который раскрывается для лингвиста через когнитивную оценку

речевой культуры и многогранной речевой деятельности *homo sapiens*. Он считает, что понятие языковой личности предполагает изучение факта осознания человеком собственного мыслительного поведения, а также знания языка или группы языков. То и другое в целом может положить начало отсчета феномена языковой личности. «Феномен личности вообще и лингвистической в частности, таким образом, конкретизируется в сознании аналитика посредством спектра особенного, необычного, богатого, известного, оригинального обладания, речевого наследия». Феномен языковой личности можно охарактеризовать как «проявление сверхспособностей конкретного индивида в его речевой деятельности» [Фролов, 2005, с. 323]. Таким образом, языковая личность реализует себя благодаря особым качествам, а также отражательным возможностям познания языкового пространства.

В связи с различными подходами к изучению языковой личности на современном этапе в лингвистике существует достаточно разнородная типология языковых личностей, выделяемая каждым исследователем в соответствии с избираемым основанием ее характеристики. Рассмотрим некоторые из них.

Русская языковая личность (Ю. Н. Караулов).

Анализируя влияние национального характера на языковую личность, Ю. Н. Караулов свидетельствует, что между ними существует определенная аналогия. Она заключается в том, что «носителем национального начала и в том и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, т.е. инвариантная в масштабе самой личности, часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов, 2007, с. 42]. О «русской языковой личности» позволяют говорить: во-первых, наличие общерусского языкового типа (0-й уровень структуры), базовой части общей для русских картины мира, или мировидения (1-й уровень), и, во-вторых, устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную

мотивированность речевого поведения (2-й уровень). Лингвист считает, что национальное проходит через все уровни организации языковой личности, «на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [Там же].

Полилектная («многочеловеческая») и идиолектная («частночеловеческая») личности (В. П. Нерознак).

В. П. Нерознак выделяет два основных типа частночеловеческой языковой личности: 1) стандартную, отражающую усредненную литературно обработанную норму языка, и 2) нестандартную, которая объединяет в себе «верхи» и «низы» культуры языка. К верхам культуры исследователь относит писателей, мастеров художественной речи. Низы культуры объединяют носителей, производителей и пользователей маргинальной языковой культуры (антикультуры) [Нерознак, 1996, с. 114-116]. «Нестандартная языковая личность характеризуется отклонением от общепринятых в межличностной и межкультурной коммуникации норм» [Нерознак, 2005, с. 589].

Этносемантическая личность (С. Г. Воркачев).

С. Г. Воркачев, трактует языковую личность как совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык в качестве средства общения. Далее он поясняет: «под "языковой личностью" может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода "семантический фоторобот", составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная, этносемантическая» [Воркачев 2001, с. 64-65].

Элитарная языковая личность (О. Б. Сиротина, Т. В. Кочеткова).

О. Б. Сиротина классифицирует языковые личности по наличию у

них определенного типа внутринациональной речевой культуры, то есть по «степени приближения языкового сознания индивидуума к идеальной полноте языкового богатства в том или ином виде языка» [Сиротинина, 1997, с. 7]: 1) элитарная, 2) среднелитературная, 3) литературно-разговорная, 4) фамиллярно-разговорная, 5) просторечная, 6) народно-речевая [Там же].

Диалектная языковая личность (В. Д. Лютикова).

В. Д. Лютикова расценивает диалект как исходную форму существования языка, соответственно создается такой тип языковой личности, являющийся первоосновой национальной русской языковой личности, без изучения которой невозможно освещение вопроса о русском менталитете, имеющем общенаучное значение [Лютикова, 2000, с. 4]. При таком подходе языковая личность рассматривается как представитель говора и одновременно как индивидуальность, творчески преобразующая его.

Языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова).

Ю. Е. Прохоров считает, что «если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения в деятельности» [Прохоров, 2008, с. 59]. По его мнению, коммуникативное пространство это «совокупность сфер речевого общения, в котором определенная языковая личность может реализовать необходимые потребности» [Прохоров, 2006, с. 43]. Л. П. Клобукова обращает внимание на соотношение в личности языка и речи и выделяет понятие «речевая личность». В ее понимании любая языковая личность представляет собой «многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей. В целях преподавания русского языка как иностранного различные языковые личности могут дифференцироваться, во-первых, по уровню языковых знаний, во-вторых, по степени владения видами речевой деятельности, а в-третьих — по тем темам, сферам и коммуникативным ситуациям, в рамках которых происходит речевое общение» [Клобукова, 1995, с. 322-323].

Словарная языковая личность (В. И. Карасик).

Как полагает В. И. Карасик «словарная личность представляет собой наиболее абстрактный тип языковой личности, вместе с тем даже на уровне словарной личности обнаруживаются оценочные разновидности (например, критик и апологет), проявляющиеся применительно к определенным лексико-семантическим группам слов» [Карасик, 2002, с. 25].

Эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский).

По мнению В. И. Шаховского, эмоция представляет собой ядро языковой личности [Шаховский, 1998, с. 63]. Ученый внес уточнение в характеристику языковой личности, предложив термин «эмоциональная языковая личность», понимая под ним «синтез языковедческого и психологического знания», которым языковая личность пользуется в коммуникации [Шаховский, 1997, с. 8]. В таком случае выстраивается следующая парадигма: «языковая личность» – это человек говорящий, – человек коммуникативный, – языковая личность, – речевая личность, – эмотивная / эмоциональная личность, – коммуникативная личность.

Типы личностей homo ludens (Т. А. Гридина).

Т. А. Гридина считает, что «в онтологическом смысле вся речевая деятельность, безусловно, есть креативная деятельность, поскольку эта деятельность, оформляющая мысль и связанная с развитием когнитивных структур сознания» [Гридина, 2008, с. 45]. Применительно к homo ludens (языковой личности, проявляющей склонность к использованию в своей речевой деятельности кодов языковой игры) она выделяет различные типы языковой личности: «игроков-трансляторов, игроков-стилизаторов, игроков-интерпретаторов, игроков-генераторов» [Гридина, 2013, с. 21-25].

Назовем имена исследователей, занимавшихся типологией языковых личностей.

И. Н. Горелов и К. Ф. Седов классифицируют типы языковой личности в зависимости от степени конфликтности и способности к взаимодействию и уступкам в речевом поведении. Здесь выделяются: 1) конфликтный тип (проявляется в демонстрации отрицательно заряженного эмоционального

отношения, стремлении доставить адресату моральный дискомфорт, навязать свое мнение собеседнику, настойчивые советы, поучения); 2) центрированный тип (выражается в игнорировании собеседника, стремлении к самовыражению, или же «уход в себя»); 3) кооперативный тип (проявляется в установке на собеседника, но при этом стремлении к самовыражению, а иногда демонстрации согласия с точкой зрения собеседника, даже если сам автор ее не разделяет) [Горелов, 1997, с. 4].

Все эти типы подразделяются еще на различные подвиды. Кроме того, ученые строят типологию в зависимости от того, какую речевую стратегию выбирает языковая личность. Они выделяют инвективный тип (аффективная разрядка в форме брани, ругани), куртуазный (этикетные формы взаимодействия, аффект в форме плача), рационально-эвристический (рассудочность, здравомыслие, смех как аффективная реакция).

А. А. Ворожбитова предлагает использовать термин «коллективная языковая личность» или «совокупная языковая личность» применительно к этносу в целом, а при описании социальных групп ввести термин «групповая языковая личность» [Ворожбитова, 2005, с. 139].

Многообразие перечисленных подходов к изучению языковой личности объясняется тем, что как отметил В. И. Карасик, языковая личность представляет собой многомерное образование, соответственно типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который осуществляется с позиций либо личности (этнокультурологические, социологические и психологические типы личностей), либо языка (типы речевой культуры, языковой нормы) [Карасик, 2002, с. 25]. В свою очередь, по мнению исследователя, в рамках синтеза задач этих наук и социолингвистики, выделять «модельную» языковая личность – «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2001 а, с. 99].

О. Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную языковую личность. Если типовая языковая личность характеризуется абстрактностью, эталонностью, собирательностью, безличностью, то в каждом конкретном случае типовая модель реализуется в виде индивидуальной языковой личности. Индивидуальная языковая личность совпадает с типовой в базовых характеристиках, но в то же время имеет свои особенности [Шевченко, 2005, с. 7].

Остается открытым для обсуждения вопрос о понятийном компоненте терминов языковая личность и коммуникативная личность. От того, какой концепции придерживается тот или иной исследователь, зависит предлагаемая им структура языковой личности. Выделяются 3 основных подхода, определяющих соотношение данных понятий: 1) Понятие языковая личность шире понятия коммуникативная личность, т.к. языковая личность может являться в 4 видах/лицах: мыслительной, языковой, речевой, коммуникативной. 2) Понятия языковая личность и коммуникативная личность не разграничиваются. Языковая личность в условиях общения может рассматриваться как коммуникативная личность (В. И. Карасик). 3) Понятие коммуникативная личность шире понятия языковая личность и предполагает характеристики, связанные с выбором разных кодов коммуникации.

В. Б. Кашкин выделяет следующие типы коммуникативной личности на основании использования коммуникативного потенциала: 1) Доминантный коммуникант стремится завладеть инициативой, насмешлив, резок, говорит громче, чем другие; не любит, когда его перебивают. 2) Мобильный коммуникант легко входит в разговор, говорит много, интересно и с удовольствием, переходит с темы на тему, не теряется в незнакомой ситуации общения. 3) Ригидный коммуникант испытывает трудности на контактоустанавливающей фазе общения, затем четок и логичен. 4) Интровертный коммуникант скован в неожиданной ситуации общения, не стремится владеть инициативой, отдает ее, застенчив и скромен

[Кашкин, 2013, с. 171].

И. В. Сентенберг говорит о 2 типах как двух сторонах одного явления, не существующих друг без друга: 1) совокупной языковой личности – обобщенном образе носителя данного языка и 2) индивидуальной языковой личности – конкретном носителе данного языка. Отмечается, что совокупная языковая личность вариативна в культурном, территориальном, половом профессиональном и т.п. отношении; в связи с этим возможно изучение языковой личности школьника, дошкольника, студенческой и рабочей молодежи, основного и уходящего поколений и т.д. [Сентенберг, 1994, с. 15].

Ю. В. Рождественский рассматривает типы языковой личности в зависимости от сфер словесности. Для всех видов устной словесности создатель речи совпадает с языковой личностью – индивидуальным речедееателем. В письменной словесности создатель речи, т. е. языковая личность, может быть коллегиальным (создание документов), кооперативным (издательская деятельность), коллегиально-кооперативным (тексты массовой коммуникации), коллективным (информатика как вид словесности) [Рождественский, 1996, с. 24–25].

В своем научном подходе Н. Д. Голев предлагает квалифицировать типы языковой личности по силе и слабости проявления признаков в зависимости от ее способности к производству и анализу речевого произведения как «креативный» и «копильный», «содержательный» и «формальный», «ономасиологический» и «семасиологический», «мнемический» и «выводящий», «ассоциативный» и «логико-аналитический» типы [Голев, 2004, с. 16].

Наше исследование показало, что в лингвистике не существует единообразного понимания феномена «языковая личность», его структуры и типологии.

Обратимся к исследованиям посвященным моделированию языковой личности и перечислим некоторые из них.

В своей докторской диссертации «Модель языковой личности в ее

отношении к разновидностям текстов» (1984) Г. И. Богин впервые представил результат и описал процесс развития языковой личности [Богин, 1984, с. 3]. В качестве главной характеристики языковой личности он выделил текст, воспринимаемый и создаваемый индивидуумом. В описании Г. И. Богина языковая личность рассматривается как субъект речевой деятельности – полноправный участник коммуникации, имеющий определенную систему базовых филологических знаний, позволяющих ему кодировать и декодировать тексты различной степени информационной насыщенности и ее языкового воплощения. Ученый проанализировал языковую личность с учетом ее противоречий: «...способ формирования языковой личности так же противоречив, как и способ ее существования. Источник противоречий – в факте развития языковой личности [Богин, 1984, с. 27–28].

Г. И. Богин полагает, что тип понимания текста (семантизирующий, когнитивный или распредмечивающий) находится в прямой зависимости как от содержательности самого текста, так и от характера деятельности субъекта при рецепции текста. Одна из задач построения исходной модели языковой личности заключается в определении уровней развития языковой личности. Ученый выделяет и детально описывает эти уровни, понимая, что «прежде всего надо представить языковую личность полностью, отвлекшись от знания об относительности этой полноты в каждой индивидуальной языковой личности» [Там же, с. 15].

Г. И. Богин выделяет 5 уровней развития языковой личности высшего порядка: 1-ый – уровень правильности (выполняется требование: «Пользуясь языком, надо пользоваться именно данным языком с его элементарными правилами»); 2-ой – уровень интериоризации (прослеживается замедление в передаче информации, связанная с недостаточной цельностью представления о предстоящем частном высказывании); 3-ий – уровень насыщенности (использование «богатства и полноты языка»); 4-ый – уровень адекватного выбора (оценивается адекватность выбора единиц речевой цепи одного

предложения, а не целого текста); 5-ый – уровень адекватного синтеза (включает достижения и недостатки в производстве или в синтетическом восприятии целого текста и средств выражения духовного содержания личности самого коммуниканта) [Богин, 1984, с. 14].

Как видим, по мере того как языковая личность переходит от уровня к уровню (что соотносительно с ростом социализации личности), происходит и поступательное развитие рефлексивной способности. Благодаря этому складываются более благоприятные условия для преодоления непонимания текстов.

В теории языковой личности Г.И. Богина сама языковая личность выступает в качестве структуры, а язык гарантирует единство структуры языковой личности. При моделировании языковой личности и анализе ее возможных уровней он исходил из того, что уровни языковой личности не совпадают с уровнями моделей языка: «...Делается попытка представить в единой параметрической модели все вообще готовности человека к производству речевых поступков» [Там же, с. 3]. И поэтому «модель языковой личности первоначально должна абстрагироваться не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков, она должна обладать высокой мерой упрощения и инвариантности» [Там же].

При описании своей модели языковой личности Г.И. Богин опирался на 3 параметра/фактора: 1) Язык включает фонетическую, лексическую и грамматическую стороны (с соответствующей им семантикой); 2) Пользуясь языком, человек либо говорит, либо слушает, либо пишет, либо читает, либо совмещает эти действия; 3) Развитие языковой личности может быть большим или меньшим, лучшим или худшим, и эти различия можно представить в форме дискретных уровней.

Таким образом, Г.И. Богин представил единую параметрическую модель всех вообще готовностей человека к производству речевых поступков, преследуя при этом главную цель – исследовать структуру языковой личности, выявить уровни и компоненты той структуры, выявить

отношения, зависимости и функции этих уровней и компонентов, исследовать их генезис. Ученый создал модель языковой личности, формализующую процессы использования языка человеком.

Ю. Н. Караулов рассматривал понятие «языковой личности» в тесной связи с понятием «мировоззрения», которое есть результат соединения когнитивного языкового уровня с прагматическим, результат взаимодействия системы ценностей личности, или «картины мира», с ее жизненными целями, поведенческими мотивами и установками, проявляющийся, в частности, в порождаемых ею текстах [Караулов, 2007, с. 35–56].

При изучении языковой личности Ю. Н. Караулов предлагает выделять три уровня абстракции: 1) языковую личность как индивидуума и автора текстов, обладающего «своим характером, интересами, социальными предпочтениями и установками»; 2) личность совокупного или усредненного носителя языка, типового представителя данной языковой общности и более узкого входящего в него коллектива; 3) личность как представителя человеческого рода вообще [Караулов, 1997, с. 671].

Языковая личность, по мнению ученого, имеет три структурных уровня (каждому языковому уровню соответствует некоторая психологическая и философская категория): 1) вербально-семантический (для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений); 2) когнитивный или тезаурусный (единицы данного уровня – понятия, идеи, концепты, складывающиеся в «картину мира», отражающую иерархию ценностей); 3) прагматический (цели, мотивы, интересы, установки) [Караулов, 2007, с. 60-61].

Сам исследователь отмечал, что каждый уровень открыт для дополнения параметрами анализа языковой личности, т.к. данная модель не является чем-то статическим и может варьироваться в соответствии с личностной и языковой индивидуальности человека.

В составленной М. А. Канчер модели также обнаруживаются три

уровня языковой личности. Исследуя языковую личность в рамках риторического этоса, лингвист выделяет: 1) стилистический (единицами являются языковые средства и приемы их употребления, предпочитаемые личностью), 2) коммуникативно-прагматический (единицами являются стратегические и тактические ходы) и 3) лингвокультурологический (единицами являются национально-культурные речевые сценарии, нормы и модели речевого пользования, соотносящиеся с картиной мира личности) уровни [Канчер, 2002, с. 11].

В лингвистике помимо языковой личности, выделяют коммуникативную личность. К числу востребованных относится модель коммуникативной личности, предложенная В. П. Конецкой. В этой концепции важными для коммуникативной личности являются следующие параметры: 1) мотивационный (коммуникативные потребности), занимающий основное место в структуре, так как «именно потребность сообщить что-то или получить необходимую информацию служит мощным стимулом для коммуникативной деятельности и является обязательной характеристикой индивида как коммуникативной личности»; 2) когнитивный (наиболее существенными для него являются следующие характеристики: способность адекватного восприятия информации, оценка и самооценка когнитивного диапазона и знание социально обусловленных норм вербальной и невербальной коммуникации, способность воздействия на партнера); 3) функциональный (включает в себя три основные характеристики: а) практическое владение индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации; б) умение варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения; в) построение высказываний и дискурсов в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами речевого этикета) [Конечкая, 1997, с. 106–109].

В. П. Конечкая подчеркивает, что пересечение некоторых

характеристик языковой и коммуникативной личностей не говорит об их тождестве, так как «эти характеристики занимают различное место в структуре языковой и коммуникативной личностей благодаря своей роли в их формировании; во-вторых, их содержательная интерпретация совпадает лишь частично» [Там же, с. 106].

В. В. Красных в языковой личности выделяет следующие четыре компонента: 1) человек говорящий, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности; 3) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая стратегию и тактику общения; 4) коммуникативная личность – конкретный участник коммуникативного акта [Красных, 1997, с. 37].

И. П. Сусов предложил трех уровневую модель языковой личности, выделяя 1) формально-семантический, 2) когнитивно-интерпретационный и 3) социально-интерактивный аспекты [Сусов, 1988, с. 7-13].

По определению В. Д. Лютиковой, «языковую личность следует понимать как совокупность языковых свойств, типичных для некоего конкретного человека» [Лютикова, 1999, с. 10]. Ученый считает, что разработанная исследователями уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности, поэтому она не всегда применима для изучения конкретной личности. Напротив, в индивидуальной речевой ситуации когнитивный, вербальный и прагматический уровни идентифицируются. Кроме того, любая личность объединяет в себе «элементы стабильности и изменчивости, она подвержена внешнему влиянию и не лишена внутренних конфликтов» [Там же, с. 9]. Наличие устойчивости и непостоянства языковой личности, испытывающей воздействие различного рода фактов, еще более усложняет ее структуру.

В. И. Карасик полагает, что «с позиций языка можно построить модель словарной личности, т.е. носителя представлений, стереотипов и норм, закрепленных в значениях слов, толкуемых в словарях» [Карасик, 2002,

с. 25].

В настоящее время развиваются два лингвистических направления, в рамках которых лежит типизация языковой личности. Это прототипический подход к изучению языковой личности и теория лингвокультурных типажей (ЛКТ). Согласно исследованию Т. Ю. Ма, прототипический подход позволяет обобщать результаты (из разных областей гуманитарной науки) описания человека как *homo loquens* (человек говорящий) и на когнитивно-дискурсивном уровне изучать коммуникативную деятельность индивида как познающего и говорящего субъекта. При таком подходе предполагается установление вариантных и инвариантных, изменчивых и вневременных характеристик в структуре языковой личности, которые в комплексе определяют ее национально-культурную специфику. Языковая личность в понимании Т. Ю. Ма «это обобщенный речеповеденческий портрет человека как представителя определенной этнической (национальной), социальной, гендерной, возрастной, возможно, конфессиональной группы» [Ма, 2012, с. 3]. Исходя из уровневой организации языковой личности, эталон или прототип формируется рядом наиболее типичных для большинства представителей нации вербальных и невербальных характеристик, проявляющихся в речевой деятельности индивида как «факт предпочтения существующей в концептуальном пространстве культуры национальной системы ценностей» [Там же, с. 4].

Суть теории лингвокультурных типажей заключается в выделении и анализе концептов, содержащих языковую личность, встроенную в языковую картину мира и функционирующую в ней, взаимодействуя с другими лексическими единицами. Под лингвокультурным типажом понимается «типизируемая личность, представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [Карасик, 2005, с. 57].

Разработанный алгоритм моделирования типажа апробирован на значительном количестве примеров, созданы модели следующих типажей:

священник, колониальный служащий, ангел, британская королева, гусар, казак, комсомолка, пионер, декабрист, английский дворецкий, школьная учительница, английский чудака, китайский врачеватель, блондинка, звезда Голливуда, американский адвокат, британский пират, гурман, французенка и др.

Поведение и ценностные ориентации ЛКТ влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия и разнообразия общества. Лингвокультурный типаж – это узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, 2009 в, с. 180-181]. Выделяется четырехчастная структура ЛКТ: 1) социокультурная справка, 2) понятийная, 3) образно-перцептивная, 4) ценностная.

Таким образом, языковая личность, будучи многогранным образованием, изучается с различных сторон. Теория ЛКТ суммирует знания когнитивной лингвистики и антропоцентрической лингвистики, на стыке данных дисциплин и базируются основные положения теории ЛКТ.

1.2. Типологическая характеристика лингвокультурного типажа «юродивый»

В данном параграфе мы предлагаем рассмотреть ЛКТ «юродивый», и охарактеризовать его типовую принадлежность. При изучении ЛКТ необходимо помнить о роли стереотипизации в механизме выделения той или иной языковой личности, которая выступает в качестве объекта изучения. Следовательно, рассматриваемый нами образ юродивого может значительно отличаться в различных картинах мира и, в ряде случаев, характеризоваться взаимоисключающими свойствами. Так, в религиозном дискурсе юродивый является святым, в связи с этим родовым признаком ЛКТ является словосочетание «Христа ради», тогда как в бытовом дискурсе границы типажа размываются, что приводит к его трансформации, упрощению и искажению. В связи с чем, моделирование ЛКТ требует многообразного языкового материала, включающего как художественные произведения, фольклорные тексты, источники Интернета, словарные дефиниции, материалы анкетирования и т.д.

В нашем исследовании в качестве информантов выступили студенты ряда факультетов ВГСПУ и ЦПУ, учащиеся лицея №8 «Олимпия», прихожане православных храмов, учителя и врачи, работники учреждений и предприятий г. Волгограда. Анкетирование проводилось в 2013-2014 гг. и осуществлялось как в групповой, так и в индивидуальной форме.

Участникам было предложено ответить на вопросы анкеты: *1. Кто такой юродивый? 2. Каким Вы себе представляете юродивого? 3. Приведите примеры юродивых (если знаете). 4. Ваш пол (муж., жен.). 5. Ваш возраст (лет). 6. Ваше отношение к Православию (позитивное, негативное, нейтральное).*

Всего было опрошено 685 человек, из них: мужского пола – 257, женского пола – 428. Возрастные группы были распределены следующим образом: группа I (16-25 лет) – 345 человек (из них: муж. – 141, жен. – 204);

группа II (26-50 лет) – 218 человек (из них: муж. – 75, жен. – 143); группа III (51-80 лет) – 122 человека (из них: муж. – 41, жен. – 81). Не смогли (полностью или частично) ответить на первые три вопроса анкеты 22% респондентов, соответственно из них: из группы I – 94%, из группы II – 5%, из группы III – 1%. Как мы видим, наибольшее затруднение в ответе на поставленные вопросы наблюдается в группе, относящейся к категории «молодежь». Этот факт свидетельствует о том, что данный типаж не всегда представлен в когнитивной базе данной группы, в отличие от остальных групп респондентов.

Согласно выработанной волгоградскими лингвистами А. В. Асадуллаевой [Асадуллаева, 2011], В. В. Деревянской [Деревянская, 2008], О. А. Дмитриевой [Дмитриева, 2007 а], В. И. Карасиком [Карасик В.И., Дмитриева, 2005], А. Ю. Коровиной [Коровина, 2005], И. А. Мурзиновой [Мурзинова, 2008], И. В. Щегловой [Щеглова, 2010] и др. классификационной сетке выделяются следующие разновидности ЛКТ: этнокультурные/социокультурные (по признаку принадлежности к тому или иному социуму); фиксированные/дисперсные (по ассоциативному признаку); яркие (модельные личности)/неяркие (по степени выраженности узнаваемых качеств); реальные/фикциональные (по признаку реальности языковой личности); положительные/отрицательные (по признаку оценочного знака). ЛКТ «юродивый» характеризуется как этнокультурный, дисперсный, яркий, реальный, положительный. Детализируем данный тезис.

В пользу признака «этнокультурный», свидетельствуют данные, которые предоставляются в параграфе 2.1. «Социокультурная справка ЛКТ “юродивый”», раскрывающем потенциал феномена «юродство» в русской культуре и его уникальность в рамках мировой культуре.

Будучи дисперсным, ЛКТ «юродивый» представлен множеством реальных прототипов; можно перечислить такие имена юродивых, как: Андрей юродивый (Константинопольский), Василий Блаженный, Домна Томская, Иоанн (Московский юродивый), Иоанн (Устюжский юродивый),

Исаакий Печерский, Ксения Петербургская, Пелагея, Параскева и Мария Дивеевские, Николка Салос, Прокопий Вятский, Прокопий Устюжский, Симон Блаженный, иеросхимонах Феофил. Приведенный список имен также говорит в пользу реальности данного типажа.

Признак «яркий» ЛКТ «юродивый» объясняется широкой узнаваемостью анализируемого типажа в коммуникативно-массовом сознании, что и подтвердили данные, полученные посредством опроса. Фоновые знания респондентов позволяют соотносить юродивого с Богом, несмотря на отсутствие конкретизатора «Христа ради» в имени типажа. Специфика восприятия юродивого в современном массовом сознании носителей русской лингвокультуры соотносится, в первую очередь, с нарушением норм общежития, как в плане гигиенических требований, так и в плане норм коммуникативного поведения. Экспериментальный анализ продемонстрировал доминанту, эксплицированную в языке лексемой «*неряшливость*».

Существующая на сегодняшнее время типология типажей – исторические, фикциональные, профессиональные и др., по нашему убеждению, нуждается в дополнении. С позиций аксиологической лингвистики некоторые ЛКТ можно объединить и сгруппировать по приемам их фасцинативного воздействия на адресата, иными словами, отдельно выделить фасцинативные типажи, где присутствует просто фасцинация и типажи с фасцинацией и с элементами сакральности, то есть со священными, таинственными и мистическими элементами. Например, типажи *готесса*, *психопат*, *маньяк* характеризуются нами как собственно фасцинативные, тогда как *дервиш*, *гуру*, *шаман* представляют собой фасцинативно-сакральные. Именно ко второй группе (подтипу) мы можем отнести анализируемый нами лингвокультурный типаж «юродивый».

Осознание фасцинативного воздействия как такового позволяет говорить о субъективности восприятия, что дает возможность ввести в типологию типажей антиномию «субъективные/объективные»: к

объективным ЛКТ отнесем те, в основе которых лежат фактические сведения (исторические события, географическое положение, социо-профессиональная специфика и пр.), к субъективным – ощущения.

Приведем обобщенное определение фасцинации. С одной стороны, фасцинация (от лат. *fascia* повязка, полоса, *fascinatio* – околдовывание, зачаровывание, завораживание) «специально организованное вербальное (словесное) воздействие, предназначенное для уменьшения потерь семантически значимой информации при восприятии сообщения реципиентами, за счет чего повышается возможность ее воздействия на их поведение» [КСПТ, www], с другой стороны это также и «совокупность средств, помогающих принятию информации и ослабляющих действия фильтров. В качестве фасцинации выступают различные сопутствующие средства, выполняющие роль “транспортировки”, сопроводителя информации, создающие некоторый дополнительный фон, на котором основная информация выигрывает, поскольку фон частично преодолевает фильтр недоверия» [ГПП, 2003]. Фасцинацией может являться, например, и способность учителя «эмоционально и силой знаний заражать учащихся» [Даукша, 2008, с. 467].

Однако, помимо чарующего удивления, чувственного и психологического комфорта, фасцинация может вызывать дискомфорт и страх. По мысли В. М. Соковнина, «фасцина – это очаровывающий или пугающий продуцируемый сигнал или вещь (предмет, объект), вызывающий мощный эмоциональный отклик и переживание вплоть до леденящего страха или эстетического экстаза» [Соковнин, www].

В лингвистике фасцинация рассматривалась в рамках лингвистики текста такими авторами, как А. А. Брудный [Брудный, 1972], А. Е. Войскунский [Войскунский, 1990], Е. В. Омельченко [Омельченко, 2013], А. Ш. Сафаргалина [Сафаргалина, 2008]. Фасцинативным часто является восприятие текста, которое «проявляется как его эмоциональное переживание, эмпатическое слияние с текстом, ощущение его значимости

для личности» [Карасик, 2012 а, с. 46]. Согласно В. И. Карасику, «фасцинативное восприятие сообщения интуитивно и целостно, форма текста очень значима, при переводе текст становится другим, аннотированию практически не поддается, и при каждом последующем предъявлении его ценность для личности возрастает» [Там же].

Хотя фасцинация как характеристика текста привлекала к себе внимание некоторых исследователей (Ю. В. Кнорозов [Кнорозов, 1973], И. И. Саленко [Саленко, 1978], Н. Л. Мухелишвили, Ю. А. Шрейдер [Шрейдер, Мухелишвили, 2010]), ее роль в лингвокультурологии до сих пор освещена недостаточно. Кроме того, фасцинация еще не анализировалась с точки зрения характеристики языковой личности.

Предлагая выделять фасцинативные ЛКТ, мы акцентируем внимание на совокупность фасцинативных признаков в его структуре. Учитывая тот факт, что понятийная характеристика состоит из словарных дефиниций и демонстрирует значение лексемы, являющейся номинантом ЛКТ, мы не рассматриваем данный аспект с позиции фасцинации. Социокультурная справка отражает фиксацию типажа в культуре и содержит исторические сведения.

Что касается образно-перцептивных характеристик, то они содержат фасцинативный потенциал, восприятие которого осуществляется реципиентом посредством различных анализаторов. Иными словами внешний облик фасцинативного ЛКТ целиком и полностью не соответствует привычному, обыденному, принятому в обществе и отраженному в нормах социального взаимодействия.

Коммуникативное поведение фасцинативного ЛКТ также нацелено на ошеломление. В связи с коллизией ценностных доминант ЛКТ (у юродивого, например – аскеза, борьба с гордостью, противостояние злу) и реакцией окружающих на выбранный им образ жизни, возникают трудности в декодировании смыслов, заложенных в высказываниях.

Таким образом, мы видим, что ценности ЛКТ идут вразрез с

общепринятыми и в коммуникативно-массовом сознании воспринимаются как странные, ненормальные, необычные. В коммуникации юродивый эпатирует окружающих ругательством, смехом, плачем, иносказанием. Иногда плохая, трудно распознаваемая дикция, сильный шепот и нечленораздельное мычание юродивого разрушают коммуникацию и вызывают отвращение, брезгливость и иные чувства. К основным фасциативным приемам речевого воздействия юродивого, на наш взгляд, относятся: смена ритма и вариативность речи, богатейшие голосовые модуляции, диссонансы, семантические паузы, речевые повторы, крик, шум (как средство аттракции или подготовки к обличениям и наставлениям), иногда ругань и другие.

Достаточно продуктивным и рациональным подходом к исследованию лингвистических явлений на современном этапе является дискурсивно-текстовый подход, который позволяет включить речь в социальный контекст, учесть межличностный, интенциональный, а также социокультурный характер взаимодействия участников коммуникации.

Принято выделять два вида коммуникации – *прямую* (где план содержания и план значения совпадают) и *непрямую* (которая определяется как «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2006, с. 5]. В непрямой коммуникации действуют правила нестандартные, непринятые в коде общения и истинное значение высказываний остается неназванным, что требует дополнительных усилий для декодирования сообщения адресанта. В объяснении В. В. Дементьева непрямая коммуникация получает выражение как «несемиотическое (творческое, личностное) начало» [Дементьев, 2001, с. 6] и проявляется в виде имплицитности, косвенных речевых актов, эвфемизма, ироничных высказываний и других.

Фасцинация имеет глубинную нейрофизиологическую,

воздействующую природу. Стратегически в коммуникативном процессе, фасцинация «представляет собой воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации слушателем» [Омельченко, 2013, с. 136].

Рассматривая непрямую коммуникацию фасцинативного ЛКТ «юродивый», отметим, что иногда его слова и жесты могут быть однозначны и недвусмысленны, однако смысловые отношения между ними не согласованы.

Сообщения юродивого всегда требуют дополнительных усилий со стороны адресата, которому приходится использовать свой интеллектуально-эмоциональный потенциал, чтобы постичь смысл высказывания. При этом само высказывание сочетает в себе эксплицитный (основной) и имплицитный (установочный) компоненты.

Опираясь на полученные данные из проанализированных нами текстовых источников, акцентируем внимание на рассогласованность в не прямой коммуникации ЛКТ «юродивый» между интонацией и тембром высказывания (собственно языковыми аспектами коммуникативного акта), с одной стороны, и его лексическим составом, с другой.

В отношении коммуникации юродивого справедливо утверждение, что обычно смысл высказывания реализуется на многих уровнях, причем некоторые уровни иногда воспринимаются не совсем адекватно некоторыми адресатами.

Мы полагаем, что высказывания фасцинативного ЛКТ «юродивый» прежде всего подталкивают адресата к размышлениям, способствуют переходу на язык подсознания, а также к эмоционально-экспрессивной оценке сообщения и к возможному диалогу. При этом, по словам Е. В. Омельченко, «активизируется внутренняя речь, автокоммуникация (коммуникация в формате Я – Я), индуцируются креативные высказывания. С точки зрения воздействия осуществляется убеждение (влияет на сознание) и внушение (влияет на подсознание) в рамках фасцинативно-коммуникативной стратегии» [Омельченко, 2013, с. 137]. Заметим, что

подавляющее большинство адресатов юродивого не желают прикладывать больших усилий в ходе преодоления «фильтров» информации (проблемных ситуаций), хотя фасцинация придает самому сообщению аттрактивную форму (вдохновляет, увлекает, и даже завораживает слушателей).

Таким образом, недостаточно понять непосредственное значение сообщения юродивого, но необходимо найти внутренний смысл, который стоит за этим значением. Именно это положение и свидетельствует о том, что текст может быть понят или «прочтен» с различной степенью понимания. Глубина же «прочтения» текста «может отличать различных людей друг от друга в значительно большей степени, чем полнота восприятия поверхностного содержания» [Филиппова, 2004, с. 86].

Одним из объяснений использования непрямой коммуникации ЛКТ «юродивый» может быть тезис, что именно не прямые средства позволяют юродивому лучше всего адаптироваться к ситуации общения. Достаточно часто отказ от выражения прямых пропозиций зависит от ограничений, налагаемых ситуацией общения. По словам С. Н. Плотниковой, «если у говорящего возникают смыслы, несанкционированные тем дискурсивным сообществом, в котором он в данный момент находится, то такие смыслы должны остаться невыраженными» [Плотникова, 2003, с. 265].

Для процесса понимания речи юродивого ключевым является поиск смысла, приводящий к выбору из ряда возникающих альтернатив. Происходят попытки расшифровать значение всего сообщения, того, что создает его общую связность (внутренний смысл) и придает сообщению глубину (подтекст). Эти попытки, как правило, направлены на поиск контекста воспринимаемого высказывания без которого невозможны ни понимание целого текста, ни правильная оценка входящих в его состав элементов. Однако, «выигрывает» тот смысл, который оказывается более приоритетным для говорящего в данном дискурсе.

Типичными случаями непрямой коммуникации фасцинативного ЛКТ «юродивый» являются коммуникативные неудачи. Вслед за О. Н. Ермаковой

под коммуникативной неудачей мы понимаем «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская, 1993, с. 31].

Конфликтные ситуации и коммуникативные неудачи возникают чаще всего из-за редукции правил и этикетных норм. В известной теории Г. П. Грайса были сформулированы правила (максимы) коммуникации, которые отражают нормативные требования, с учетом которых должен реализоваться процесс коммуникации [Грайс, 1985]. Одним из основных, постулируется «принцип Кооперации», заключающийся в требовании делать вклад в речевое общение согласно принятой цели и направлению разговора.

«Принцип Кооперации» можно рассматривать как своего рода договор, аналогичный нормам речевого и внеречевого поведения. Говорение есть один из видов целенаправленного, осознанного и рационального поведения. Юродивый не соблюдает данные предписания, поэтому сложно обнаружить ключи к интерпретации смыслов его высказываний, особенно неявных, не выраженных буквально.

Таким образом, комплексное рассмотрение языкового материала, необходимого для моделирования ЛКТ «юродивый» указывает на необходимость расширения имеющейся типологии типажей, в связи с фасцинативностью юродивого. Фасцинативность ЛКТ «юродивый» выражается в образно-перцептивной и ценностной составляющей, ярко представлена в коммуникативном поведении, характеризующимся непрямой коммуникации и несоблюдением постулатов общения.

Выводы по главе 1

В рамках первой главы приведены подходы к изучению языковой личности в отечественной лингвистике. Неоднозначность в понимании языковой личности позволяет лингвистам анализировать ее с различных позиций, выделяя: русскую языковую личность, полилектную/идеолектную личность, этносемантическую личность, элитарную языковую личность, диалектную языковую личность, языковую и речевую личности, словарную языковую личность, эмоциональную языковую личность. Типология языковой личности представлена так же широко и строится на различных принципах: по степени конфликтности, по уровню речевой культуры, по признаку количественности, по коммуникативному потенциалу, социокультурной принадлежности, по сфере словесности, по способности к производству и анализу речевого произведения. В настоящее время исследователи предлагают различные модели языковой личности в соответствии с характеристиками языковой личности, с уровнем развития языковой личности, с уровнем абстракции, со степенью типизации.

В последнее десятилетие развиваются два лингвистических направления, в рамках которых лежит исследование типизации языковой личности: прототипический подход к изучению языковой личности и теория лингвокультурных типажей (ЛКТ). Теория ЛКТ, основанная на стыке антропоцентрической лингвистики и когнитивной лингвистики, позволяет с позиции типизации исследовать языковую личность, акцентируя внимание на этнокультурном своеобразии типажа. Будучи концептом, с одной стороны, и языковой личностью, с другой, ЛКТ представляет собой совокупность характеристик, свойственных и концепту, и языковой личности. Соответственно, в составе ЛКТ выделяют четыре характеристики, свойственных концепту (социокультурная, понятийная, образно-перцептивная, ценностная) и аспект коммуникативного поведения, характерного для описания языковой личности. Выделенные составляющие

ЛКТ обуславливают структуру нашего диссертационного исследования.

С учетом выделяемых разновидностей типажей мы определили специфику ЛКТ «юродивый», характеризуя его как этнокультурный, дисперсный, яркий, реальный, положительный. Системообразующим диагностическим признаком анализируемого типажа является фасцинация, которая присутствует в образно-перцептивной и ценностной составляющей типажа. Являясь мощным эмоциогенным воздействием, направленным на реципиентов с целью интенсификации восприятия и освоения информации, фасцинация может быть как положительной, так и отрицательной. Осознание фасцинативного воздействия как такового позволяет говорить о субъективности восприятия, позволяющей расширить типологическую классификацию типажей за счет введения антиномии «субъективные/объективные» типажи. К объективным ЛКТ относятся те, в основе которых лежат фактические сведения (исторические события, географическое положение, социо-профессиональная специфика и пр.), к субъективным – ощущения реципиентов, вызываемые фасцинацией.

Коммуникативное поведение, представляющее собой одну из ключевых характеристик ЛКТ «юродивый», также маркировано фасцинативностью, которая заключается в непрямо́й коммуникации и нарушении коммуникативных норм.

Глава 2. Социокультурные и понятийные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»

2.1. Социокультурная справка типажа «юродивый»

Приведем социокультурную справку рассматриваемого типажа (методика см. Дмитриева, 2007, 2008). Для более детального изложения мы распределили проанализированный материал по блокам.

Происхождение подвига юродства

Предшественниками юродивых «Христа ради» считаются многие ветхозаветные пророки, хотя они не являлись таковыми в полном смысле, а лишь прибегали к эпатажным действиям, чтобы открыть людям Божью волю. Например, пророк Осия взял в жены блудницу (Ос. 1:2); Исая разделся и ходил нагим (Ис. 20:2); Иеремия носил на шее ярмо (Иер. 28:10), а Седекия – железные рога на голове (3 Цар. 22:11), Иезекииль лежал 390 дней на левом боку и 40 – на правом (Иез. 4:4-6). Иногда пророки вставали на путь прямой провокации, весьма напоминающий юродский [Образ юродивого, www]. В Новом Завете апостол Павел противопоставляет земную «мудрость» мудрости во Христе: *«Никто не обманывай самого себя: если кто думает из вас быть мудрым в веке этом, тот будь безумным, чтоб быть мудрым, ибо мудрость мира этого есть безумие пред Богом...»* (1 Кор. 3:18-19). Иными словами, юродивый «отрекается от того, чтобы быть *homo sapiens* и, по собственному выбору, относит себя к иному виду – *homo non sapiens*» [Чагинская, 2008, с. 156].

Юродство Христа ради как особый вид подвижничества возникает в середине IV в. – начале V в. в Египте одновременно с монашеством. Епископ Палладий Еленопольский в «Лавсаике» рассказывает о монахине в одном из египетских монастырей, отличавшейся странным поведением. Она жила обособленно, выполняла всю грязную работу, делала вид, что безумна и одержима бесами. Когда же обнаруживается ее святость, она покидает

монастырь. Евагрий Схоластик (ум. 600 г.) повествует в своей «Церковной истории» о травоядцах, аскетах, которые питались травами и растениями; «эти аскеты вернулись из пустыни в мир, но в миру продолжали аскетический подвиг – ходили в одних набедренных повязках, постились и притворялись безумными. Их поведение было исполнено соблазна, и это демонстрировало то совершенное бесстрашие, неподверженность соблазнам, которых они достигли своим аскетическим подвигом» [Гордон, www].

Как один из редких видов святости юродство формируется к VI-VII вв. С XIV века юродство исчезает в Византии и становится всецело русским явлением. Из сорока юродивых, прославленных всей Православной Церковью, лишь шесть жили в Византии, остальные – на Руси. В Киевской Руси первым по времени юродивым был киево-печерский монах Исаакий, скончавшийся в 1090 г. Расцвет юродства выпадает на XVI в.: в IV-X вв. Православная Церковь насчитывала не более 4-х канонизированных юродивых, в XIV в. – 4-х почитаемых русских юродивых, в XV в. – 11, в XVI в. – 14, в XVII в. – 7. Родиной юродства принято считать Великий Новгород. Во 2-й половине XVI в. в России уже существовало немало храмов, где находились мощи канонизированных и почитаемых юродивых [Кравченко, 2003, с. 915].

Юродивые на Руси естественным образом вписались в культурный контекст не случайно. Дело в том, что для России образцом и идеалом, достойным стремления, всегда была только святость. Поэтому за ней закрепилось название «святая» (к примеру: Англия – «добрая, старая»; Франция – «прекрасная»; США – «страна свободы и демократии» и т.д.). На Руси «евангельская истина рассматривалась не как инверсия мудрости, а именно как норма» [Чагинская, 2008, с. 157]. Поэтому западная культура, не понимающая юродства, «признает его как отличительную черту национальной самобытности русского человека» [Ильина, 2011, с. 74]. Отметим, что в большинстве европейских языках не существует лексемы «юродивый» – «faible d'esprit» (фр.) – слабоумный, «chiflado» (исп.) – чудака,

чудачка, чокнутый, тронутый, но есть описательная конструкция «сумасшедший во Христе» или «сумасшедший ради Христа», которая используется для наименования юродивых в русской культуре: «God's fool, holy fool (idiot believed to possess the gift of prophecy), fool for Christ's sake» (анг.), «Narr in Christo» (нем.), либо используется транслитерация: «yurodivy» [АВВУУ Lingvo, www].

В начале XVIII в. юродство становится помехой для государственной власти. Во-первых, юродивые вели бродячий образ жизни и были мало подконтрольны. Хотя они и не представляли угрозу дестабилизации в стране, но в рамках тоталитарности всякая «инаковость» исключалась. Во-вторых, при Петре I только высшая власть могла быть в центре внимания, но никак ни такая яркая фигура, как юродивый. В-третьих, на смену практики «духовного делания» как высшей средневековой формы деятельности приходит материальное «дело-действие», которое считалось ценным само по себе. Исходя из этого становится понятен указ 1716 г., по которому юродивые «подлежали наказанию, гражданскому суду и высылке в монастыри» [Юрков, 2003 а, с. 84]. Монастыри же, в свою очередь, переделывались в богадельни — приюты для увечных, немощных и калек. Российский монарх порицал праздношатающийся народ: фокусников, скоморохов, бродяг, нищих, кликуш, а также и юродивых, поэтому и определял их под надзор.

С XVIII в. юродство частично лишается церковного признания и все более отклоняется от «классических образцов». Государственная и церковная власти начинают относиться к юродивым с подозрением, видя среди них много лжеюродивых и подлинно безумных. По выражению Г. П. Федотова, лишаясь духовной поддержки, юродство «спускается в народ и претерпевает процесс вырождения», не исчезая, однако, окончательно из русской жизни [Федотов, 2000, с. 172]. После 1917 г. большевики объявили юродивых социально опасными элементами, диссидентами, разносчиками религиозных предрассудков, и на них начались гонения. Несмотря на это, подвиг юродства

был достаточно распространен и в 30–70-е годы XX-го столетия.

Виды юродства и типы юродивых

Разноречивое отношение к юродивым в народе нашло отражение в Толковом словаре В. И. Даля: «Юродивый – безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший. Народ считает юродивых Божьими людьми, находя в их бессознательных поступках глубокий смысл. Юродство означает не только святость, но и безумие; юродствовать, значит напускать на себя дурь, прикидываться дурачком. Некоторые юродивые выдавали себя за безумцев, другие действительно страдали умственными расстройствами» [ТСЖВРЯ, 1909]. В древнерусской литературе юродивый чаще всего «рассматривался как “отмеченный Богом”, как “выражающий волю Бога”» [Комовская, 2010, с. 102].

Следует отметить, что в дореволюционной России существовали два разных понятия «юродивый» – дурачок, ненормальный и «юродивый Христа ради» – человек, безумствующий ради заповедей Божьих. «Безумие во Христе – это когда человек принимает на себя колоссальный подвиг и воспринимает окружающий мир сквозь призму правды Божьей» [Брусков, www]. Правду Божью и евангельские заповеди он возводит на максимальную высоту, а через разные странные поступки смеется над законами мира сего, над материальными, мирскими привязанностями.

Как разъяснял преподобный Серафим Саровский, подвиг юродства требует мужества и силы духа, и никто без особого Божьего призвания не должен брать его на себя — иначе можно «сорваться» и стать лжеюродивым: «истинных блаженных и Христа ради юродивых бывает мало; большинство из них бродящие по России, взявшие самопроизвольно на себя этот тяжелый подвиг, порочные люди, руководимые врагом человечества» [Чичагов, 2011, с. 675].

Можно выделить несколько видов юродства. Прежде всего истинное – «Христа ради»; во-вторых лицемерное – «ста ради», т.е. с целью материальной или иной наживы; и в-третьих – природное убожество, часто

сопровождавшееся безумием или частичным отсутствием здравого ума. Некоторые авторы, в т.ч. Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко [Лихачев, Панченко, 1984], предлагают различать *юродство природное* и *юродство добровольное* («Христа ради»).

Несмотря на тот факт, что юродство Христа ради представляет собой один из чинов/ликов православных христианских святых, особое распространение оно получило именно в русской культуре. По замечанию европейского исследователя России XIX века Анатоля Леруа-Болье: «...Русский народ — один из тех немногих народов, который любит то, что составляет сущность христианства крест. Русский человек не научился ценить страдание, он воспринимает его силу, чувствует действенность искупления и знает вкус его горькой сладости ... Презрение к форме, ко всякой мере, жажда абсолютного во всем, ненависть ко всякой «прилизанности», ко всяким общепринятым правилам, к мещанскому духу, где бы он не проявлялся, получают в юродстве свое самое полное выражение» [Цит. по: «Дивеевские Христа ради юродивые Пелагия, Параскева и Мария», с. 7]. По мнению французского исследователя, желание подражать Христу и Его Кресту, любовь к подвигу живет в сердце каждого русского, сознательно утверждающего свое христианство, а у юродивых эта любовь доводится до самых крайних пределов.

2.2. Понятийная составляющая типажа «юродивый»

Перейдем к рассмотрению и анализу понятийной составляющей ЛКТ «юродивый», который является феноменом христианской культуры, о чем свидетельствуют четко оформленные представления и оценка типажа в традиционном христианском русском коммуникативно-массовом сознании. Обратимся к словарным дефинициям.

Большой толковый словарь русского языка дает два основных значения слова «юродивый»: «...1. В православии: обладающий даром пророчества святой подвижник, отвергший все мирские ценности, житейскую мудрость и избравший для себя особый подвиг – бесприютное нищенство. Юродивый Василий босой. 2. Чудаковатый человек; дурак (2 зн.). < Юродивая, -ой; ж.» [БТСРЯ, 2000].

Согласно «Учебному словарю-минимуму по религиоведению» под ред. профессора И. Н. Яблокова, «юродивый – в христианстве человек, избравший особенный путь спасения – “юродство Христа ради”. Этот способ подвижничества восходит к словам апостола Павла (1 Кор. 3:18–19). Юродивый принимал на себя личину безумия перед людьми, под которой он скрывал для Бога свою духовную премудрость. Эти подвижники отказывались от общепринятых норм поведения, удобств и преимуществ общественной жизни. Находясь среди социальных низов, юродивые смирением, кротостью, любовью к ближним врачевали духовные и нравственные пороки» [УСМР, www].

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. А. Абрамова приводится следующий синонимический ряд: *Юродивый, безумный, идиот, кретин, полоумный, помешанный, сумасшедший, тронутый, умалишенный, душевнобольной, маньяк; малоумный, дурачок, Божий человек, блаженный; взбалмошный, вздорный, заполошный, несуразный, неукротимый, странный, чудаковатый, экстравагантный, эксцентрический* [СРС, 1911].

Изучив этимологию слова, М. Фасмер утверждает, что: «Юродивый от др.-русс. юродивъ, начиная с XIV в., до этого – уродивъ, т.е. "слабоумный, юродивый"» [ЭСРЯ, 1987]. Обратим внимание на то, что именно в разговорной речи слово «*юродивый*» приобрело отрицательно-оценочные характеристики.

«Новый словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой определяет «юрод – м. разг. То же, что: юродивый» [СТСРЯЗ, 2006].

Ближайшим синонимом лексической единицы «юродивый Христа ради» является «блаженный». Это слово заимствовано из церковнославянского языка и происходит от «блажити», которое означает «нарицать блаженным», то есть «делать благим, хорошим» [ЭСРЯ, 1987], и является отражением оценки юродивого носителями русской лингвокультуры.

Блаженным считается – «1. м. разг. 1) Тот, кто несказанно счастлив. 2) Тот, кто ведет аскетический, праведный образ жизни и обладает - по мнению религиозных людей - даром прорицания; юродивый. 3) перен. Тот, кто чудаковат. 2. прил. 1) В высшей степени счастливый. 2) Доставляющий удовольствие, наслаждение; чрезвычайно приятный. 3) а) Ведущий аскетический, праведный образ жизни и обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания; юродивый. б) перен. Чудаковатый» [СТСРЯ1, 2006].

Традиционно на Руси блаженными именовали юродивых (Василий Блаженный, блаженная Ксения Петербургская, блаженный Прокопий Устюжский, блаженный Паисий Киево-Печерский).

По определению «Большого энциклопедического словаря», «*юродивые* – на Руси, аскеты, обладающие, по мнению верующих, даром прорицания. Одни из них выдавали себя за безумцев, другие страдали умственными расстройствами. Смело обличали царей, вельмож и др. В народе почитались святыми» [БЭС, 2000]. Однако, с позиции христианства, страдающие умственными расстройствами аскеты или подвижники не могут быть

святыми, т.к. юродство всегда осознанно.

Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова утверждает: «*Юродивый*» – 1. Глуповатый, чудаковатый, безумный. У каждого свой сказ про юродивого помещика. Некрасов. 2. в знач. сущ. юродивый, юродивого, м. Христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания (церк., религ.). Христа ради или во Христе юродивый. Молись за меня Богу, юродивый! Пушкин» [ТСРЯ, 2013].

Православный энциклопедический словарь позволяет детализировать понятийную составляющую ЛКТ. По утверждению данного издания, «*юродивый Христа ради* – святой, избравший особенный, очень редкий и очень сложный путь спасения. Большинство юродивых отличались полным пренебрежением ко всем благам жизни - круглый год ходили босыми и почти без одежды, некоторые носили вериги. Эти подвижники не боялись говорить правду в глаза сильным мира сего даже царям, обличали людей несправедливых и забывающих правду Божию, радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. За подвиги самоотречения Бог награждал их дарами мудрости и прозорливости» [ПЭС, 2000].

По определению «Энциклопедического словаря педагога» В. С. Безруковой, «*юродивый* (стар. слав. – глупый, безумный) – человек, сознательно взявший на себя подвиг изображать видимое безумие с целью достижения внутреннего смирения и показа миру, что его ценности во многом ложные. Внешне этот человек выглядит психически неполноценным, фанатично верящим в Бога. Это подвиг – быть аскетом: ходить босиком, плохо одетым, резвиться с ребятами, просить милостыню, спать на улице. Многие из юродивых обладают даром прорицания, смело обличают несправедливость, говорят «правду в глаза сильным мира сего». Православная церковь рассматривает юродство как форму протеста против безнравственного мира. Юродивые нередко объявляются людьми, отмеченными “Божьей печатью” и пользующимися особым расположением Всевышнего. Многие из них даже причисляются к лику святых» [ОДК, 2000].

Все приведенные выше дефиниции дают возможность выделить следующие конститутивные признаки лингвокультурного типажа «юродивый»: 1) человек, 2) христианин, 3) аскет, 4) прорицатель, 5) обличающий несправедливость, 6) кажущийся безумным, 7) святой подвижник.

Номинация «юродивый» выражает отдаленность подвижников от общества и их избранность Богом. «Оттеняется свойство их благочестия, состоящее в отвержении их миром, в презрении их обществом, смотревшим на них не как на своих членов, а как на маргиналов» [Кузнецов, 1913, с. 58].

Таким образом, ЛКТ «юродивый» представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о типовом поведении человека, отличающегося от других в рамках русского социума. Это отличие предполагает соотнесение поведения и привычек такого человека с усредненной нормой и проявление несоответствия: *прорицатель, безумный, душевнобольной, маньяк, идиот, кретин, святой*.

В «Русском ассоциативном словаре» [РАС1, 2002] даны следующие реакции информантов на стимул «юродивый»: человек (11), мальчик (4), нищий (4), старец (4), блаженный (3), больной (3), дурачок (2), жалость (2), калека (2), литература (2), опера (2), святой (2), убогий (2), урод (2), бегемот, благочестивый, близнец, большой, Борис Годунов, Бориска, Василий Блаженный, Вася, господин), грязный, добрый, друг, дурак, жених, Зосима, имя, инвалид, козел, копеечка, кривой, малый, молить, мужик, на площади, на Руси, на улице, начальник, не урод, ненормальный, несчастный, обезьяна, обидеть, обиженный Богом, орет, отдергивание, парень, парниша, паяц, попугай, предсказание, придурок, пророк, пусто, слабоумный, страдалец, страшный, счастливый, сын, тихо плакал, храм Василия Блаженного, церковь, чудак, юнец (1).

Во втором томе «Русского ассоциативного словаря» [РАС2, 2002] представлены следующие данные (от реакции к стимулу), характеризующие моделируемый типаж: *юродивый* – убогий (6), блаженный, Божий (2), калека,

псих (1).

Приведенные выше ассоциации и реакции показывают, что в современном русском массовом коммуникативном сознании *юродивый* представлен, прежде всего, как *старец*, *мальчик* или *нищий*, ассоциируется с обиженным Богом: *он Божий (у-богий)* и *блаженный*, может быть как *святым*, так и *ненормальным*, *несчастливым*, *больным*, *калекой*, и поэтому вызывает или почтение или жалость.

Отметим, что слово «*юродивый*» входит в словообразовательное гнездо «*юрод*». Вместе с номинацией «*юродивый*» для обозначения данного ЛКТ в гнезде представлены номинации «*юродивец*», «*юродливый*», «*юродствующий*» [СОСРЯ, 1985]. Как можно заметить, языковые единицы *юродивец*, и *юродливый* очень близки по значению с *юродивым*, являются дериватами, тогда как *юродствующий* соотносится с лексемой «*лжеюродивый*». В главе 4 будет представлен анализ оценочных характеристик, присущих *юродивому* и *юродствующему* («*лжеюродивому*»).

Лингвокультурный типаж «*юродивый*» отрефлексирован в текстах разных жанров (житийных, фольклорных, прозе), где представлен либо описанием реального человека, либо фикциональным персонажем, либо прототипичным описанием реального человека.

В качестве номинации ЛКТ «*юродивый*» в религиозных текстах выступают единицы «*юрод*», «*юродивый*» и «*блаженный*». Проиллюстрируем примерами текстов на церковнославянском языке.

В Акафисте юродивому Василию блаженному говорится: «*Радуйся, преблаженне Василие, юроде богомудре, московский чудотворче*» (Икосе 1).

В тропаре блаженному Андрею, Христа ради юродивому поется: «*Глас апостола Твоего Павла услышав, глаголющ:/ мы юроди Христа ради,/ раб Твой, Андрей, юрод бысть на земли/ Тебе ради, Христе Боже./ Темже ныне память его почитающе,/ Тебе молимся, Господи, спаси души наша*».

В Акафисте святому блаженному Прокопию Устюжскому, находим фрагменты его жизнеописание: «*Странен и юрод Христа ради быв, не*

обреташе блаженный Проконие единою, зиме лютей сущей, крова к согрешению отмерзшия плоти своея: тогда Человеколюбец Господь посла ангела своего с ветвию цветов райских, еюже прикоснувся к лицу блаженнаго, теплоту живительную вдохну в хладное тело его, и тако согрет быв, и ожив радуясь, возопи ангелов и человек Владыце Богу: Аллилуиа» (Кондак 8).

В учении М. М. Бахтина о «народной смеховой культуре» (подробнее мы рассмотрим ее в п. 4.2.) «юродивый» относится к специальным служителями «смехового мира», среди которых были «шуты», «скоморохи», «клоуны», «актеры».

Чтобы выяснить, насколько верно такое понимание сути юродства, а мы подразумеваем основное значение – «юродство Христа ради», проанализируем понятийную составляющую приведенных лексем.

Согласно «Толковому словарю» Д. Н. Ушакова «шут» определяется как: «1) В старину лицо при барском доме или при дворце, в обязанности которого входило развлекать забавными выходками господ и гостей. 2) Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях, паяц. 3) перен. человек, паясничающий и балагурящий на потеху другим, являющийся общим посмешищем (пренебр.). 4) употр. как эвфемизм вместо чорт, дьявол в некоторых выражениях (разг. фам.)» [ТСРЯ, 2013]. В настоящее время нет точных этимологических сведений относительно происхождения этого слова, но предполагают, что оно того же корня, что и лит. *siùtas* "бешенство, ярость", *siùsti* "беситься" и т. д. Исходное значение в таком случае "бешеный", затем "дурачок" > "шут" (который только валяет дурака) [ШЭСРЯ, 2004].

Синонимами выступают лексемы *шутник, забавник, комик, гаер, скоморох, клоун, комедиант, паяц, буффон, эксцентрик, дед балаганный, Арлекин, Полишинель* [СРС, 1911]. «Большой словарь русских поговорок» приравнивает шута в исходном значении слова к домовому и лешему [БСРП, 2007]. Итак, мы видим, что под шутом понимается забавный и

раскрепощенный человек, промышляющий шутовством, шутками, остротами и дурачеством. Делает он это на смех и потеху людям. Шуты и шутихи находили приют у богатых и состоятельных людей, развлекавая и забавляя хозяев. В языке, однако, зафиксировано слово *шутник* – «нечистый, черт, обиходным является “домашний дурачок/дура, скоморох, клоун”» [Там же].

В «Толковом словаре иноязычных слов» *клоун* – «одуш. [англ. clown первонач. неотесанный парень, деревенщина < лат. colōnus житель деревни, крестьянин]. 1) Артист цирка, исполняющий комедийно-буффонные сценки и интермедии. Клоунесса — женщина-к. 2) перен. О том, кто кривляется, паясничает» [ТСИС, 2008].

Толковый словарь Ефремовой уточняет: «Клоун. I м. Цирковой артист-комик. II м. Тот, кто разыгрывает в обществе роль шута» [СТСРЯ1, 2006].
Синонимами «клоун» выступают: актер, шут [СРС, 1911].

В рассматриваемом нами ряду «шут, скоморох, клоун, актер, юродивый» основными релевантными признаками «клоуна» являются: умение разыгрывать роль, кривляться, паясничать.

Согласно «Малому академическому словарю», «скоморох 1. мн. ч. (скоморо́хи, -ов). В древней Руси: странствующие актеры, бывшие одновременно певцами, плясунами, музыкантами, акробатами и т. д. и авторами большинства исполнявшихся ими драматических сценок» [МАС, 1988].

Толковый словарь С. И. Ожегова уточняет: «1. бродячий комедиант, остро слов. 2. перен. Несерьезный человек...» [ТСРЯ, 2006]. Этимология языковой единицы «скоморох» представляется вероятным как переоформление греч. skōtmarchos "мастер шутки", восстанавливаемого из сложения skōtma "шутка, насмешка" и archos "начальник, вождь" [ШЭСРЯ, 2004].

Перечислим близкие синонимы лексемы «скоморох»: актер, шут; буффон, ера, шпильман, арлекин, фарсер, балясник, музыкант, фигляр, остро слов, гаер, кривляка, бадхан, сатирик, акробат, клоун, ерник, комедиант,

певец» [СРС, 1911].

Необходимо отметить, что искусство скоморохов быстро сделалось их профессией и ремеслом. Паремиологический фонд русского языка отрефлектировал это в следующих речениях: *«Всяк спляшет, да не как скоморох», «Стал (я) по городу скоморохом ходить, по копеечке собирать, шута из себя разыгрывать, прибаутки рассказывать»*. Глагол «скоморошить» содержит в себе определенные критерии коммуникативного поведения языковой личности «скоморох»: петь, плясать, балагурить, разыгрывать сценки. Диагностирующим признаком определяющим истинного скомороха, под которым мы подразумеваем лингвокультурный типаж, а не роль является высокий уровень художественности, что получило фиксацию в следующих паремиях: *«Не учи плясать, я сам скоморох», «Скоморошьи песни, веселые песни, потешные, забавные»* [ТСЖВРЯ, 1909].

В коммуникативно-массовом сознании носителей русской культуры скоморохи номинировались забавниками, потешниками и «веселыми ребятами», тогда как с позиции христианского мировоззрения скоморошество негативно оценивается, считается бесполезным, идеологически и духовно вредным и опасным, т.е. скоморохов ставили в ряд с такими носителями языческого мировоззрения, как колдуны, волхвы, ворожеи, чаровники и волшебники. Эта позиция нашла отображение в поговорках: *«Бог дал попа, черт скомороха», «Скоморох попу не товарищ», «Скоморошние потехи сатане в утеху»* [Там же].

При сравнении шута и скомороха мы выделяем отличительный признак: если шут – «придворный клоун, который купается в шоколаде», то скоморох – «мрачный философ, который борется за свою правду, принципы и мировоззрение» [Кузнецов, www]. Данный признак также фиксируется в речениях: *«Скоморох голос на гудке настроит, а жизнь своего не устроит», «И скоморох ину пору плачет»*.

Анализ показал, что скоморошество представляет собой профессию и ремесло. Если в ценностных приоритетах шута присутствуют витальные

ценности: обеспечивающие комфортное существование, то скоморох ориентирован на моральные ценности: «Один из удельных крестьян нижегородской губернии исправно содержал семью и оплачивал повинности, бродя с волынкой из цельной шкуры теленка, свища всеми птичьими посвистами, беседея один за троих» [ТСЖВРЯ, 1909].

Рассмотрим слово «актер», значение которого близко к семантике единиц шут, скоморох, клоун. Одно из объяснений предлагает «Толковый словарь иноязычных слов»: *актёр* – «одуш. [фр. *acteur* < лат. *āctor* действующий, исполнитель, декламатор]. Исполнитель ролей в драматических спектаклях, в кинофильмах, см. также актриса. Актёришка (разг. пренебр.) — о плохом, бездарном актере. Актёрство — 1) профессия актера; 2) перен., разг. неодобр. рисовка, притворство в поведении. Актёрский — 1) относящийся к актеру, актерам; 2) лишенный естественности, притворный» [ТСИС, 2008]. «Актер (иноск.) — притворщик, лицемер. Актерствовать — притворяться. Актер (в прям. смысле) — лицедей, действующее лицо» [РМиР, 1912].

Важными конститутивными признаками типажа «актер» являются: лицемерие, лицедейство, отсутствие естественности, притворство. Синонимами слова «актер» являются: «Артист (сценический), лицедей, комедиант, скоморох; гастролер; (амплуа: инженерю, первый любовник, комик, трагик, резонер, статист, фигурант, клоун, гимнаст, акробат)» [СРС, 1911].

Таким образом, в результате языкового анализа мы установили, что, будучи христианскими подвижниками, юродивые «не стеснялись говорить правду в глаза сильным мира сего, обличали людей несправедливых и забывающих правду Божию, радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных» [ЭСБЕ, www]. Хотя юродивый принимал на себя вид безумного человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, позволяющего себе иногда соблазнительные действия, он имеет мало общего с специальными служителями «смехового мира» – «шутами», «скоморохами», «клоунами» и «актерами».

2.3. Трансформация типажа «юродивый» в современном русском массовом сознании

В связи с примитивизацией ЛКТ «юродивый» в народном массовом сознании, при котором на первый план выходят формальные признаки (образно-перцептивные, коммуникативные) и нивелируются ценностные, происходит смешение семантики таких понятий как «юродивый», «дурак», «урод», «похаб», «глупец». Для семантического анализа перечисленных единиц обратимся к словарным дефинициям.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова определяет, что *дурак* – «(1) человек с ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый, (2) – не обнаруживающий ума, лишённый разумной содержательности, целесообразности» [ТСРЯ, 2006]. Как мы видим, конститутивным признаком является «*недостаток умственных способностей*»

Согласно «Энциклопедии символов, знаков, эмблем», *дурак* – «карнавальная инверсия образа короля и являлся не столько знаком комичности, сколько дуальности общественной организации. Выполнял функцию социально-психологической разрядки в иерархических системах. В средневековой Европе при отсутствии гласности и свободы слова задача политической критики возлагалась на шутов. В России эта роль принадлежала юродивым» [СЗЭЭ, 2005]. Мы не можем согласиться с подобной позицией относительно роли юродивых в обществе, поскольку согласно «Словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, в народном коммуникативном сознании юродивые представляются *Божьими людьми, способными предчувствовать или предвидеть будущее.*

В том же толковом словаре зафиксировано: «Дуракъ м. (дура ж.) глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный. // Малоумный,

безумный, юродивый. // Шут, промышляющий дурью, шутовством» [ТСЖВРЯ, 1903]. Следует обратить внимание на присутствие в синонимичном ряду лексемы «юродивый».

В качестве номинации ЛКТ «юродивый» выступает языковая единица «урод». По данным Этимологического словаря русского языка Семенова древнерусское «юродивый» было синонимом «уродь, слабоумный». «Слово образовано с отрицанием от существительного «род», произошедшего от индоевропейского корня со значением «поднимающийся, растет, множит». Обозначает человека с физическими или моральными недостатками развития» [ЭСРЯ, 2003].

Этимологический словарь Крылова дает существенное дополнение: «Урод – образовано с помощью приставки у от существительного *род* – «поколение, семья». Глагол уродиться помогает понять исходное значение этого существительного. В русском урод – «некрасивый»» [ЭСРЯ, 2005].

Безусловно «юрод» созвучно с «урод» – «1. Человек с ярко выраженным физическим недостатком, безобразной внешностью и обычно психически неразвитый. 2. Разг. Человек с некрасивой внешностью. 3. Разг. О человеке с какими-л. дурными свойствами характера, странностями в поведении и т.п.» [БТСРЯ, 2000].

«Урод – (иноск. бранн.) безнравственный, юродивый (намек на физическое уродство) Ср. И чтоб никакой урод Не обманывал народ! (Ершов. Конек Горбунок)» [БТФСРЯ, 2005].

«Урод – (уродец, уродик, уродища) – выродок, рожденный калекою или не по образу себе подобных, природный каженик, телесно искаженный; выродок нравственный: безумный, юродивый; безнравственный, человек дурных правил или склонностей, своеобразный, упорный, неужиточный» [ТСЖВРЯ, 1909].

«Уродствовать – юродствовать, юродиться, прикинуться глупым, несмысленным или шутом» [Там же]. Появление лексемы «юродствовать» в объяснительном ряду «уродивый, уродствовать» связано с этимологией слова

«юродивый». М. Фасмер утверждает, что: «Юродивый от др.-русск. юродивъ, начиная с XIV в., до этого – уродивъ, т.е. "слабоумный, юродивый"» [ЭСРЯ, 1987].

Лексема *урод* описывается следующим образом: «Урод есть, иже естеством уродится что какво..., а юрод наречется буй и несмыслен». Следовательно, за притворным безумцем закрепляется обозначение «юродивый». Встречающееся в русских житиях святых словосочетание «творяще ся юрод» обозначает «прикидывающийся безумным» [Иванов, 1994, с. 8].

«Признак ущербности физического характера, заложенный в значении этимона, впоследствии вытеснит признак ущербности ментальной. Детерминологизация понятия произойдет ... к XVII веку, когда обозначение “юродивый” закрепилось именно за святым, из благочестивых побуждений скрывавшимся под личиной безумца, а первоначальное “урод” – за калекой» [Долгов, 2012, с. 2].

В современном русском языке слово *урод* имеет следующие значения – человек, характеризующийся: 1) физическими недостатками; 2) некрасивой внешностью; 3) ненормальным поведением.

Следующая анализируемая лексема *похаб* означает – «муж., церк. юродивый, дурень. Похабный, наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный. Похабить, -бничать, -бствовать, сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться и пр. | Похабить что, портить, гадите; портить, баловать ребенка, говорят и похабный» [ТСЖВРЯ, 1907]. «Похаб – глупый; жестокий; бесстыдный» [ПЦсС, 1899]. Значением лексемы «похаб» является «наглость, сквернословие, глупость».

Рассмотрим также соотношение «юродивый» и «глупец». «Глупец – человек, делающий глупости. Глупость – неспособность понимать; недостаток ума. Глупый – неумный, малоумный, дурной, непонятливый, недогадливый, бестолковый, несообразительный, безголовый, без головы»

[ИСРЯ, 1995].

Дополним приведенную дефиницию цитатами из библейских источников, раскрывающих лексему «глупец», поскольку она имеет иное значение в религиозном дискурсе и с позиции православия ценностная шкала приоритетов личности определена неземными абсолютами и отказом от земных благ, что в массовом коммуникативном сознании оценивается как глупость [Шилов, 2009, с. 60]. «Глупец – глупый, безрассудный, неразумный, безумец, безумный. С помощью этих близких по смыслу понятий ... обозначают людей с ограниченными умственными способностями, человека несдержанного, не владеющего своими эмоциями. Иногда под словом глупец подразумевается человек с низкими умственными способностями, но, как правило, это тот, кто в своих суждениях приходит к неверным выводам: *«А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке»* (Мф. 7:26). Глупый говорит, не дослушав вопроса, он сверх меры многословен (Еккл. 5:3; Сир. 21:29; см. пустословие в Еф. 5:4), пренебрегает наставлением: *«Глупый пренебрегает наставлением отца своего; а кто внимает обличениям, тот благоразумен»* (Притч. 15, 5) и полагается лишь на себя: *«Кто надеется на себя, тот глуп; а кто ходит в мудрости, тот будет цел»* (Притч. 28:26). Он не может скрыть свою глупость, его приходится наказывать, но и это редко приводит к исправлению: *«Толки́ глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его»* (Притч. 27, 22). Кто не любит наставления, тот глупец (Притч. 12:1)» [БЭБ, 1999]. Значением лексемы «глупец» является «человек лишенный рассудка, ума».

В объяснительном ряду описанных лексем фигурирует единица «юродивый» и ее дериваты. Лексема «глупец» соотносится с лексемой «юродивый» посредством общего семантического значения «дурак».

Проведенный анализ показывает, что рассмотренные лексем («дурак», «урод», «похаб», «глупец») не могут безоговорочно являться номинантом ЛКТ «юродивый», но могут выступать в качестве оценки. Например: «А

сестре-то неродной, Авдотье, которая не любила ее очень и всегда бранила, (Пелагея Ивановна) сказала: «Ты вот хоть и не любишь меня и злилась на меня, Дуня, но Бог с тобой; только помни: хоть и выйдешь ты замуж, а первым же ребенком умрешь». И разбранила же за то ее Авдотья и говорила матери: «Дура-то твоя вот, слышишь, что выдумала говорить». И не поверила, а как вышла замуж, да и вправду первым ребенком-то, девочкой, умерла, так и пришлось поверить» [«Безумием мнимым безумие мира обличившие... Блаженные старицы 19-20 веков», с. 118]. Таким образом, мы видим, что в качестве номинанта дивеевской юродивой Пелагеи Ивановны в тексте используется лексема «дура».

Значимыми признаками ЛКТ является широкая узнаваемость, типичность и прецедентность.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова прецедент (от англ. *precedent* – предыдущий, предшествующий) – это «случай, имевший место ранее и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [ТСРЯ, 2006]. В. В. Красных разграничивает и классифицирует прецедентные феномены следующим образом: прецедентные ситуация, текст, имя, высказывание [Красных, 2002, с. 47–48]. Как отметила О. А. Дмитриева, прецедентное имя – «это наиболее часто цитируемое имя лингвокультурного типажа, встречаемое в любом контексте относительно данного типажа» [Дмитриева, 2007 а, с. 90]. Наличие прецедентного имени ЛКТ – факультативный признак, т.к. как показал анализ, не все типажи ассоциируются в коммуникативно-массовом сознании с определенным именем. Кроме того, ряд типажей могут иметь несколько прецедентных имён, благодаря их широкой рекуррентности и цитируемости в искусстве, кино и литературе.

Из общего числа опрошенных нами респондентов (685 человек) не смогли назвать прецедентных имен ЛКТ «юродивый» 20% – 137 человек, поэтому оставшаяся часть – 548 человек была принята при анализе за 100% ответивших. Выявленные имена были отнесены к трем именованным группам:

1) святые, 2) литературные герои, 3) ассоциации, связанные с некоторыми личностями.

В процентном соотношении имена святых распределились следующим образом: были названы имена *св. блаж. Ксения Петербургская (25,3%); Василий Блаженный (21,1%); блаж. Марфа Царицынская (8,8%); Андрей Христа ради юродивый (Царьградский) (8,2%); блаж. Матрона Московская (4,6%); Алексей человек Божий (4,6%); Дивеевские юродивые (Пелагея, Параскева и Мария) (4%); Феодосий Кавказский (2,8%)*.

Менее 1% упоминаний имен: *блаж. Феофил Киево-Печерский; Никола Салос; Исаакий Печерский; блаж. Лаврентий Калужский; Павел Таганрогский; еп. Варнава (Беляев); схиархимандрит Гавриил Ургебадзе (Груз.); о.Павел (Груздев); свят. Иоанн Шанхайский; Елена Пюхтинская; Настя Уфимская; мон. Мария; Диоген Синопский; Прокопий Устюжский; Серацион Сенданит; Прокопий Вятский; Евфросиния Тульская; Феофилакт Болгарский; пророки в Ветхом Завете (Исаия, Иезекииль, Осия); Павел III; Распутин*.

Из литературных героев:

Горбун из Нотр-Дам (Квзимодо) (13,3%); князь Мышкин (Достоевский) (1,7%); юродивый из оперы «Борис Годунов» (1,7%); набрали 0,2%: Соня («Преступление и наказание»); Карлик-нос; Алеша (в рассказе Н.Агафонова); Лизавета Смердящая («Братья Карамазовы»); Вакула («Вечера на хуторе близ Диканьки»).

Часть информантов не смогли конкретизировать имя ЛКТ, однако перечислили следующие ассоциации:

Персонажи из старых русских сказок, исторических фильмов (1,1%); мой класс/одноклассник (1,7%); остальные – менее 1%: литературные герои Достоевского, Чехова, Толстого («Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Детство»); шут у Шекспира («Король лир»); юродивый в фильме «Царь» (играет Иван Охлобыстин); шуты при царе; к/ф «Женитьба Бальзаминова» в холопах барина были юродивые люди (женщина); юродивые

в Вырице; проживает в поселке с матерью около Псково-Печерского монастыря; наши политики; (все) юмористы (на эстраде); 60% населения России; нищие, калеки, просящие милостыню, попрошайки, пьяницы (оружие аморальные вещи); люди сжигающие церкви, ворующие иконы, анархисты; были при Иване Грозном/Петре Первом; про них есть пьеса Л.Улицкой; мужик на картине «Боярыня Морозова» показывающий двуперстие; девушки из «Пусирайт»; главный герой из фильма «Остров».

Учитывая вышеизложенное, считаем, что имена ЛКТ «юродивый» больше относятся к национально-прецедентным, т.е. известны любому среднему представителю той или иной культуры и входят в национальную когнитивную базу, а не к социумно-прецедентным или универсально-прецедентным. Таким образом, с помощью большинства перечисленных прецедентных имён лингвокультурный типаж «юродивый» представлен в коммуникативно-массовом сознании.

Перейдем к рассмотрению прецедентных ситуаций, выделив наиболее характерные. Под прецедентной ситуацией мы, вслед за О. А. Дмитриевой, понимаем: «типичное поведение данного лингвокультурного типажа; ситуация демонстрирующая свойственные паттерны поведения этого типажа, легко всплывающая в сознании носителя родного или иностранного языка» [Дмитриева, 2007 а, с. 90].

ЛКТ «юродивый» представляется в следующих (по частотности) прецедентных ситуациях, описанных респондентами и находящих аналогии в жизнеописаниях. Например, наиболее известное и популярное из них Андрея юродивого Царьградского, а также юродивого Киево-Печерского и др.

1. *Скитается по свету; не имеет дома (без определенного места жительства), обитает на паперти; «не имеет где главу преклонить»; ходит по городу или живет в одном месте.* Например: «Раз как-то случилась суровая зима, и в Константинополе в продолжении двух недель стоял сильный мороз. Тогда все бедняки и нищие были в сильной скорби и стеснении. Тогда и блаженный Андрей, не имея пристанища и теплой

одежды, испытывал немалую скорбь из-за стужи. Когда он, желая хоть на некоторое время укрыться под кровлей, приходил к другим нищим, они гнали его от себя палками, как собаку, крича на него: «Пошел прочь отсюда, пес!» Не имея убежища от случившегося бедствия и отчаиваясь за свою жизнь, он зайдя в один закоулок, увидел лежащую там собаку и, желая согреться от нее, лег рядом с ней. Но собака встала и ушла, а Андрей сказал сам себе: “О, сколь ты грешен, окаянный. Не только люди, но и псы пренебрегают тобой!”» [*«Покров Матери Божией и житие Андрея Христа ради юродивого»*, с. 53-54].

2. *Вещает на улицах; просит милостыню.* Например: «Народ толпами бежал за ним (блаж. Паисием) и следил за каждым движением в надежде услышать от него мудрый совет, притчу или наставление» [*Зноско, «Христа ради юродивый старец Паисий, рясофорный инок Киево-Печерской Лавры»*, с. 40]. «Случалось, что он (блаж. Паисий) становился в ряду калек и убогих и если кто-либо из прохожих подавал ему монету, тут же отдавал ее нищим» [*Там же*, с. 53].

3. *Открыто обличает людей в грехах; не боится (не страшится) говорить правду (только правду Божию) везде и всегда и всем; не взирает на чины и звания.* Например: «Как-то святой Андрей встретил некоего вельможу и, провидя его жизнь, плюнул на него, говоря: “Лукавый блудник, хулитель Церкви, ты притворяешься, что идешь в храм, ты говоришь: «Иду к заутрени», – а сам идешь к сатане для скверных дел. О беззаконник, встающий в полночь и прогневающий Бога! Уже наступило время воспрять тебе по делам твоим! Или ты думаешь, что скроешься от страшного, все видящего и все испытующего ока Божия?!”» [*«Покров Матери Божией ... »*, с. 46].

4. *Пребывает в постоянной молитве, служении людям; живет не для себя.* Например: «Все страдания и лишения ради Господа, ночные бдения и постоянное воздержание стяжали подвижнику такую чистоту сердца, что он (святой Андрей) сделался жителем не столько чувственного, сколько

духовного мира» [Там же, с. 39]. «Придя в себя, инок еще более окреп в духовном делании и всегда приносил благодарение Богу и угоднику Его Андрею, наставившему его на путь спасения» [Там же, с. 52].

5. *Высказывает свои мысли под личиной безумия; говорит что-то непонятное; говорит загадками, притчами, как кажется мирским людям не впопад. Предсказывает и спасает людей. Знает то, что случится с человеком, им известно о жизни незнакомых людей.* Например: «Наконец поняв, что святой говорит ему, вор удивился, каким образом он знает его намерение, и, обратившись к святому, сказал: “Ты действительно бесноватый и по демонскому наущению говоришь о таинственном и неизвестном. Я же нарочно пойду, чтобы видеть, сбудутся ли твои слова!”... Вспоминал он (ослепший вор) также и святого Андрея и удивлялся, как все исполнилось, согласно провиденному и предреченному святым» [Там же, с. 37–39].

6. *Слышит Бога, разговаривает с Ним.* Например: «Блаженный Андрей пришел в восторженное состояние. Он увидел себя в царских палатах. На престоле в великой славе сидел Царь, Который подозвал Андрея к Себе и спросил: “Желаешь ли всей душой трудиться для Меня?” Андрей отвечал: “Желаю, Господи!”» [Там же, с. 33].

7. *Поступает в убыток себе.* Например: «В одно время отправился он (Антоний Алексеевич), говорят, купить рукавицы и, отдав за них двадцать восемь рублей, с детским простодушием показывал, что купил «за серебряные-то!» [Геронтий, «Антоний Алексеевич Христа ради юродивый», с. 8].

Как мы видим, ЛКТ «юродивый» предстает в разнообразных прецедентных ситуациях, которые выражаются рядом ярких картинок, при этом ясно проявляются его ценностные доминанты.

Анализируя прецедентные тексты, соотносящиеся с ЛКТ «юродивый», отметим, что понятие «прецедентные тексты» в научный обиход введено Ю. Н. Карауловым, определившим их как «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие

сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и 3) такие обращения к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2007, с. 216].

Перечислим некоторые тексты и дадим краткие исторические справки. К национально-прецедентным или этнокультурным текстам, по результатам опроса, относятся следующие:

А) «А-а-а-а...

Борис! А Борис!

Обидели юродивого! А-а-а!

... Мальчишки отняли копеечку,

вели-ка их зарезать,

как ты зарезал маленького царевича.

... Нет, Борис! Нельзя, нельзя, Борис!

Нельзя молиться за царя Ирода!

Богородица не велит».

Это отрывок речи юродивого центрального персонажа трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825). Примечательно, что современные носители русской лингвокультуры, (из опрошенных нами – 63%) соотносят указанные реплики с образом юродивого в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1868-1872).

Следующие по релевантности:

Б) «Ну, коли так, совсем ты, князь, выходишь юродивый, и таких как ты Бог любит!» (привели 23% респондентов). Данное восклицание принадлежит герою романа Ф. М. Достоевского «Идиот» – Рогожину, в конце его первой беседы с Мышкиным в вагоне поезда.

Далее:

В) «Ни дать ни взять юродивый,

Стоит, вздыхает, крестится,

Жаль было нам глядеть,

*Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!»*

Эти строки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (глава 4. Счастливые) о Ермиле Ильиче, который предстает перед читателями «босой, худой, с колодками, с веревкой на руках» (привели 12% респондентов).

Приведем список социумно-профессиональных прецедентных текстов, известных большинству имеющему духовное образование или элементарные общецерковные познания Священного Писания и житий святых:

1. 49% опрошенных привели цитации из Нового Завета: *«Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, сила Божия»* (1 Кор. 1, 18) и *«Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым»* (1 Кор. 3, 18). Эти два высказывания комментирует святитель Феофан (Говоров) Затворник в «Толковании первого послания апостола Павла к коринфянам» следующим образом: «Он (ап. Павел. – И.Ч.) очень неблагоприятно смотрит на человеческую мудрость и под погибающими понимает преимущественно знакомых с сею мудростью, ей следующих и ее одну считающих верною руководительницею. ... Мудрость наша, без ее покорения велению Божию, и в начале мешает принятию спасительной веры, и если, по покорном принятии веры, вмешивается потом, то всегда все перепутывает. Путь спасения решительно несовместим с человеческою мудростью. В слове крестном она ничего понять не может; а сие слово – начало и конец всего» [Феофан, с. 82–83].

2. Наиболее яркие прецедентные тексты, связанные с жизнеописаниями святых:

А) «– Иванушка, Иванушка, покушай хлеба и соли, а не человеческой крови ... – Я христианин и не ем мяса в пост ... – Мяса ты не ешь, а кровь человеческую пьешь!» [*«Святой Николай Салос, Христа ради юродивый»*]

(ассоциировали 21% информантов). Речь идет о диалоге между царем Иоанном Грозным и святом юродивом Николае Салосе, который происходил в 1570 г. в г. Пскове, куда царь направлялся для выявления случаев измены и наказания «виновных».

Б) *«Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!»* [*«Безумием мнимым ... »*] (16% ответов). Фраза принадлежит блаженной Ксении Петербуржской, которая приказала Параскеве Антоновой идти на Смоленское кладбище. Вблизи кладбища экипаж насмерть задавил беременную женщину, которая перед кончиной успела разрешиться от бремени мальчиком. Параскева взяла его себе и усыновила его, т.к. не могла нигде отыскать отца младенца.

В) *«Ты не был во храме Господнем. Я видел тебя мысленно ходящим по Воробьевым горам и строящим дворец свой. ... Стоять же в храме и помышлять житейское значит не быть в нем»* [*«Житие святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца», www*] (13% ответивших). Этими словами московский юродивый Василий блаженный, наставлял царя Иоанна Грозного, которого занимала идея постройки нового дворца на подходящем месте – Воробьевых горах. Юродивый, находившийся на Божественной литургии в Успенском соборе, духовным взором видел душу и расположение царя.

ЛКТ «юродивый» характеризуется наличием прецедентности, а именно присутствием прецедентных имён, ситуаций и текстов, что свидетельствует о широкой узнаваемости и этнокультурной специфике типажа. Данный типаж в современном русском массовом сознании претерпел немалую трансформацию, что выражается в подмене номинантов ЛКТ.

2.4. Отражение типажа «юродивый» в русском фольклоре

Несмотря на то, что юродивый является уникальным и узнаваемым представителем русской культуры, анализ фольклорных произведений (сказок, преданий, песен, частушек, анекдотов, заговоров, былин, легенд) показал отсутствие в них выделенных нами номинантов ЛКТ «юродивый» – «юрод» и «блаженный».

Отметим, что в сборниках пословиц и поговорок русского языка присутствует множество, содержащее лексему «дурак» и «урод», однако мы считаем неправомерным использовать данные тексты в качестве иллюстрации языковой рефлексии ЛКТ «юродивый» в связи с отсутствием контекста, раскрывающего истинное содержание той или иной поговорки. В настоящее время затруднительно установить этимологию данных речений.

Пользуясь методом сплошной выборки, мы установили, что незначительное количество поговорок характеризует ЛКТ «юродивый» как *«простой, открытый, правдивый, честный, нестяжательный, искренний, нелицемерный, жалкий, жалостный»*. Например: *«Устами младенцев и юродивых глаголет истина»*, *«Убогой, что юродивый – что есть, то и носит»*, *«Врать – перед Богом грешить, а правду, как юродивый говорить, только людей смешить»*, *«Юродивый – душа и совесть народа»*, *«Сострадай юродивому, презирай лихоимца со здравым рассудком»*. Таким образом, в наивной картине мира юродивый ассоциируется с простотой, правдивостью, совестью, честностью.

Из всего многообразия фольклорных произведений мы считаем целесообразным рассмотреть способ языковой репрезентации ЛКТ «юродивый» в сказках. Отметим, что понятие «сказка» является одним из важнейших лингвокультурологических и мифопоэтических феноменов, которые отражают национальное своеобразие народа посредством особым образом структурированной системы языковых средств, символов, персонажей, семантических пространств. Соответственно, «народная сказка представляет собой, с одной стороны, совокупность знаний и особенностей мировосприятия и миропонимания народа и является результатом

коллективного творчества, и, в то же время, она есть выражение индивидуального мастерства сказочника» [Смердова 2012, с. 181].

Сказка не раз подвергалась исследованию филологов (Е. М. Мелетинского, В. Я. Проппа и др.) которые акцентировали свое внимание на сюжетной линии, описании поэтических приемов, выявлении жанровой специфики сказки, при этом в науке еще не проводилось исследование вербализации ЛКТ «юродивый» в текстах сказок.

Е. Н. Трубецкой, религиозный философ начала XX века, изучавший народную сказку, указал на ее близкую связь с христианством. Установлено, что русские сказочные образы в некотором смысле отражают христианское мировоззрение, несмотря на то, что существуют также сказки, в которых можно наблюдать пестрое смешение христианского и языческого.

Исследователи (Т. В. Зуева, А. И. Никифоров, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп, Ю. И. Юдин) выделяют типичных героев в народной сказке, например: богатыри, вещие и дураки. Богатыри преодолевают препятствия, отделяющие человека от предмета его искания, силой, вещие – мудростью, а дураки – глупостью. От сказочного героя требуется покорность, доверие и преданность той высшей силе, которая его ведет, что в некоторой степени сближает сказку с христианским мировоззрением. Пассивная роль и кажущиеся людям безрассудными поступки нередко оказываются самыми правильными и мудрыми. Согласно мнению Е. Н. Трубецкого, «неудивительно, что рядом с богатырем, героем сказки, является существо, совершенно лишенное всякого человеческого ума – дурак. Именно в его человеческом безумии познается сила высшей мудрости. Поэтому дурак оказывается сказочным героем по преимуществу, предпочтительно перед богатырем. Иногда, впрочем, ступшевывается грань между этими двумя типами: черты богатыря и дурака сочетаются в одном лице. И слияние это совершенно естественно. Перед лицом высшей чудесной мудрости оба оказываются одинаково неумными и беспомощными» [Трубецкой, www].

В «Энциклопедии символов, знаков, эмблем» утверждается:

«Популярный сюжет русских народных сказок – это метаморфоза Ивана-дурака в царя. В христианской культуре существовала тенденция апологии глупости. Ориген заявлял, что мудрость – это зло, а глупость – благо. Дурак обращается к миру горнему, отрешаясь от мира бренного. Он глуп в глазах окружающих в силу своего асоциального поведения» [СЗЭЭ, 2005].

Лексема дурак характеризуется широким семантическим объемом, многообразием лексического и фразеологического функционирования.

В. И. Карасик и Е. А. Ярмахова предлагают выделить следующие типы дураков:

«1) *патологический дурак*, тупица, который не способен понять то, что должны понимать все; ему противопоставлен умный;

2) *психованный дурак*, который не контролирует себя и опасен окружающим; ему противопоставлен вменяемый человек;

3) *человек, который дурачится себе на потеху*, ведет себя нерационально, но в интеллектуальном отношении вполне состоятелен (фигляр, паяц), в определенных сообществах такая роль кристаллизуется как роль шута, которому позволено говорить правду только под видом дурачества; ему противопоставлен серьезный;

4) *фольклорный дурак*, над которым смеются умники - те, кто считает себя гораздо выше его но интеллекту, но в действительности они уступают ему; фольклорному дураку помогают волшебные существа, на его стороне удача; ему противопоставлен самонадеянный умник;

5) *дурак как жертва обмана*, как тот, кого легко провести; ему противопоставлен преступник, мошенник;

6) *дурак как чудак*, человек со странностями; ему противопоставлен обычный человек» [Карасик, Ярмахова, 2006, с. 115].

Как отметила М. Л. Карданова, «изменение семантических долей семантемы дурак в языке приводит к смене основного значения на “глупый человек”, а значение “безумный” становится второстепенным, постепенно

стираясь» [Карданова, www]. За лексемой «дурак» стоит мир образов, ассоциативный ряд, система ценностных установок, вербализируемых языком. Языковая единица «дурак» выступает в качестве номинанта поведения носителя лингвокультуры, которое идет в разрез с установившимися в социуме ожиданиями, получившими фиксацию в стереотипах, таким образом, с позиции лингвоконцептологии, является ярким концептом.

Е. В. Бусурина предлагает три модели ментального представления образа «дурака», две из которых являются культурно обусловленными, а третья – бытовой:

1) мифологическая модель: «дурак – добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем»: Иванушка-дурачок; данная модель связана с известным фольклорным образом «дурака» в русской волшебной сказке;

2) идейная модель: «дурак – обличитель пороков и социальных несправедливостей: шут, юродивый», эта модель сложилась в результате смыслового взаимодействия концепта «дурак» в русской языковой картине мира с феноменами юродства и социального института шутовства;

3) бытовая модель: «дурак – глупый человек» [Бусурина, www].

Итак, мы видим, что с юродивым соотносится модель № 2, то есть идейная, тогда как мифологическая, а именно, персонаж Иван-дурак, не является аналогией ЛКТ «юродивый».

В своей работе, посвященной изучению концептосферы русской культуры, В. А. Маслова указала на особое положение концепта «дурак» в русской картине мира [Маслова, 2007, с. 171]. Эти данные подтверждает эксперимент, проведенный Е.И. Алещенко, согласно которому «Иван-дурак» – самый распространенный и традиционный сказочный персонаж, за которым идет уже Баба Яга, Кощей Бессмертный, Лиса, Серый волк, Иван-царевич и т. д. [Алещенко, 2008]. Считаем необходимым уточнить, что Дурак в русских сказках фигурирует в виде ряда персонажей: Емеля, Мартынка,

Балда, однако по частотности упоминаний на первом месте фигурирует Иван-дурак. Таким образом, «дурак возглавляет список любимых сказочных героев, аксиологическая характеристика ставит Ивана-дурака, в отличие от Ивана-царевича, на первое место среди самых запоминающихся образов русского фольклора» [Черкасова 2011, с. 101].

Насколько правомерно рассматривать концептуальный персонаж Иван-дурак в качестве актуализатора ЛКТ «юродивый» в русских сказках? Под концептуальным персонажем, вслед за С. Н. Плотниковой, мы понимаем персонаж тождественный человеку в каком-либо качестве, которое представлено у разных людей и возведено до уровня концепта [Плотникова, 2006, с. 100]. Академик Д. С. Лихачёв утверждал, что одним из важнейших источников для понимания феномена юродства являются сказки о дураках. В древних словарях XVI-XVII вв. слова «юродство», «глупость», «буйство» стояли в одном синонимическом ряду. Но в общем – дурак дураку рознь. «В одном случае – это болезнь. В другом – не умеющий жить по законам практицизма человек, которому чужда выгода в отношениях с природой и другими людьми. А в третьем случае – это очень мудрый человек, который прячет свои духовные богатства под платьем нищего или сумасшедшего, чтобы недалёкие люди не доставали его своими глупыми вопросами, не имеющими ничего общего с постижением своего “Я” и своих отношений с окружающим миром» [Иванов, www].

Приведем данные сравнительно-сопоставительного анализа, проведенного на текстовом материале, концептуальных персонажей «Иван-дурак» и «юродивый» на основе признаков, выделенных нами по частотности упоминания.

Общим признаком, характерным для персонажей «юродивый» и «Иван-дурак», является парадоксальность речи. Проиллюстрируем примером: *«А что, – думает Иванушка, – ведь у лошади четыре ноги и у стола тоже четыре, так стол-то и сам добежит»* [«Народные русские сказки А. И. Афанасьева», с. 195]. Подобные высказывания типичны для юродивых, чья

речь характеризуется наличием загадок и кажущейся бессмыслицей. Проиллюстрируем следующим примером, взятым из жития блаженного Алексия Елнатского: *«Анне Беземировой из Каурчихи, когда та была еще ребенком, он говорил: – Дай четверть, дай четверть... – Что такое Алексей Иванович говорит?.. – смущалась девочка. Объяснилось это через много лет, когда она вышла замуж за пьяницу, который частенько повторял те слова»* [«Мученик Алексей Елнатский (Ворошин», [www](#)].

Идентичные образно-перцептивные характеристики сравниваемых персонажей выражаются в антиэстетичности, тяготении к безобразному. В сказке Иван-дурак часто описывается как урод: он лежит на печи, оборванный, грязный, да еще и сопля по лицу растирает.

Сходными, на первый взгляд, представляются интеллектуальные способности рассматриваемых концептуальных персонажей. По мысли Е. Н. Трубецкого, в сказке легко христианизируются человеческие типы, поэтому сказочный «дурак» просто и естественно превращается в «блаженного» или «юродивого». Исследователь указал, что их общая черта – отсутствие человеческого «здорового рассудка» и в то же время они обладают «иною чудесною мудростью»: у дурака эта мудрость волшебная, у юродивого «ум Христов», однако в сказке легко стирается грань, отделяющая одно от другого; тогда в одном и том же лице смешиваются черты дурака и юродивого» [Трубецкой, [www](#)].

При детальном рассмотрении в сказке умственные способности дурака оцениваются следующим образом: *«Ванюша не хитёр, не мудр, а куда смысловат»*. В большей степени он дурак из-за своего главного свойства – все делать по-дурацки, невпопад, не так как обычные люди, т.е. вопреки здравому смыслу и в отрыве от элементарного понимания практической жизни. В одной из сказок о дураке, семья посылает его в город закупить все, что требуется по хозяйству к празднику. *«Всего закупил Иван: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают.*

«Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» – подумал дурачок; выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!». Едет дальше и видит по дороге все пни обгорелые. «Эх, – думает, – ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял да и понадевал на них горшки да корчаги» [«Народные русские сказки А. И. Афанасьева», с. 195–196]. Возвращаясь домой с пустыми руками, Иван, безусловно, приносит серьезный урон и вред своей семье, но он делает это не по злой воле или умыслу, а по глупости. Дураку прощаются допущенные огрехи, потому что он прост, правдив и простодушен, таким образом, в русском массовом коммуникативном сознании отмечается отношение к дураку скорее терпимое, а в ряде случаев позитивное.

В основе коммуникативного поведения юродивого, напротив, заложена определенная интенция. Рассмотрим на следующем примере: *«Однажды блаженная Ксения встретила на улице благочестивую женщину, свою знакомую, остановила ее и, протянув медный пятак с изображением всадника, сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет!» Женщина взяла пятак, попрощалась с Ксенией и, недоумевая, что бы значили ее слова, пошла домой. Но едва она пришла на свою улицу, как увидела, что горит ее дом. Не успела она добежать до него, как пламя было потушено. Тут только она поняла, что значили слова блаженной Ксении: «Возьми пятак, потухнет!» [«Не от мира сего», с. 236]. Таким образом, признак «намеренность» является отличительным у сравниваемых персонажей.*

Апелляция к «высшей силе» характерна как для юродивого, так и для Ивана-дурака, однако, как считает А. Д. Синявский, сказочный дурак – не мудрец, не мистик и не философ, соответственно, он ни о чем не рассуждает, а если и рассуждает, то крайне глупо. На вопрос «Почему Бог дураков любит?» автор отвечает следующим образом: «Во-первых, потому, что дураку уже никто и ничто не может помочь. И сам себе он уже не в силах помочь. Остается одна надежда: на Божью помощь. Во-вторых, дурак к этой

помощи исполнен необыкновенного доверия. Дурак не доверяет – ни разуму, ни органам чувств, ни жизненному опыту, ни наставлениям старших. Зато дурак, как никто другой, доверяет Высшей силе. Он ей – открыт» [Синявский, 2001, с. 43].

Как у юродивого, так и у Ивана-дурака ценностной доминантой представлена надежда на Божью волю, а не на собственный разум. На первый взгляд, поведение Ивана-дурака, типичного персонажа русских сказок, определяет концепт «лень». Но при детальном рассмотрении, мы понимаем, что, несмотря на то, что Иван как будто и ничего не делает – лежит на печи, пользуется плодами трудов волшебных помощников, в сказке воспевается не лень сама по себе. Если его старшие братья руководствуются разумом, то Иваном движет чутьё: он идёт, куда глаза глядят, ноги ведут и т.д., то есть, уместно говорить скорее о пассивности, нежели о лени. Интуитивное в сказке противопоставляется практическому, и первое для героя становится важнее и предпочтительнее.

Пассивность представляется характерной чертой Ивана-дурака, в отличие от юродивого. Дураку все блага сами валятся в руки, тогда как лично он и пальцем не шевелит ради их приобретения. Е. Н. Трубецкой в своем труде «"Иное царство" и его искатели в русской народной сказке» писал: «В русской сказке о дураке сказывается настроение человека, который ждет всех благ жизни свыше и при этом совершенно забывает о своей личной ответственности. Это тот же недостаток, который сказывается и в русской религиозности, в привычке русского человека перелгать с себя всю ответственность на широкие плечи "Николы-угодника". Превознесение дурака над богатырем, замена личного подвига надеждой на чудесную помощь, вообще слабость волевого героического элемента – таковы черты, которые болезненно поражают в русской сказке» [Трубецкой, www].

Итак, мы видим, что при всей популярности сказочного «дурака» мы не можем говорить о тождестве «дурака» и «юродивого». Формально Иван-дурак похож на юродивого и оказывается самым умным и мудрым из

сказочных героев. Подтверждение этому находим и в работе А. М. Панченко, который видит в сказках о дураках источник для понимания феномена «юродства». «Иван-дурак похож на юродивого тем, что – он самый умный из сказочных героев, а также тем, что мудрость его прикровенна» [Панченко, 1984, с. 99]. В экспозиции сказки его противостояние миру выглядит как конфликт глупости и здравого смысла, то, с развитием сюжета выясняется, что глупость эта – притворная или мнимая, а от здравого (практичного) смысл веет ограниченностью и подлостью. Некоторые исследователи полагают, что поведение дурака – своего рода защита от агрессии тех, кому правда не мила, «ведь на Руси во все века нет суда на дурака» [Там же, с. 99-100].

Яркой отличительной чертой юродивого является аскетический подвиг и жертвенность. Ценностным приоритетом юродивого представляется достижение «Царства небесного» или, согласно Е. Н. Трубецкому, «нового царства», в связи с чем он совершает жизненные подвиги, преодолевает разного рода препятствия, отделяющие нашу действительность от «лучшего мира».

Проиллюстрируем примером, взятым из книги В. Зноско «Блаженный Феофил, Христа ради юродивый». В приведенном отрывке говорится о том, как блаженный Феофил своей жертвой – лежанием на муравейнике – предсказал государю Николаю Павловичу начало войны и бедствий для русского народа: *«Несмотря на то, что от имени митрополита (Филарета) был послан из Лавры в Китаев верховой с приказанием удержать старца Феофила на весь день в монастыре, блаженный незаметно пробрался через ворота и ушел в лес. Провидя духом приближение Царского экипажа, он вышел ему навстречу, в Голосеев, но не показался пред лицо Государя (Николая Павловича), а пропустил экипаж мимо себя, спрятавшись за большое дерево. Затем, дождавшись того момента, когда Царский экипаж стал подыматься шагом на гору, он обежал его стороной через кусты вперед, исцарапал себе до крови руки и лицо и, отыскав находившийся на*

некотором расстоянии от дороги большой муравейник, разгреб его руками и улегся в середину его на спину. ... Когда высокие путешественники вышли из экипажа и подошли к муравейнику, Феофил лежал не шевелясь. Руки его были сложены на груди крестообразно, как на смерть, а глаза закрыты совсем. По всему телу и лицу его копошились целыми массами муравьи, но он, точно не чувствуя ничего, притворился мертвым. Но сколько ни силился Владыка митрополит разгадать Государю поступок блаженного старца, не мог дать на то ясного утвердительного ответа» [Зноско, «Блаженный Феофил. Христа ради юродивый», с. 208-210].

Следует также упомянуть, что основное отличие сказочного повествования от церковного жития, которому благочестивая сказка стремится подражать, в обязательном получении в конце рассказа земного счастья. Здесь налицо смешение различных планов нравственного сознания, христианского и сказочного: «Иван-дурак» уже на земле получает награду, становится богачом и женится на царевне. Напротив, живой и реальный «юродивый» иногда лишался самой жизни. В записках английского путешественника Флетчера содержится следующее замечание (1588 г.): «Кроме монахов, русский народ особенно чтит блаженных (юродивых), и вот почему: блаженные, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных, о которых никто другой говорить и не смеет. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяют себе, от них тоже отделяются, как это и было с одним-двумя в предшествующее царствование за то, что они уже слишком смело поносили правление царя» [Федотов, 2000, с. 171].

Итак, несмотря на то, что в сказке содержатся некоторые христианские ценности, концептуальный персонаж «Иван-дурак» не идентичен «юродивому». Общими чертами являются: 1) парадоксальность речи; 2) образно-перцептивные характеристики; 3) интеллектуальные способности, с разницей в происхождении мудрости: у дурака – волшебная, у юродивого – божественная; 4) упование на Божью волю и помощь, 5) притворность. При

этом сказочный «Иван-дурак» отличается от «юродивого» следующими признаками: 1) пассивность, лень; 2) спонтанность; 3) безвольность. Юродивый же, напротив, характеризуется следующими признаками: 1) аскетизм; 2) преднамеренность действий; 3) жертвенность; 4) святость.

Выводы по главе 2

В рамках второй главы приведена социокультурная составляющая ЛКТ «юродивый». Определено место юродства в русской языковой картине мира и установлено, что данный феномен типичен именно для русской православной культуры, в которой помимо истинных юродивых, выделяют лжеюродивых (мнимых) и психически больных.

Юродство Христа ради возникло в Египте в середине IV в. – начале V в. одновременно с монашеством. К VI–VII вв. юродство формируется как один из редких видов святости, а с XIV в. исчезает в Византии и становится всецело русским явлением. Из 40 прославленных юродивых, 34 жили на Руси. Они вписались в культурный контекст не случайно – для России образцом и идеалом, достойным стремления являлась святость, что отрефлексировано в таком выражении, как «Святая Русь», в отличие от – «добрая, старая Англия», «прекрасная Франция», «свободная и демократическая Америка» и т.д.

В большинстве европейских языках не существует лексемы «юродивый» – например: «faible d'esprit» (фр.) – слабоумный, «chiflado» (исп.) – чудака, чудачка, чокнутый, тронутый. Для наименования юродивых в русской культуре используется описательная конструкция «сумасшедший во Христе» или «сумасшедший ради Христа»: «God's fool, holy fool (idiot believed to possess the gift of prophecy), fool for Christ's sake» (англ.), «Narr in Christo» (нем.), либо используется транслитерация: «yurodivy».

Понятийная характеристика ЛКТ «юродивый» сводится к следующим

признакам: 1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник.

Согласно учению о «народной смеховой культуре», юродивых приравнивают к таким служителям «смеховой культуры» как: «шут», «скоморох», «клоун», «актер». Образно-перцептивные и коммуникативные признаки являются диагностическими и позволяют объединить вышеназванные языковые личности по схожести внешних проявлений. Основное отличие юродивого от служителей «смеховой культуры» заключается в его намеренном эпатаже в поведении и внешнем виде, имеющем цель – духовное служение людям, в отличие от актерского ремесла.

Получившее широкое распространение в религиозном дискурсе, юродство встроено и в бытовой дискурс, где отмечается примитивизация представлений о юродивом. Лексема «юродивый» в современном массовом коммуникативном сознании синонимична «психически больному».

Вследствие примитивизации ЛКТ «юродивый» границы типажа размываются, что приводит к смешению семантики в бытовом дискурсе ряда языковых единиц: «юродивый», «дурак», «урод», «похаб», «глупец». Нами установлено, что адекватными номинантами ЛКТ «юродивый», позволяющими сохранить сущность типажа, выступают лексемы религиозного дискурса «юрод», «юродивый», «блаженный».

Будучи концептом русской культуры, обладая ценностным потенциалом ЛКТ «юродивый» обуславливается парадоксальностью, заложенной в юродстве, которая конкретизируется в концептуальном персонаже в различного рода текстах.

В незначительно представленных пословичных текстах отмечено упоминание юродивого, при этом он характеризуется нейтрально или позитивно, выступая «совестью народа».

В текстах народных сказок ЛКТ «юродивый» реализуется в качестве

концептуального персонажа, воплощающего такие человеческие качества, возведенные до уровня концептов, как: жертвенность, святость, парадоксальность. Именно эти концепты позволяют оспорить мнение исследователей, которые видят тождество между концептуальными персонажами «юродивый» и «Иван-дурак», который в свою очередь репрезентирует такие качества, как: простота, удача, пассивность.

Совокупность прецедентных ситуаций, раскрывающая типичное поведение ЛКТ «юродивый» содержит следующие типичные ситуации: скитается по свету, просит милостыню, смело и открыто обличает грешников, пребывает в молитве, прорицает, произносит непонятные тексты, общается с Богом, поступает в убыток себе.

Среди прецедентных персонажей ЛКТ «юродивый» выступают единицы, отнесенные к трем группам: святые (Ксения Петербургская, Василий Блаженный, Марфа Царицынская и др.), литературные герои (Квазимодо, князь Мышкин и др.), ассоциации с определенными личностями, в целом, незнаковыми для культуры (одноклассник, главный герой из фильма «Остров» и др.)

Прецедентные тексты, раскрывающие сущность ЛКТ «юродивый» относятся к национально-прецедентным и социумно-прецедентным.

Глава 3. Перцептивно-образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»

3.1. Паспорт типажа «юродивый»

Приведем стереотипное перцептивно-образное представление ЛКТ «юродивого». Согласно алгоритму моделирования типажа, разработанному О. А. Дмитриевой, паспорт лингвокультурного типажа включает в себя образные характеристики: внешний образ, одежда, возраст, гендерный признак, происхождение, сфера деятельности, досуг, окружение, коммуникативные особенности), понятийные и ценностные характеристики [Дмитриева, 2007 б].

Обратимся к паспорту лингвокультурного типажа «юродивый».

1. Внешний облик

Внешний облик ЛКТ «юродивый» безусловно оказывает фасцинативное воздействие на реципиента. Внешность любого человека с позиции этических норм является «визитной карточкой». Данная норма отрефлексирована в народном творчестве в виде пословицы: «По одежке встречают, по уму провожают». В любом социуме существуют предписания, определяющие как выбор одежды, так и соблюдение гигиенических правил. Будучи озабочен тем, хорошо ли он выглядит, человек ориентируется на общепринятые нормы и старается подчеркнуть свои лучшие телесные стороны и особенности внешности и тем самым подтверждает идею о существовании некоего всеобщего закона биологической и социальной жизни, касающегося коммуникативно-телесной демонстрационности и привлекательности. Выделяя «симпатию-антипатию» как базовые характеристики живого, Пьер Тейяр де Шарден свидетельствует, что в современной цивилизации «стремление привлекать» приобретает роль более важную, чем экономические отношения, и оно усиливается в социальной жизни в своем значении [Шарден, 1987, с. 230-233].

Внешность юродивого направлена на фасцинацию, поскольку она не соответствует принятым в данном социуме нормам и вызывает ярко выраженную реакцию. Анализ материала, полученного при опросе, показал следующее типизированное представление о юродивом. В преобладающем большинстве (78%) респонденты указали, что юродивый представляется человеком с отталкивающей внешностью. При этом, признак «внешность» характеризуется ключевым параметром «неряшливость»: *«Неряшливый, небрежно выглядящий, не следящий за своим внешним видом, неухоженный, неопрятный, непричесанный; с длинной грязной бородой; полностью отказавшийся от ухода за плотью; не обращает внимание на свой внешний вид, несуразно и неряшливо одетый»*. Как мы видим, фактически представлен синонимический ряд с доминантой «неряшливый». Для сравнения приведем статью из «Словаря синонимов русского языка»: *«неряшливый – выглядящий неопрятно, грязный, затрапезный, затруханный, нарядный, не поддерживающий чистоту своего жилища, не поддерживающий чистоту своего тела, не поддерживающий чистоту своей одежды, не приведший себя в порядок, не соблюдающий порядка, не соблюдающий чистоты, неаккуратный, небрежный, невнимательный, недобросовестный, неопрятный, неприбранный, нерадивый, нечистоплотный, обабившийся, опустившийся, расхристанный, сделанный кое-как, спустя рукавный, халатный»* [ССРЯ, www].

Следует отметить, что в целом все респонденты едины во мнении и указывают, что внешний облик юродивого не эстетичен, не соотносим с параметром «красота». Приведем полученные при опросе лексемы по мере снижения интенсивности выделенного признака: *«Страшный, отталкивающая внешность, некрасив, невзрачный»*.

Опрос показал, что в современном массовом сознании юродивый ассоциируется с несоблюдением общественных норм. Известно, что поведение людей регламентируется рядом факторов, при этом большинство представителей социума разделяет их, тогда как, в случае отрицания норм,

человек получает резко негативную оценку. Так, юродивый, по данным проведенного опроса, *«отличается от общего количества людей; не боится людского осуждения, боли, страха, голода, т.е. полная противоположность человека мира»*. Несоответствие нормам взаимодействия выражается лексемами *странный и нестандартный*: *«Со странным взглядом; часто прикидывается безумным»*. Поскольку в коллективном сознании норма ассоциируется со стандартами, то несоответствие нормам представляется нестандартным: *«Нестандартная внешность и поведение; похож на того, у которого “не все дома”; погружен в себя; внешне похожи на тех юмористов, которые в цирке смешат людей»*.

Негативное восприятие юродивого поддерживается и указанием физических недостатков или болезней, а именно: *«Может быть хромым, с поврежденным позвоночником и т.д.; горбатый, низкого роста, с косоглазием; расслабленный; с уродливой физиономией; прокаженный; карлик; с физическими недостатками»*.

Значимым элементом для воссоздания перцептивно-образных характеристик типажа является одежда. В социуме существуют определенные прескриптивы относительно внешнего вида человека. Они могут быть мягкие (советы в выборе одежды) и жесткие (обязательный дресс-код). Отклонение от них не остается незамеченным и чаще всего порицается.

В качестве социального символа, под которым мы, вслед за И. А. Стерниным, понимаем: *«...символическое значение, приписываемое социумом определенным предметам, действиям. Социальные символы непосредственно не участвуют в коммуникации, но они несут коммуникативно релевантную информацию, включаясь тем самым опосредованно в процесс обмена информацией между людьми»* [Стернин, www], у юродивого представляются лохмотья и вериги. Отметим, что лексема *лохмотья* является наиболее частотной при описании юродивого. Как показал опрос, одежда юродивого характеризуется ветхостью,

бедностью, несоответствием принятыми в обществе нормами, неряшливостью. Проиллюстрируем примерами: *«Носит бедную, старую одежду и обувь; в лохмотьях; ходит в одной и той же одежде; одет по-особенному, специфически в основном, как нищий, в лохмотьях, небрежно; очень бедно и плохо одетый; скромно» (скудно) одетый*. «Вериги» как типичный атрибут юродивого представлены в 2% ответах: *«Одет может быть неряшливо, или полураздет, может носить вериги или еще каким-то образом отягощать себя»*.

Согласно полученным данным, мы определили, что юродивыми игнорируются погодные условия: *«Легко одетый летом и зимой; зимой может быть без обуви или верхней одежды либо ее отсутствием; в ветхой (старой), рваной (оборванной) одежде, возможно грязный и босой, одетый «не по сезону»; иногда босиком без шапки»*.

Среди немногочисленных положительных характеристик перцептивно-образной составляющей типажа «юродивый» выделяются следующие черты: *«Приветливый; позитивный; с добрыми, умными глазами; светлый, лучезарный, не всеми познаваемый, не принимаемый по внешнему виду»*.

Ряд внешних признаков юродивого ассоциируются в массовом сознании носителей русской лингвокультуры с духовной жизнью и молитвенным служением: *«Не такой как все, прозорливый от Бога; внешним видом своим проявляет смирение, уничижение; защищает в себе Христа; добровольно отдавшийся истязаниям во имя Иисуса Христа; принявший аскетический образ жизни; проповедник веры Христовой; обличитель маловерных, утешитель слабых и любящий всех; этот человек оказывается в конечном итоге праведником; внешне производящий впечатление выжившего из ума нищего, пользовался уважением/страхом верующего народа; молитвенник»*.

2. Возраст и гендерный признак

Как показал анализ, лингвокультурный типаж «юродивый» представлен амбивалентно. Юродивыми могли быть представители как

феминные, так и маскулинные, например: *«женщина в мужской одежде (блаж. Ксения Петербургская), девы юродивые (из евангельской притчи), хромящийся мужичек, странствующий монах, бедняк».*

В процентном соотношении юродивый чаще ассоциируется с мужчиной (84%). Первая реакция на стимул «юродивый» характеризуется маскулинным гендером, далее следует описание его внешности или возраста. Проиллюстрируем примерами: *«Мужчина в ветхой одежде, с нестандартным поведением. Монах в миру, но не давший обетов. Старый, немощный человек. Старый священник. Старец или старица. Подвижник особого рода. Мужчина неопределенного возраста. Шут, скоморох. Преимущественно старый, но возможно и молодой человек, старичок или старушка обросшие, возможно грязные».*

Как видим, часть ответов респондентов указывают на пожилую (97%) или молодую (3%) возраст. Ассоциаций с людьми средних лет не зафиксировано.

Значимой лексемой в описании является *«старый»* и ее дериваты: *«старичок, старушка, старец».* Рассмотрим их подробнее.

Согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой *«старый»* имеет 9 значений. Выделим несколько основных: «1. м. разг. Тот, кто прожил много лет и достиг старости. 2. прил. 1) Проживший много лет и достигший старости (противоп.: молодой). 2) а) Созданный давно, существующий долгое время (противоп.: новый). б) Возникший давно, появившийся не теперь; давний. в) Известный давно. г) Многолетний, выдержанный (о вине). д) перен. разг. Давно занимающийся какой-л. деятельностью; опытный, бывалый. 3) а) Бывший в употреблении, пользовании долго; поношенный, подержанный ...» [СТСРЯЗ, 2006].

Существенным диагностирующим признаком является: *«опытный, бывалый, давно занимающийся какой-л. деятельностью».* Из агиографической литературы известно, что подвиг юродства принимали на себя люди уже утвердившиеся в духовных подвигах, испытанные в духовной

жизни и мудрости. Так, юродивый Симеон в 30 лет принял иночество, около 30 лет подвизался в пустыне близ Мертвого моря под наблюдением столпов иноческого жития, и лишь в 60-ти летнем возрасте пошел из пустыни «ругаться миру» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 78]. Таким образом, ответы респондентов подтверждают факт предварительной подготовленности юродивых к подвигу.

Ассоциация *юродивого со старцем* происходит не только по возрастным признакам, но также как и ассоциация с *монахом*, по его служению и образу жизни. Проиллюстрируем: «старец м. 1) Старик (с оттенком почтительности, уважения). 2) а) Пожилой монах, отшельник. б) Монах или лицо не монашеского звания как духовный наставник верующих. 3) устар. Нищий старик, слепец» [СТСРЯЗ, 2006]. В описании выделяется оттенок почтительности, уважения, благорасположения и доверия.

3. Происхождение

По стереотипному представлению, ЛКТ «юродивый» должен быть «*из простого, низкого сословия*». Большинство ответов респондентов (86%) свидетельствуют в пользу этого. Можно также найти и фактический материал в работах, посвященных юродству. По мнению одного из исследователей «лжеюродства» конца 19-ого века И. Г. Прыжова: «... *из барынь ни когда не выходили юродивые ... Эти барыни и купчихи, во всяком случаи, живые люди, их сердце и душа требуют более возвышенной и духовной пищи, чем забота о модных шляпах или жирной рыбицы, и, что же прикажете делать, когда вне беседы с юродивыми они не знают ничего, что могло бы нравственно возвысить человека! ... Весь их идеальный мир не идет дальше рыбицы, да здоровеннейшаго кучера, да толстейшей лошади, и непременно какого-нибудь юридика*» [Прыжов, «26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков», с. 114-115].

Однако, хотя большая часть респондентов высказались в пользу «неблагородного» происхождения *юродивого*, не следует ограничивать

данный феномен только этим социальным слоем. Обратимся к дополнительной информации, взятой из житийных произведений: *«По происхождению своему Анна Ивановна принадлежала к интеллигентной фамилии ... образование свое она получила в одном из институтов Петербурга»* [*«Безумием мнимым ...»*, с. 39].

«Иногда Анна Ивановна заходила в институты, пансионы, разговаривала с воспитанницами и всех поражала отличным знанием языков — немецкого и французского, на которых свободно изъяснялась» [Там же, с. 42].

«Пелагея Ивановна родилась в октябре 1809 года в городе Арзамасе в семье купца Ивана Ивановича Сурина и супруги его Прасковьи Ивановны, урожденной Бебешевой. Отец ее Иван Иванович жил довольно богато, имел свой кожевенный завод и был человек умный, добрый и благочестивый» [Там же, с. 96].

«Родилась Домна Карповна в начале 19 века. Воспитание получила в дворянской семье, и ее благовоспитанность просвечивала даже и во дни юродства. Была образована, что видно из следующего: однажды мимо того села, где находилась Домна Карповна, проезжала одна знатная женщина, и Домна Карповна провела с ней всю ночь, беседуя на иностранном языке» [Там же, с. 199].

«О годах детства, отрочества и ранней юности блаженной старицы Евфросинии почти ничего не известно ... Что же касается родителей старицы, то сама блаженная от некоторых не скрывала, что она «знатного происхождения», а среди людей, близко ее знавших, настойчиво говорили о ее происхождении из рода князей Вяземских ... Образование свое блаженная получила в Петербурге в Смольном институте и принадлежала к его первому выпуску. По окончании института блаженная была фрейлиной при дворе императрицы Екатерины II» [Там же, с. 211–212].

«Преподобный Симеон, Христа ради юродивый родился около 522 года, в городе Едессе, от благородных и богатых родителей» [Ковалевский,

«Подвиг юродства», с. 121].

«Исаакий (затворник Печерский. – И. Ч.) был богатым купцом из города Торонца. Пожелав быть иноком, он раздал все свое имение нищими пришел в пещеру к преп. Антонию с просьбой постричь его в иночество» [Там же, с. 162].

Как мы видим, среди юродивых были представители всех социальных сословий: *«из дворянской, купеческой семьи; от благородных и богатых родителей; знатного княжеского происхождения»,* что подтверждает наиболее частотный ответ респондентов (48%) о том, что *«юродство некий дар Божий, поэтому человек не может сам захотеть стать юродивым. Юродивый Богом избранный на обращение к Нему людей через свое необычное для людей поведение».*

4. Место жительства

Типичное место жительства фасцинативного ЛКТ «юродивый» представлено следующими лексемами: *«паперть», «улица», «болото», «лес»,* и у представителей русской лингвокультуры оно ассоциируется с *«лишением», «гонением», «бродяжничеством».*

Предполагается, что «юродивый» *«не имеет дома, обитает на паперти; он без определенного места жительства; скитается по свету; часто находится у Церкви; ходит по городу или живет в одном месте; всегда в храме».*

Приведем пример: *«Какого-либо определенного места жительства Анна Ивановна не имела. Подобно блаженной Ксении она целый день бродила по городу. Ее часто видели и на Сенной площади, и в Гостином ряду, и в Перинной линии, и в других людных местах» [«Безумием мнимым ... », с. 42].*

Ответы некоторых респондентов при описании «юродивого» фразой *«не имеющий где главу преклонить»* являются аллюзией на слова Христа *«И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»* (Мф. 8, 20 и Лк. 9, 58). Согласно «Словарю крылатых выражений» они означают: *«Бездомный*

человек, не имеющий своего жилья» [СКВ, 2011].

Некоторые юродивые жили при монастырях, например: *«Она (блаженная Наталия. – И. Ч.) провела всю жизнь в Дивеевской обители ... В последние три-четыре десятилетия ... особых, выдающихся странностей ее не стало уже заметно ... Весьма благоуспешно и с особой силою развился у блаженной и благодатный дар старчества ... Любовь и расположение простого народа к старице росли все более и более, желание видеть ее и беседовать с нею увеличивалось. Ее постоянно осаждали толпы народа, жаждущего ее духовных бесед и наставлений»* [«Безумием мнимым ... », с. 132].

Другие напротив не желали подчиняться распорядку монастырской жизни. Приведем пример: *«(Блаженная Марфа (Сонина). – И. Ч.) вовсе не была монастырской и в монастыре не жила, только случалось, что гостила она здесь иногда у монахинь знакомых: проживала иногда дня по два, только редко, и в Покровском монастыре у игуменьи. А всегда жила Марфа Яковлевна у приятельницы своей, у небогатой мещанки вдовы Евдокии Ивановны Изюмовой»* [Там же, с. 179].

Однако отметим, что два выше рассмотренных примера являются скорее исключением, чем общим правилом жизни юродивого.

При опросе представителей современной русской лингвокультуры были получены следующие ответы-реакции на стимул «юродивый»: *«Убогий человек при приходах, пользующийся сочувствием прихожан. Бездомный, немывтый, с физическими недостатками. Странствующий безумец, странник, отрекшийся от материальных ценностей, благ цивилизации, чудаковатый. В православии слой странствующих монахов и религиозный подвижников. Нищий человек, который в основном стоит возле Церкви. Видел в Дивеево (Нижегородской области) у одного из источников, рядом с местом для купания, дважды в разные годы видел одну и ту же женщину громко произносящую молитвы. Отрекшийся от мира, но живущий в мире. Бродяга. Живет при церкви. Еду и жилье находит где придется. Путник.*

Гонимый».

Лексический анализ выявляет доминанту «странник» в синонимическом ряду «бездомный, бродяга, путник, странствующий» при описании отсутствия определенного места жительства юродивого.

5. Сфера деятельности

Основные аспекты деятельности юродивого заключаются в том, что, с одной стороны, он «не работает» как это заведено и принято в обществе, а с другой стороны:

1) Пребывает в молитве: *«Пребывающий в постоянной молитве. Плачет и молится за весь мир и отдельных человек, денно и нощно. Творящий всегда молитву, на устах его Имя Христово. Всю свою жизнь отдал на стяжание Духа Святого. Общается с Ангелами. Несет Божье благословение».*

2) Пребывает в служении: *«Отрекся от всех мирских благ, избрал путь лишений, отказался от комфорта и привычных для человека условий быта, чтобы служить Богу и помогать людям. Живет не для себя. Альтруист. Отказался от собственного «Я». Показывает (доносит) волю Божию о людях и событиях. Он от Бога данный исправлять духовный мир народа, ни кого не боясь. Отрекся от своей личной жизни ради улучшения всего общества».*

3) Оказывает помощь: *«Помогает всем в меру своих сил; не терпит несправедливости и заступает за слабых. Помогает в ликвидации чего-либо бедственного. Предостерегает от ошибок и падений. Помогает в скорбях и болезнях».*

4) Борется за правду, обличает грех: *«(Открыто) обличает в грехах людей. Борец за справедливость (не боясь ничего). Обличает грех и оказывает помощь нуждающимся».*

5) Предсказывает: *«Способный предсказывать. Предсказывает и спасает людей. Они знают то, что случится с человеком, им известно о жизни незнакомых, на первый взгляд, людей, поэтому стараются вразумить*

простых смертных».

6. Досуг

Данный аспект нельзя представить доминантной характеристикой ЛКТ «юродивый» в связи с завуалированностью его духовного подвига, которая внешне расценивается как ничегонеделание. Среди типичных ответов респондентов выделяются: *«Иногда бродит без дела, как нам кажется и без цели. Живет в собственных иллюзиях».* Такие ответы не находят подтверждения в агиографической литературе. Рассмотрим на примерах:

«Месяца по три, по четыре странствовала Дарьюшка по обителям святым, потом возвращалась в свою мирную хижину и опять становилась неутомимой работницею, заботливо сторожившею всякий случай, где могла кому помочь» [«Безумием мнимым ... », с. 64].

«Любила она (старица Евфросиния. – И. Ч.) ходить по окрестностям села Колюпанова, но только там, где было потише да поглуше. С особенным удовольствием и особенно часто старица посещала находящийся приблизительно в расстоянии одной версты от села овраг ... Сюда любила уходить блаженная от людского шума и мирской суеты, чтобы здесь в совершенном уединении умом и сердцем возноситься в царство непреступного света ... в одном из склонов этого оврага на месте своих уединенных подвигов блаженная собственными руками ископала небольшой колодец, и когда больные обращались к ней за помощью, она часто говорила им: «Берите воду из моего колодезя и будете здоровы»» [Там же, с. 222–223].

7. Семейное положение

Является конститутивным признаком данного типажа. Из социокультурной справки нам известно, что почти все юродивые Востока и некоторые на Руси были иноками (монахами). С внешней стороны юродство противоречит идее монашества, т.к. инок должен постоянно пребывать в монастыре, но их объединяет предпринятый «ради Христа» добровольный подвиг.

Релевантным признаком в описании юродивого является единица «одинокий», которая имплицитно и эксплицитно присутствует в следующих сочетаниях: *«Живет отдельно от людей и не хочет чтобы люди о нем знали. Одинокий. Отшельник. Предпочел небесное, духовное благо за лучшее и выбравший путь вне социума. Аскет. Ведущий уединенный образ жизни. Отверг своих сродников. Не имеет семьи».*

Отметим, что одним из подвижнических (монашеских) обетов является «обет безбрачия или девства», поэтому юродивые свято старались его исполнить. Обратимся к примеру: *«Возлюбив Господа Иисуса Христа и ради Его желая сохранить девство, она (юродивая Домна Карповна. – И. Ч.) бросила дом своих родственников и, презрев нежность своей юности, обрекла себя на трудный и опасный путь странствований. Как не имеющая никакого вида или свидетельства о личности, она судится за бродяжничество и ссылается в Сибирь. Здесь она явилась уже юродивой»* [*«Безумием мнимым ... »*, с. 199]. Лексемой «девство» эксплицитно выражается одна из духовных составляющих подвига «юродства Христа ради».

Таким образом, «юродивые» должны были не состоять в браке, не иметь семьи (т.к. это связано с житейскими попечениями), проводить жизнь целомудренную. Все это — их принципиально важный диагностирующий признак.

8. Окружение

Окружение «юродивого» определяется спецификой его жизни и служения. Поскольку он «одиночка и отверженный», а в образно-перцептивном восприятии некоторых он «сумасшедший, повернутый на религии, отвергаемый обществом и рассматриваемый им как безумец, несущий ересь», то он лишен близкого и дальнего окружения. Его коммуникативные контакты с людьми спонтанны и трудно прогнозируемы, например: *«Бродя целыми днями по грязным, немощеным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них,*

беседовала, а затем снова отправлялась странствовать» [Там же, с. 13].

Часть информантов (9%) отмечает, что хотя «юродивый» «замкнут, не имеет много друзей» он также обладает «определенным складом ума, мышления, поведения», что дает ему возможность поступать нетривиально. Рассмотрим на примере: *«Для услуг домашнего обихода блаженная (старлица Евфросиния. – И. Ч.) брала к себе ту или другую из женщин. Одно время всех очень удивляло то, что матушка, взяв прислуживать себе глухонемую, с которой можно было объясняться только знаками, говорила ей: «Немая, сделай то-то». И та в точности исполняла приказание» [Там же, с. 222].*

Анализ материала показал, что диагностически важными признаками являются внешний вид, место жительства, семейное положение. Гендер юродивого представлен амбивалентно, возраст указывается как пожилой, стереотипное происхождение юродивого – неблагородное, сфера деятельности определяется духовным служением, под досугом скрывается духовный подвиг, окружение не является релевантным признаком.

3.2. Ценностные доминанты типажа «юродивый»

Ценностные характеристики ЛКТ демонстрируют его жизненные приоритеты, а также являются отражением ценностных ориентиров русской культуры. Согласно Г. П. Федотову, выделяются три основные группы мотивов, побуждавших подвижников Древней Руси принимать на себя подвиг юродства «Христа ради»: 1) поправление тщеславия, всегда опасного для духовной жизни. Этому способствовали «безнравственность» или притворное безумие с целью уничижения, поношения от окружающих; 2) указание на противоречия между христианской правдой и привычным здравым смыслом и установленным законом; 3) служение миру через своеобразную проповедь, происходившей не словом и не делом, а силой

Духа, иногда пророчеством [Федотов, 2000, с. 163-164].

Можно также выделить и другие критерии, которые помогают отличить подлинное юродство от простого эпатажа: 1. Внешнее целеполагание (юродивый всегда возвещает правду Божию, а не человеческую). 2. Внутренняя мотивация (к подвигу юродства люди призывались особым действием Промысла Божьего). 3. Глубокая вера (обязательна была у юродивого и до принятия подвига). 4. Смирение – основа юродства (главная цель юродивого – сохранить себя от гордыни, смиренно принимая оскорбления, издевательства, преследования, насмешки, возмущение, поношения). 5. Пророческий дар (юродивые не только возвещали правду Христову тем, кто от нее уклонялся, но и предрекали события целому обществу) [Кириллин 2012, с. 33]. Таким образом, по мысли В. М. Кириллина, эпатаж юродивых является не самоцелью, а средством заставить общество задуматься о смысле бытия, смысле учения Христова и вообще о пути спасения.

Помимо внешних фасцинативных приемов, идущих вразрез с нормами, принятыми в социуме, ценностные приоритеты ЛКТ «юродивый» также поддерживают фасцинативность данного типажа. Согласно теории ЛКТ, ценностная характеристика, составляющая структурный элемент лингвокультурного типажа, демонстрирует доминанты, определяющие его жизненные приоритеты.

Следует отметить, что исследователями предпринималось множество попыток выстроить шкалу ценностей с использованием самых разных критериев. Карлос Вальверде в своей работе «Философская антропология» пишет: «Макс Шелер после детального исследования предлагает следующую родовую классификацию: 1) ценности приятного и неприятного, 2) витальные ценности, 3) духовные ценности, которые подразделяются на эстетические, ценности справедливого и несправедливого, интеллектуальные и религиозные. Ортега-и-Гассет дает такое разделение: утилитарные, витальные, духовные (интеллектуальные, моральные, эстетические) и

религиозные ценности. Алехандро Рольдан предлагает гораздо более полную классификацию, роды которой (подразделяющиеся затем на множество видов) таковы: логические, интеллектуальные, эстетические ценности, ценности стремления, нравственные, религиозные, социальные, экономические, политические, чувственные, витальные и инстинктивные ценности» [Вальверде, www]. Другие авторы предлагают иные классификации, с трудом согласующиеся между собой.

Исходя из того, что «мир ценностей формируется в совокупной деятельности конкретных людей в конкретной социальной среде в конкретный исторический период» [Бабаянц, 2013, с. 35], мы предлагаем выделять следующие ценности в структуре ЛКТ: витальные, утилитарные, моральные и суперморальные.

Витальные ценности непосредственно соотносятся с продолжением и сохранением жизни, например: питание, здоровье, экология, безопасность, продолжение рода и т.д.

Утилитарные ценности – это ценности с точки зрения их пользы: они связаны с отношениями к собственности, быту, благосостоянию и т.п. Выполнив свою задачу, такая вещь / средство в качестве ценности, как правило, умирает.

Моральные ценности – это «система миропонимания человека, содержащая оценку всего существующего с позиций добра и зла, понимания счастья, справедливости и любви, позволяющая установить связь поступка человека с общепринятой системой социальных ценностей» [ТФС, 2008]. Нравственными, или моральными ценностями принято считать: благоразумие, доброжелательность, мужество, справедливость. В качестве нравственных ценностей у всех народов и во все времена почитались: честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм и т.д.

Суперморальные ценности – это краеугольные религиозные догматы, определяющие поведение человека по отношению к Богу, людям и самому себе. В их числе «догмат о грехопадении, догмат об Искуплении

человечества от греха, догмат о Втором Пришествии Спасителя и Страшном суде, догмат об иконопочитании, Догмат о всеобщем воскресении людей и будущей жизни и т.д.» [Парахневич, 2013, с. 150-151]. Согласно религиозной этике, «вера в Бога является достаточным основанием для создания как суперморальных, так и моральных, и утилитарных ценностей. Все религии согласны в одном: единственное возможное на земле счастье человека в том, чтобы принадлежать к вере и следовать ей» [Бакирова, 2011, с. 14].

Итак, представитель лингвокультуры характеризуется определенным набором и соотношением ценностей. «Ценности индивидуального уровня являются универсальными для всех людей во всех культурах; культурные различия могут лишь проявляться в степени относительной выраженности тех или иных ценностей у большинства членов данной культуры» [Павленко, 2010, с. 117].

Базовые ценностные приоритеты ЛКТ «юродивый» могут быть выявлены путем анализа его поведенческих характеристик. Прежде чем перейти к рассмотрению этих характеристик и связанных с ними ценностных ориентиров данного лингвокультурного типажа, выясним, каковы «жизненные ценности» современного общества. Обратимся к результатам различных исследований.

Первый опрос о смысле жизни, проводился на одноименном сайте «Смысл жизни» [Смысл жизни ..., www] в период с 2005 по 2009 год. Респондентам было предложено дать ответ на вопрос «В чем заключается ваш смысл жизни?», выбрав один из наиболее близких вариантов.

Во втором опросе, который имел место в Интернет-сети сайтов, входящих в проект «Экзистенциальная психология», с 2009 по 2012 год сам вопрос и условия были переформулированы. Общее число участников опроса составило более 19000 человек. Вопрос звучал следующим образом: «Что является наиболее значимым для вас в жизни: выберите несколько вариантов (не больше трех)». Были также заданы некоторые дополнительные вопросы.

Приведем результаты данных двух опросов «Жизненные ценности

(2009-2012 гг.)»/«Смысл жизни (2005-2009 гг.)»: Саморазвитие ("Реализовать максимально свои возможности, способности...") – 22.6/24,7. Полезьа ("...принести максимум полезного себе, близким и обществу") – 12.1/10,8. Семья ("Я живу ради своей семьи") – 14.9/7,2. Движение к Богу ("Обрести полноту общения с Богом") – 4.9/6,3. Понимание ("Уяснить для себя, в чем смысл жизни") – 12.8/19,7. Достижение ("Занять определенное место в обществе...") – 8.9/6,3. Любимая работа ("Моя работа – мой смысл жизни") – 2.5/0,9. Процесс жизни ("Жить максимально полной, насыщенной жизнью") – 17.8/21,1. Разное ("Сдать экзамены и курсовые вовремя и без проблем" и др.) – 3.6/3,0.

Мы видим, что на первом месте в современном обществе находится стремление «максимально реализовать свои возможности, способности». На втором – желание «жить максимально полной, насыщенной жизнью». И лишь на третьем/четвертом с конца находится одна из суперморальных ценностей – «обрести полноту общения с Богом»

Для сравнения обратимся также к материалам всероссийских опросов общественного мнения («Важно» и «неважно»: парадные и реальные жизненные ценности россиян. Москва, 2014). Поясним, что под «парадными» понимаются такие ценности, которые рассматриваются людьми как ценности не для себя, а для других. «Парадные ценности, например, оказание бескорыстной помощи близким или готовность приносить жертву для общего блага, с ничтожным влиянием на поведение большинства их носителей». Адресат парадных ценности не столько «я», сколько «другой(ие)» [«Важно» и «неважно» ..., 2014, www]

ИЕРАРХИЯ ЖИЗНЕННЫХ СФЕР (ответы на закрытый вопрос – «В какой степени для Вас важны следующие сферы жизни?», по позиции «важны»): Семья, дом – 98. Дружба – 93. Происходящее в стране – 87. Любовь – 87. Свободное время, отдых, развлечения – 84. Дело, профессия, работа – 82. Религия, вера – 67. Секс – 65.

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ (ответы по позиции – «очень важно»):

Состояние Вашего здоровья и здоровья членов Вашей семьи – 84. Отношения в семье – 84. Материальное положение – 83. Личная безопасность – 82. Среда обитания, экология в месте Вашего проживания – 60. Экономическая и политическая обстановка в стране в целом – 60. Социальная инфраструктура в месте Вашего проживания – 59. Возможность достижения поставленных целей – 57. Возможность общения с друзьями, близкими – 57. Наличие досуга и возможностей его проведения – 45. Климат, погода в месте Вашего проживания – 45. Ваш социальный статус, положение в обществе – 45. Творческая самореализация – 39. Участие в общественной и политической жизни – 24.

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ ЦЕННОСТИ ВЕРЫ. Ответы на вопрос относительно религии и веры: *Я верующий – 87. Для меня важны религия, вера – 67.* Ответы на закрытый вопрос – «В христианской религии есть грехи, которые называют смертными, ведущими к гибели души. Вспомните, пожалуйста их и назовите»: *Не знаю их, не могу вспомнить – 46.* Ответы на закрытый вопрос – «Как часто Вы ходите в церковь (мечеть, синагогу)?»: *Никогда не хожу – 26. Очень редко – 34. Время от времени – 30. Как минимум раз в месяц – 7. Затрудняюсь ответить – 3.*

Выделим в иерархии ценностей преобладание «материального и личного благополучия, безопасности». Предпоследнее место «религии и вере» в «иерархия жизненных сфер» и низкий показатель знаний основ христианской религии (затруднение в назывании основных грехов) подтверждают факт преобладания массового утилитарного сознания.

Таким образом, в современном обществе, охарактеризованном социологами «обществом потребителей» одной из доминант является комфорт, под которым понимается:

1) «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и уют» [ТСРЯ, 2006];

2) «разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетворение (указанным природой и разумом) потребностям» [РМиР, 1912];

3) «удобство, уютство, у(при)ют, приволье, домашний покой, удобства и избыток» [ТСЖВРЯ, 1909].

Анализируя ЛКТ «юродивый» с позиции данной доминанты, мы видим полный отказ от комфорта. Приведем результаты экспериментального опроса и проиллюстрируем ответами респондентов.

Во-первых, место жительства юродивого не отвечает критериям комфортного проживания: *«Не имеет дома, обитает на паперти. Без определенного места жительства. Еду и жилье находит где придется».*

Во-вторых, юродивый добровольно и намеренно отрекается от спокойствия и уюта, привычных земных благ и удобств: *«Отрекся от всех мирских благ, избравший путь лишений, отказавшийся от комфорта и привычных для человека условий быта, чтобы служить Богу и помогать людям».*

В-третьих, кажущееся неразумным и неестественным лишение себя человеческих потребностей и удовольствий объяснимо с позиции аскетизма: *«Живет не для себя. Помогает в ликвидации чего-либо бедственного. Плачет и молится за весь мир и отдельных человек, денно и нощно».*

Как мы видим, для ЛКТ «юродивый» характерно отсутствие в шкале норм приоритетов витальных и утилитарных ценностей. Жизненными доминантами являются самопожертвование, аскетизм, уничтожение и самоистязание: *«Добровольно отдавшийся истязаниям во имя Иисуса Христа, принявший аскетический образ жизни».*

Именно полное отрицание витальных и утилитарных ценностей оценивается как «неадекватное», «ненормальное» и ошеломляет при более подробном знакомстве. Образ жизни юродивого полностью ломает стереотипы современного человека о смысле жизни. Типичная оценка ценностных доминант лингвокультурного типажа «юродивый» представляется в следующих языковых единицах самого юродивого: *«не от мира сего, странный, безумец, небожитель».*

Нравственные регулятивы или заповеди, определяющие поведение в

социуме, достаточно разнообразны. Каждый индивид выбирает (осознанно или неосознанно) из моральных и суперморальных ценностей в пространстве культуры те, которые наиболее подходят для него. «Среди них могут быть и такие, которые не одобряются окружающими. Но в каждой более или менее стабильной культуре имеется определенная система общепризнанных нравственных регулятивов, которые по традиции считаются обязательными для всех» [Петухов, 2013, с. 93]. В Ветхом и Новом Заветах перечисляются Заповеди Божии, записанные на каменных скрижалях и данные устно в Нагорной проповеди. Этот кодекс и определяет жизнь юродивого, например: *«Пребывающий в постоянной молитве, служении людям. Живущий не для себя. Вразумляющий простых смертных. Всю свою жизнь отдал на стяжание Духа Святого».*

В процессе установления ценностных приоритетов и оценок поведения лингвокультурного типажа «юродивый» было проанализировано 2876 контекстов русской житийной, классической и современной художественной литературы, материалы форумов сети Интернет. По частотности использования среди изученных текстовых фрагментов были выделены следующие характеристики (в единицах): *служение (398), смирение (374), терпение (356), самоотвержение (327), послушание (302), жертвенность (197), спасение (188), любовь (173), благочестие (162), сострадание (161), нестяжание (137).*

Обратимся к рассмотрению и описанию ценностных приоритетов ЛКТ «юродивый» по унифицированной схеме, которая будет состоять из словарной дефиниции лексемы (мы оставляем лишь те, семантика которых связана с тематикой нашей работы) и из примеров иллюстрирующих проявления/выражения той или иной ценности у типажа.

Служение – «1. ср. 1) Процесс действия по знач. глаг.: служить. 2) устар. То же, что: служба. 2. ср. устар. То же, что: богослужение». Служить – «1) а) Делать что-л., исполнять какую-л. работу для кого-л., подчиняясь чьим-л. интересам. б) Оказывать услуги, быть готовым выполнить чьи-л.

просьбы, желания. в) перен. Целиком отдаваться во власть кого-л., чего-л.; усердствовать. 2) Выполнять обязанности слуги, прислуги; прислуживать. 3) а) перен. Работать, трудиться во имя кого-л., чего-л., для пользы кого-л., чего-л. б) Отдаваться чему-л., быть верным чему-л.» [СТСРЯЗ, 2006].

«Когда св. Симеон Юродивый разлучался с возлюбленной им пустыней и с единственным своим другом, подвижником Иоанном, пред вступлением на подвиг юродства, то обратился к Иоанну: “Нет больше нам, брат, нужды оставаться в пустыне, но, послушай меня, пойдем, послужим спасению других: здесь мы только себе помогаем, а награды за помощь другим не имеем. Не апостол ли говорит: никто не ищи своего, но каждый пользы другого, и еще: угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись (1 Кор. 10, 24;33)”» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 71].

В приведенном примере служение юродивого заключается в «спасении других», для этой цели он покидает пустыню и возвращается в общество.

«Блаженная Исидора была отребьем монастыря и самым делом исполняла написанное в святом Евангелии: кто хочет между вами быть большим, да будет всем раб и всем слуга (Мф. 20:26; Мк. 10:43)» [Там же, с. 97].

Данный пример иллюстрирует проявление служения людям через полное уничтожение юродивой.

Смирение – «1) Процесс действия по знач. глаг.: смирать, смирить. 2) Состояние по знач. глаг.: смиряться, смириться. 3) Кротость, покорность». Смиряться – «1) а) Становиться покорным, послушным. б) Подчиняться чьей-л. власти, воле; покоряться. 2) Переставать упорствовать, примиряться с чем-л., покоряться силе обстоятельств. 3) а) Смирять свою гордость, высокомерие. б) Успокаиваться, затихать, униматься» [СТСРЯЗ, 2006].

Рассмотрим контексты, демонстрирующие проявление ценности «смирение».

«Блаж. Иоанн не давал себе ни малейшего покоя ни днем, ни ночью,

постоянно подвергался разного рода насмешкам, побоям и брани от людей, не понимавших жития его, — все это переносил он с истинным смирением» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 179].

«Было у блаженного несколько человек близких, с которыми он обращался без всякого притворства. У одного из этих знакомых была служанка, которая с кем-то имела постыдную связь и сделалась беременною. Когда господа принуждали ее назвать виновника ее греха, она сказала, что была в тайной связи с Симеоном, от него понесла и справедливость этого подтвердила клятвою, изъявляя готовность, если нужно, изобличить виновного. Услышав об этом, Симеон не стал противоречить и сказал, что он носит тело — сосуд скудельный. Когда повсюду разнеслась об этом молва и Симеона начали бесчестить, он будто бы от стыда не стал показываться. Но вот женщине пришло время родить; муки рождения стали невыносимыми и довели до крайней опасности жизнь ее, а дитя не рождалось. Тогда нарочно пришел туда Симеон и, когда стали упрашивать его помолиться, он при всех сказал, что эта женщина не разрешится от бремени, пока не назовет человека, от которого забеременела. Как только она сделала это и назвала действительного отца, младенец немедленно появился на свет» [Там же, с. 124].

В первом примере юродивый проявлял смирение, перенося оскорбления и побои, во втором – смирение юродивого заключалось в беспрекословном принятии клеветы.

Терпение – «1) Процесс действия по знач. глаг.: терпеть. 3) Способность сохранять выдержку, самообладание в ожидании нужных результатов. 4) Способность заниматься чем-л. долго, проявляя упорство и настойчивость» [СТСРЯЗ, 2006].

«Когда же подошел к нему келейник Иван и, сочувствуя старцу (Феофилу) в беде, пожелал узнать о причине такого его равнодушия к скорбям, старец отвечал: – Эх, Иване, Иване... Лучше потерпеть

несправедливость, нежели совершить ее самому. Слушай, что говорит о том слово Божие: «Горе богатым, насыщенным, хвалимым; но благо тем, которые терпят всякую напраслину, побои, ограбления, насильственные утруждения, ибо мзда их многа на небеси». – А если терпят напрасно, за ничто, батюшка? – Так что же из того? Нельзя противиться злему. Грешно предаваться грусти. Мы изгнанники на земле. А изгнанникам не дивны оскорбления и обиды... Мы у Бога под епитимиею, а епитимия заключается в лишениях и трудах. Мы больны душой и телом, а больным полезны горькие лекарства...» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 141].

Приведенный пример показывает отношение юродивого к несчастьям, скорбям, унижению со стороны окружающих, которые он принимает в качестве целебного для него «лекарства».

«Во все время жизни своей (блаженная Исидора. – И. Ч.) не сидела за трапезой: она питалась крошками, собираемыми со стола, и остатками в сосудах, которые мыла. От многих из сестер была «уничижаема, поношаема и озлобляема». Исидора переносила все это терпеливо «с молчанием». Никто не слышал от нее ни ответа грубого, ни ропота: чем жесточе бранили и унижали ее, тем более она была весела. Так упражнялась она «в мудром безумии Креста Господня» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 105].

Терпение юродивой заключалось в проявлении самообладания в ответ на грубость.

«Он (Виссарион. – И. Ч.), подобно пленнику, терпел то здесь, то там, — терпел холод и наготу, опаляем был жаром солнца, всегда находясь на открытом воздухе. Он, как беглец, укрывался на скалах пустынных и часто любил носиться по обширной и необитаемой песчаной стране, как бы по морю» [Там же, с. 120].

Приведенный пример демонстрирует терпеливое отношение юродивого к неблагоприятным погодным условиям.

«Большинство не понимали его (Николая Кочанова. – И. Ч.). Они

презирали этого полунагого скитальца, смеялись над ним, бранили и били. Блаженный же не только все это переносил молча и терпеливо, но покрывал любовью и втайне молился за тех, которые незаслуженно оскорбляли его. Он даже радовался, что терпел столько унижений, столько встречал и переносил незаслуженных страданий» [Там же, с. 190].

Юродивый с терпением переносил издевательства и унижения.

Самоотвержение – 1) Жертвование личными интересами в пользу других; самоотверженность. 2) Забвение себя, своих интересов во имя чего-л.; самоотречение» [СТСРЯЗ, 2006].

«Не заботило его попечение о доме, не овладевало, кажется, его душою ни желание иметь поле, ни жажда удовольствий, ни приобретение жилищ, ни переноска книг; но весь всецело являлся он свободным от телесных забот, питаясь надеждой будущего бытия и утвердившись оградой веры» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 120].

Приведенный контекст демонстрирует сознательное отсутствие интереса юродивого к земным благам.

«Все эти страдания и лишения ради Господа, ночные бдения, молитвы и всегдашнее воздержание стяжали подвижнику такую чистоту сердца, что он сделался жителем не столько чувственного, сколько духовного мира: нередко видел он Ангелов, то ратующих против демонов за спасаемых, то плачущих, когда нераскаянные грешники доводили себя до совершенной гибели; видел и демонов с их адскими кознями» [Там же, с. 131].

Мы видим, что юродивый проявлял постоянство в самоотверженных трудах, молитве, воздержании.

Послушание – «1) Беспрекословное подчинение чьей-л. воле; повиновение, покорность. 2) а) Определенная обязанность, выполняемая монахом или послушником в монастыре. б) Обязанность, взятая на себя кем-л. как искупление за какую-л. вину» [СТСРЯ2, 2006].

«Пустынный Иоанн, «плача о разлучении» с другом Симеоном пред вступлением последнего в подвиг юродства, в продолжительной беседе

убеждал его «блюсти», чтобы «собранное в пустыне не расточил мир», на что святой Симеон отвечал ему: «Не бойся, любезный мой брат Иоанн; что я хочу делать, то не по моей воле, а по Божьему хотению, и ты знаешь, что мое дело угодно Богу из того, что я приду к тебе до своей смерти, и приветствую тебя, и позову тебя с собой, и через немного дней пойдешь за мною» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 81].

Юродивый беспрекословно повинуется Божией воле, выходит из затвора для служения людям.

«Один из поваров, называвшийся тоже Исаакием, однажды, смеясь, сказал блаженному: «Исаакий, вот сидит черный ворон, иди поймай его». Он поклонился ему до земли, пошел, поймал ворона и принес в виду всех; повара изумились и сказали о том игумену и братии. С того времени братья стали уважать его. Но он, избегая славы человеческой, начал в юродстве оскорблять то игумена, то братию, то мирян, так что иные били его» [Там же, с. 164].

В данном примере послушание юродивого заключается в полном подчинении воли брата-монаха.

Жертвенность – «Отвлеч. сущ. по знач. прил.: жертвенный». Жертвенный – «прил. 1) Соотносящийся по знач. с сущ.: жертва, связанный с ним. 2) Свойственный жертве, характерный для нее. 3) Готовый к самопожертвованию» [СТСРЯ1, 2006].

«... Желая однажды известить братию о весьма неудачном для нас кровопролитном сражении (в Крымской войне. – И. Ч.), он (Феофил. – И. Ч.) изранил терновником свое лицо и руки и лег под навесом сарая, истекая кровью. – Боже мой! Что с вами случилось, батюшка? испуганно спросила Феофила случайно прибывшая в ту пору в Китаев Флоровская игуменья Агния. – Ничего, ничего, родная... Это я сто пиявок на свое грешное тело поставил. Иди! Иди!.. – Ах, страсти какие! Зачем это, батюшка? – Так треба, так треба... Это моя жертва. Жертва за русских воинов, сегодня ночью за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших...»

[Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 233-234].

В приведенном примере демонстрируется жертвенность, заключающаяся в сопереживании потерям русской армии и сознательном пролитии юродивым крови.

«Большую же часть ночи со слезами и коленопреклонениями молился за грехи своих обидчиков и досадителей словами Распятого: «Господи, не постави им в грех сего», — молился за спасение тех, которых видел погибающими во грехах, а также и за свое собственное спасение. «О, Исидоре, — говорил он самому себе, обливаясь слезами, — многими скорбьми подобает ти внити в Царствие Небесное, нужно бо есть и нуждницы восхищают е». Крепка была любовь его ко Господу; и Господь возлюбил его. [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 248].

В данном примере жертвенность выражается в прощении обидчиков и длительных ночных молитв за них.

Спасение – «1) Процесс действия по знач. глаг.: спасти, спастись. 2) Возможность спасти, спастись; выход из опасного, затруднительного положения. 3) То, что или тот, кто спасает, избавляет от чего-л.» [СТСРЯЗ, 2006].

«Святой (Симеон Юродивый. – И. Ч.) в притворном бесновании весьма многих людей обличал в их тайных грехах: иных в нечистоте, других в краже, третьих в клятвопреступлении: каждого во всяком его грехе. Обличал же иных отдельно, иных перед другими; третьим в притчах указывал на их злые дела, чтобы они заглянули в свою совесть, а иных явно поносил за творимые ими беззакония. И так он весь город удерживал от смертных грехов, приводя людей к покаянию». Василий блаженный «божественною благодатию укрепляем, не только свою душу, спасает, но и многим душам ходатай ко спасению» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 71].

«Прп. Серапион посвятил всю жизнь свою на спасение ближних. В одном городе продал себя за двадцать монет комедиантам-язычникам и

оставался у них, питаясь только хлебом и водою, пока не обратил их к христианству и не заставил оставить театр. Утвержденный его наставлениями в благочестивой жизни со всем семейством, комедиант хотел отпустить его на свободу. Тогда Серапион открыл им тайну своего намерения и возвратил в целости деньги, которые хранил запечатанными, говоря: «Видя вас во многом заблуждении и погибели, милосердствовав о вас, и того ради продах себя вам, да возмогу вас помощью Божиею наставить на путь спасения: ныне же спасишесь вы от Господа мною смиренным, возьмите серебро ваше, аз же пойду о других спасении пеущися» [Там же, с. 72].

«Прп. Пафнутий для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор. 9:22), и потому, желая обратить на путь спасения разбойников, пил с ними вино, вопреки своему обету» [Там же, с. 97].

В приведенных контекстах говорится о стремлении юродивых благотворно воздействовать на окружающих, которые, по их мнению, нуждались в исправлении. Для перевоспитания заблуждающихся юродивые могли отступить от точного выполнения своих обетов.

Любовь – «1) а) Чувство глубокой привязанности, преданности кому-л., чему-л., основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу или спасению, сохранению кого-л., чего-л.» [СТСРЯ1, 2006].

«Со всей пылкостью горящего любовью к Богу сердца принялся Виссарион за труды и подвиги для очищения своей души и для приближения к Богу. Пост его был необычайный – он постился по неделе, по две, а иногда и по сорок дней. В молитве он был неутомим до того, что однажды целых сорок суток простоял в ней посреди терния без сна и без пищи, – забыв все земное и устремив свой ум к небесному, он молился с воздетыми к небу руками, не двигаясь с места ... Господь призрел на его любовь к Нему и труды, совершаемые по чувству этой любви, и прославил его даром многих чудес» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 118].

В данном примере мы видим реализацию юродивым первой новозаветной заповеди «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Мк. 12, 30).

«На паперти церкви Прокопии стал проводить ночи в молитве, а днем ходил по городу, претерпевая насмешки, брань и побои: над ним издевались и дети, и те, которые имели духовный смысл еще менее развитой, нежели у детей, и не могли понимать поступков «духовного человека». Прокопий молился за них молитвою Распятого: «Господи, не постави им греха сего» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 167].

В приведенном контексте прослеживается то, как юродивый исполняет вторую евангельскую заповедь «вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39).

Благочестие – «Почитание Бога, соблюдение предписаний религии» [СТСРЯ1, 2006].

«Св. блаженный Василий, по словам церковной песни, «вся Христова учения дела исполнил». Прп. Михаил Клопский «Христовы бо возжелев божественные заповеди и делом совершил, преподобне» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 97].

«С юных лет он (Иоанн Устюжский. – И.Ч.) отличался строгою жизнью. По средам и пятницам не ел ничего, а в прочие дни довольствовался хлебом и водою. Однажды мать спросила его, к чему он постится в таких годах. «Чтобы избавиться от грехов, – отвечал юноша Иоанн. – Без греха никто, кроме Бога: не станем питать плоти, чтобы она не стала врагом нашим» [Там же, с. 178].

«Паче же всего, любяше (блаж. Николай Кочанов. – И.Ч.) пребывание в храмах Божиих и от всея души деяти в них молитву к Богу; в домех же простых людей глаголати о Божественных и поставляти их на путь спасения, и тако многих отврати от заблуждений, многих печальных утеши, вразуми буших и грешных обрати ко Господу» [Там же, с. 190].

Перечисленные контексты свидетельствуют о благочестии юродивых, которое заключается в исполнении церковных заповедей, предписаний и канонов. Строгость к своей жизни выражалась у них в посте, воздержании от греховных желаний, всепрощении и молитве за всех.

Сострадание – «Чувство жалости, вызываемое чьим-л. несчастьем, горем; сочувствие» [СТСРЯЗ, 2006].

«Преп. Серапион не имел у себя никакой другой одежды, кроме накидки, не имел он также ни кельи, ни постоянного пристанища и обыкновенно носил с собою только Евангелие. Однажды на пути в Александрию он встретился с нищим, который не имел одежды и дрожал от холода. Св. Серапион, остановившись, подумал: «Меня почитают постником и исполнителем Христовых заповедей, между тем ношу я одежду, а этот нищий – раб Христов, погибает от холода. Поистине, как убийца, осужден буду в день страшного суда, если не покрою наготы его и поущу ему умереть от холода». Тотчас снял с себя накидку и отдал нищему; потом сел нагой на распутье, держа в руках святое Евангелие. В то время один знакомый, проходя мимо его, спросил: «Отец Серапион, кто обнажил тебя?» Святой подвижник, указав на Евангелие, сказал: «Оно раздело меня». Потом св. Серапион увидел, что мимо его ведут должника в темницу; сжалившись над ним и не имея, что дать ему, продал Евангелие и отдал тому человеку деньги для уплаты долга. После того, как Серапион пришел в келью, ученик спросил его: «Где Евангелие?» Святой старец сказал: «Сын мой, оно постоянно твердило мне: продай имение твое и раздай нищим (Мф. 19:21; Мк. 10:21). Я послушался и сделал так, чтобы за послушание получить дерзновение пред Богом» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 74-75].

Мы видим, что юродивый, сострадая нищим, отдавал им последнее что имел. Отметим, что стоимость Евангелия в упомянутый исторический период была чрезвычайно высока.

«Однажды заметили, что Симеон вошел в дом распутной женщины и,

заперев за собою дверь, остался с нею наедине. Потом он отворил дверь и поспешно вышел, озираясь по всем сторонам, не смотрит ли кто на него. После того подозрение еще более усилилось, так что видевшие его позвали к себе женщину и спросили ее, зачем у нее был Симеон и почему так долго. Но женщина клятвенно уверяла, что уже третий день по бедности не было у нее ничего во рту, кроме воды, а Симеон принес ей мяса, хлеба и вина и, заперев дверь, предложил трапезу с приказанием, чтобы она ела досыта, потому что довольно терпела от недостатка в пище, остатки же всего принесенного взял с собою» [Там же, с. 124].

Юродивый не побоялся строгости общественного мнения, придя в дом распутной женщины, и принес ей пищу, оставшись с ней наедине.

Нестяжание – «Отчуждение от приобретения имени; бескорыстие» [СЦсРЯ, 1847].

«Ревнуя о приобретении совершенной нестяжательности, преп. Серапион не имел ни кельи, ни иного какого-либо пристанища, но, подобно птице небесной, жил без забот: «ни в храме покровеней, когда сидети или почити хотяше, но едину плащаницу нося и малое Евангелие»; проводил жизнь в постоянном странствовании, переходя с места на место, итак усовершенствовался в подвиге нестяжательности, что приобрел совершенное бесстрастие» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 109].

«... родители Виссариона умерли и выбор образа жизни вполне зависел от него самого. И Виссарион, раздав имение свое нищим и монастырям, принял иночество и удалился в Скит» [Там же, с. 118].

«И блаженный (Николай. – И.Ч.) в совершенстве проходил избранный им путь юродства. Следуя словам Спасителя кто любит отца и мать более, нежели Меня, тот не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, тот не достоин Меня; и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня (Мф. 10: 37—38), он оставил все для Господа: села, имение, множество рабов, покинул дом родительский с его великими богатствами и ходил по улицам Новгорода в ветхой одежде,

босой, с непокрытой головой» [Там же, с. 189].

Нестяжание юродивого в приведенных примерах заключается в добровольном и сознательном отказе от материальных благ, привилегий, комфорта и в готовности раздать все свое имение, наследство и покинуть родительский дом для прохождения подвига духовного совершенствования.

Таким образом, ценностные ориентиры ЛКТ «юродивый» сводятся к следующим суперморальным ценностям: служение, смирение, терпение, самоотвержение, послушание, жертвенность, спасение, любовь, благочестие, сострадание и нестяжание.

3.3. Оценочные характеристики типажа «юродивый»

Традиционно отношение к юродивому в русской культуре дореволюционного периода характеризуется амбивалентностью, с преобладанием положительной оценки. Анализ текстового материала демонстрирует уважение, почитание, но в ряде случаев опасение. Проиллюстрируем примером: *«Любовь и расположение простого народа к старице (блаженной Натальи Дивеевской. – И. Ч.) росли все более и более, желание видеть ее и беседовать с нею увеличивалось. Ее постоянно осаждали толпы народа, жаждущего ее духовных бесед и наставлений, среди которых нередко можно было видеть и достаточное число интеллигентных лиц. Лицам, совсем ничего не слышавшим о старице и в первый раз видевшим ее, на первый взгляд казалось непонятным: чем и как могла расположить к себе народные сердца эта ветхая, согбенная и удрученная летами старица? Но это недоумение скоро сменялось чувством глубокого уважения, когда эти лица узнавали от других и сами лично убеждались, что старица Наталия выделяется своими многолетними продолжительными молитвенными бдениями, подвигами, постоянным чтением священных и духовно-нравственных книг, постом и молитвою. В*

ней обитал, – если не во всей полноте, то все же в большой мере, – дух старца Серафима и оптинского старца Амвросия: иначе она не могла бы с таким успехом подвизаться на поприще старчества, которое не без основания считается лучшим и отборным цветом монашества в мужских обителях, а в женских – прямо можно назвать таковое лишь редким исключением» [*«Безумием мнимым ...»*, с. 132–133].

В религиозном дискурсе юродивый причисляется к лику святых, что свидетельствует о положительной оценке подвига «юродства»: «... Им нужно было великое самоотвержение, какое чрезвычайное терпение, чтобы подвергать себя непрестанно поруганиям, презрению и ударам, среди народа, а с тем вместе голоду и холоду, жажде и зною, и всем лишениям бездомной и бесприютной жизни! Еще более: для святого юродства требовалась редкая мудрость, чтобы беславие свое обращать во славу Божию, чтобы в смешном и нелепом ничего не допускать греховного, в неблагопристойном – ничего соблазнительного, в неистовстве – ничего для других несправедливого и обидного. Путь чрезвычайно трудный и опасный ... юродство есть произвольное, всегдашнее мученичество!» [*Гурьев, «Пролог в поучениях ...»*, с. 530–531].

Необходимо также отметить, что оценочная составляющая ЛКТ «юродивый» в произведениях русской агиографической, художественной и публицистической литературы, в Интернет-обсуждениях отличается полярностью с перевесом в сторону положительно маркированных характеристик. Анализ фрагментов, относящихся к различным типам дискурса, в которых был актуализирован типаж «юродивый» выявил следующие оценки: *аскет* (302), *подвижник* (287), *провидец* (256), *святой* (234), *избранник* (182), *безумец* (143), *странный* (119), *грязный* (96).

Аскет – «1. м. Приверженец аскетизма; отшельник. 2. м. 1) Тот, кто ведет суровый образ жизни, отказываясь от жизненных благ, удовольствий» [СТСРЯ1, 2006].

Церковь возносит хвалу святому Максиму юродивому: «*Мирскими*

красотами не восхотел еси насладиться, плоть презрев, прирадел еси о душе, и яко же рабыню духови покорил еси ю. Юношеских страстей удержал еси взыгrania. Постом и воздержанием увядил еси плотския страсти. Очистив от всякия скверны душу и тело, храм чист показался еси Богу. Непокровенно тело имея, небрегл еси о теле перстнем, зельне стражда солнечный вар и великия студени. Любовью Христовою уязвляем, любве сродник отрелся еси. Явился еси чуден в терпении твоём. Умом весь к премирным вземся, блаженне, юрод миру явился еси, отче» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 210–211].

Несомненно одной из основных черт ЛКТ «юродивый» является аскетизм. Аскетизм представляет собой «пренебрежение чувственным, нынешним миром, его умаление или даже отрицание ради духовного, будущего мира. В простых формах аскетизм предполагает ограничение или подавление чувственных желаний, добровольное перенесение боли, страданий и т.п.; в более радикальных случаях он требует отказа от собственности, семьи и т.п. для обеспечения приоритета духовного над материальным, желаемого совершенного мира над реальным миром» [ФЭС, 2004].

Подвижник – «м. 1) Тот, кто изнуряет себя лишениями, молитвами во имя служения Богу; отшельник. 2) Самоотверженный труженик» [СТСРЯ2, 2006].

«Уложили меня спать в небольшой комнате на постель с целой горой мягких пуховых подушек. Утром я проснулся, когда солнце уже взошло высоко. Матушка предложила чаю. Когда я спросил, где отец Михаил, она сказала:

- Да Вы садитесь, его не ждите, он никогда не завтракает. Сейчас ушел в сарай - клетки для кроликов мастерить.

- А где Гришка ночевал? - спросил я.

- Он всегда на чердаке ночует, в своем гробу спит.

- Как это - в гробу? - удивился я.

- *Да, видать, вычитал, что некоторые подвижники в гробах спали, чтобы постоянно помнить о своем смертном часе и быть к нему готовыми, вот сам выстругал себе гроб и спит в нем» [Агафонов, «Юродивый Гришка», с. 491].*

Подвижничество юродивого в приведенном примере заключается в отказе от комфортного сна и пребывании в постоянной молитве, приготавливая себя к смерти.

Провидец – «м. Тот, кто провидит. Провидеть – 1) Предвидеть, представлять себе что-л. в будущем. 2) Проникать мыслью во что-л. скрытое, тайное; разгадывать» [СТСРЯ2, 2006].

«Что же сделал блаженный? Несмотря на то, что от имени митрополита был послан из Лавры верховой в Китаеву пустынь с приказанием удержать старца Феофила на весь день в монастыре, блаженный незаметно пробрался через ворота и ушел в лес. Провидя духом приближение Царского экипажа, он вышел к нему на встречу в Голосев, но не показался перед лицо Государя, а пропустил экипаж мимо себя, спрятавшись за большое дерево» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 208].

Процитированный пример демонстрирует способность юродивого предвидеть будущие события. Зная о приближении царского экипажа юродивый послушался распоряжения церковного начальства.

Святой – «1. м. Тот, кто провел жизнь в служении Богу и после смерти признан христианской церковью покровителем верующих. 2. прил. 1) Преисполненный святости; божественный. 4) Праведный, угодный Богу. 5) а) перен. Высоконравственный, безупречный в жизни, поведении (о человеке). б) Благородный, возвышенный» [СТСРЯ3, 2006].

Погребение блаженного Иоанна Христа ради юродивого Московского, признанного святым еще при жизни, описывается так: *«Во утрие протопоп и вся братия, священницы и диаконы и весь причет церковный начата над блаженным панихиду пети; положену же бывшу ему во гроб, собрашася множество народа... и сей святой Иоанн простил у гроба сына боярского*

Елеазара Юрьева, иже болен бе очима 20 лет, мало виде, святой же подал совершенное ему исцеление» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 244].

Из приведенного примера мы видим, что народ воспринимал юродивого как святого еще до его официального причисления к лику святых, желал проститься с ним и при церковном обряде погребения (по его молитвам) произошло исцелении болящего.

Избранник – «м. 1) б) перен. Тот, кого предпочли всем остальным. 2) перен. Особо одаренный, выдающийся человек, способный к деятельности, недоступной другим» [СТСРЯ1, 2006].

«... мало понимали тогда Феофила окружающие его люди. Да и не мудрено: тот, кто не познал собственной души, едва ли может познать душу ближнего своего. Ибо когда мир своею мудростью не познал и Бога в премудрости Его (1 Кор. 1:21), то едва ли возможно людям этого мира познать и верного слугу Господня. Да еще такого великого избранника и слугу, как блаженный старец Феофил, которому еще от чрева матери своей суждено было стать светильником веры Христовой, и вся жизнь которого, начиная с раннего детства, была сплетена из разных чудес и необычайностей и своим течением напоминает нам детство одного из величайших угодников, святителя и чудотворца Николая» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 136–137].

Приведенный пример иллюстрирует избранность и предназначение юродивого с раннего детства к служению Богу и Церкви.

Безумец – «м. разг. 1) Человек, лишившийся рассудка; сумасшедший. 2) перен. Крайне безрассудный человек» [СТСРЯ1, 2006].

«В это время блаженный Прокопий встал и сошел с церковной паперти. По обыкновению, святой являлся людям как безумный и юродствующий, а в этот раз, вопреки обычаю, блаженный Прокопий отдал той девочке земной поклон и сказал во всеуслышание людям, что это идет девица Мария, будущая мать Великого отца святого Стефана, архиепископа и учителя Пермского» [«Житие Прокопия Устюжского,

Христа ради юродивого», www].

Данный контекст показывает обычное восприятие юродивого как безумного, однако в этом случае он открыл свой дар предвидения через указание будущего девочки.

Станный – «1. прил. Необычный, вызывающий недоумение. 2. прил. устар. Находящийся в пути; странствующий, странный» [СТСРЯ3, 2006].

«Мельский также пошел в свою спальню и лег в постель. Он думал, что утомление от загородных его резвостей и танцев и от невольного пешеходства даст ему крепкий и спокойный сон, но обманулся. Станный вид странного его гостя, его слова, в которых он отчасти открывал, что случилось и что случится вперед, не выходили из головы молодого офицера. Он всячески старался уверить себя, что слова полоумного были обыкновенным последствием расстроенной головы, что там, где он как будто бы намекал на дела, которые ему не могли быть известны, говорил он наудачу, зная общие повадки слуг, и что сказанное им солдату мог он как-нибудь услышать от его сослуживцев; со всем тем юродивый беспрестанно представлялся его воображению» [Сомов, «Юродивый», с. 92].

Мы видим, что странность юродивого проявляется через его внешность и коммуникативное поведение и объясняется рассказчиком недостатком ума у юродивого.

Грязный – «прил. 1) Покрытый грязью. 2) а) Нечистый. б) Испачканный, измазанный (о человеке). 3) а) перен. Основанный на использовании предосудительных приемов, средств и т.п., вызывающий моральное отвращение. б) Имеющий неблагоприятные цели, использующий предосудительные приемы, средства» [СТСРЯ1, 2006].

«Однако Академическое начальство сильно недолюбливало грязного, оборванного монаха Феофила» и ежедневно жаловалось на него Владыке, указывая на то, что толпа любопытных людей, разыскивая Феофила по монастырю, целыми массами запружает академический двор и по неведению своему заходит даже в академические помещения, нарушая

тишину и ход ученических занятий. После таких жалоб блаженному делалось строгое "внушение," и чтобы не вызывать нового негодования, блаженный вынужден был прятаться от своих почитателей в лес, возвращаясь домой только после захода солнца» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 31].

Приведена иллюстрация типичного вида юродивого, который негативно оценивается окружающими в связи с нарушением санитарных норм.

Результаты анкетирования показали, что отношение к типу «юродивый» носителей русской лингвокультуры является неоднозначным и противоречивым.

Позитивная оценка ЛКТ «юродивый» выражена следующими языковыми единицами (перечислим по частотности употребления): *блаженный (54), прозорливый (48), Божий/Христов человек (42), святой (41), духовный (34), молитвенник (28), утешитель (24), светлый (19), смелый (17), справедливый (15), человеколюбивый (13), неагрессивный (11), прощающий (9), лучезарный (7), неземной (6), приветливый (5).*

Негативная оценка ЛКТ «юродивый» на языковом уровне выражена следующими единицами: *сумасшедший (27), безумный (24), дурачок (23), малоумный (19), помешанный (15), уродливый (14), дурак (10), безрассудный (8), сумасбродный (7), шальной (7), безбашенный (6), взбалмошный (5), попрошайка (5), обманщик (4), лицемер (3), святоша (3), оглашенный (2), ханжа (2).*

Приведенные примеры свидетельствуют об аксиологической амбивалентности исследуемого типажа. Негативное отношение к юродивым можно объяснить рядом экстралингвистических причин:

во-первых, формальным отношением к юродивому, при котором не принимаются или не понимаются его ценностные жизненные приоритеты. Так, намеренное стремление к укрощению плоти, приведшее к внешнему неблагообразному виду, оценивается негативно и выражается в следующих

высказываниях: *«Неряшливый, небрежно выглядящий, не следящий за своим внешним видом, неухоженный, неопрятный, непричесанный; с длинной грязной бородой; полностью отказавшийся от ухода за плотью; не обращает внимание на свой внешний вид, несуразно одетый»;*

во-вторых, неприятие христианства в целом, при котором носитель русской лингвокультуры проецирует ее и на юродивого; это зафиксировано в таких выражениях как: *«Похож на того, у которого “не все дома”», «Выделяется на фоне остальных своим девиантным поведением. Отрешенный от традиционной системы ценностей. Не вполне/совершенно не принимающий нормы социального поведения. Поступает “не выгодно” для себя. Неординарное, непредсказуемое, загадочное поведение. Не понимающий приказов»;*

в-третьих, подозрительность к людям, чье поведение схоже с образом жизни юродивого, но направлено на приобретение собственной славы и щедрого подаяния. Уточним, что и церковные власти Византии обратили на это особое внимание и утвердили в 692 г. на Трульском Соборе Правило 60, которое гласит: *«Всячески (следует) наказывать тех, кто притворяется бесноватым и нарочно подражает ему в испорченности нравов. Пусть они будут подвергнуты тем же строгостям и тяготам, как если бы бесновались по-настоящему».*

Поскольку внешность, поведение и речь ЛКТ «юродивый» не соответствуют принятым в данном социуме нормам, то они вызывают ярко выраженную реакцию. Образ юродивого запоминается сразу и надолго. В качестве признаков фасцинативного воздействия на реципиентов мы выделяем следующие реакции, демонстрирующие отношение к юродивому (и его оценку) в социуме.

1. Волнение (может быть позитивным и негативным), испытываемое коммуникантами при встрече с юродивым:

а) позитивное: *«В то время в Царской Семье было уже четыре дочери, но мальчика-наследника не было. Ехали к преподобному молиться о*

даровании наследника. Прасковья Ивановна имела обычай все показывать на куклах, и тут она заранее приготовила куклу-мальчика, настелила ему мягко и высоко платками и уложила: “Тише, тише, он спит...”. Повела им показывать: “Это ваш”. Великие князья в восторге подняли блаженную на руки и начали качать, а она только смеялась» [«Безумием мнимым ... », с. 160];

б) негативное: «Любушка, бывало, заходила в знакомые дома. Зная, где у какой хозяйки какие вещи лежат, доставала ножницы, бумагу и начинала вырезать какую-нибудь фигурку, а потом вырезанное давала тому, кому предназначено было. Кое-кто опасался таких предположений, заранее прятал ножницы, но избежать предсказания им не удавалось. В таких случаях она выщипывала фигурки из бумаги руками и все равно подавала предназначенное: кому дорога – лошадку или паровозик, кому замуж – веночек, кому смерть – гроб. И делала она такие фигурки очень искусно. Подаст молча и уйдет. И сбывалось» [Там же, с. 244].

2. Шок, который представляет собой максимально выраженное оцепенение. «Сказав это, она (Прасковья Ивановна), проходя к окну, перед которым стояла группа богомольцев, пожала мне руку, молча. Бросив взоры на стоявших на дворе богомольцев, она вновь устремила свои очи на нас и довольно долго вглядывалась в нас, как бы читая наши мысли. Становилось жутко. Но вот она по своей прозорливости прочла наши мысли: мы искренно жалели ее» [Там же, с. 157].

3. Любопытство: «Один владыка решил зайти к блаженной из любопытства, не веря в ее прозорливость. Только он собрался войти, как Мария Ивановна закричала: “Ой, Дорофея, сади, сади меня скорее на судно”. Села, стала браниться, ворчать, жаловаться на болезнь. Владыка пришел в ужас от такого приема и молча ушел. В пути с ним сделалось расстройство желудка, он болел всю дорогу, стонал и жаловался» [Там же, с. 171].

4. Радость: «Любила она (Домна Карповна) также, ходя по улицам, распевать духовные песни, за что часто и попадала в полицейские участки.

Последнее обстоятельство было желанным, радостным событием для заключенных. Томские купцы и купчихи, узнав о том, посылали ей грудами пироги, булки, блины, чай и сахар. Все это она раздавала арестантам и, когда она выходила из тюрьмы, ее товарищи по заключению, в простоте душевной, желали ей поскорей попасть в тюрьму обратно» [Там же, с. 203].

5. Потрясение: «Один молодой человек сомневался в прозорливости Матренушки, и захотел проверить, действительно ли она прозорливая. Когда он с этой целью пришел к Матренушке, она его спросила: “Зачем ты пришел ко мне? Ведь я не ворожеея и не колдунья?” Это поразило молодого человека, и он покался Матренушке в своем неверии» [Там же, с. 82].

6. Отвращение: «Свою убогую келлию юродивая (Евфросиния) никогда не чистила. Пол был завален остатками пищи животных, которые здесь же, в келлии, и кормились в особом, стоявшем на полу, корытце. Когда наступало время кормить животных, блаженная подходила к корытцу и стучала по нему палкой. Тогда ее любимые кошечки и собачки, слыша знакомый звук и отлично его понимая, в одну минуту собирались около корытца, и старица кормила их, ласково приговаривая: “Кушайте, кушайте, дорогие мои!” Воздух в келлии был страшно тяжелый. Обыкновенному человеку было трудно дышать в этом помещении, которое, кстати сказать, в жару топилося, а зимой почти нет» [Там же, с. 215].

Следует отметить, что право, мораль, этикет расценивают «юрродство» как нарушение нормы. Так, с точки зрения права, юродивый является БОМЖом (человеком без определенного места жительства), тунеядцем, нарушителем общественного порядка и т.д. В качестве примера приведем некоторые выдержки из «Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (КоАП РФ), которые возможно использовать для оценки коммуникативного поведения юродивый. Итак, поведение юродивого можно оценить как мелкое хулиганство, влекущее за собой санкции. Статья 20.1. гласит: «Ч.1. Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к

обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, - влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток» [Кодекс РФ, www]. Под действие этой статьи попадают поступки святого Симеона Юродивого: *«Святой совершает все время предосудительные поступки: производит бесчиние в храме, ..., танцует с публичными женщинами, уничтожает товар на рынке и т. п.»* [Федотов, 2000, с. 163].

Под статью 5.61. «Оскорбление»: «Ч.1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей. Ч.2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, -влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от ста тысяч до пятисот тысяч рублей» [Кодекс РФ, www] попадают действия святой блаж. Марии Дивеевской: *«Всю ночь с 17 на 18 июля 1918 года Мария Ивановна страшно ругалась и бушевала. Келейницу поразили слова: «Царевен – штыками, жида проклятые!»* Только спустя какое-то время в монастыре стало известно, что в эту ночь была убита царская семья» [*«Блаженная Мария Дивеевская»*, www]. Мы видим, что в приведенном отрывке юродивая использует в речи пейоративы.

Учитывая тот факт, что отношения между членами социума определяются нормами, нарушение правил поведения сопровождается отрицательной оценкой и вербализуется, в ряде случаев, инвективами: *вор, мошенник, мот, скряга, юродивый*. Кроме того, выделяются различные виды

фиксации систем нормативной регуляции, такие как, право, мораль, религия, обычаи, ритуалы, этикет, соответственно, нарушение нормы может по-разному расцениваться в приведенном списке [Бабаева, 2003, с. 15]. Что касается юродства, то мы полагаем, что с позиции религии, обычаев, ритуалов данный тип коммуникативного поведения не представляет собой нарушение. Проиллюстрируем это примером: *«Проживал в Киеве маклер Иван N. Во времена молодости своей, когда он служил приказчиком в каком-то магазине, задумал маклер жениться. Долго избирал он себе девушку по сердцу, и вот случайно повстречавшись в купеческом собрании с Любочкой, остановил свой выбор на ней. Участь маклера была решена, и он надумал сделать Любочке предложение. Нарядился, приехал к ее родителям в дом и высказался о своем намерении, но получил от матери ответ: – Любочка наша уже сосватана. Жених ее молодой человек Генрих M. Он, хотя и лютеранского вероисповедения, но мы не можем взять обратно данное ему слово. – Ах, Боже мой! Но я без ума люблю вашу дочь! – Что делать! Жаль, что вы не сказали об этом раньше. Правда, маклер был человек деловитый и умный, а немчик хотя и ветреный, зато богатый. Родители Любочки, услышав предложение маклера, собрали дом родственников и стали совещаться, но большинством голосов решили отдать свою дочь все-таки за немца. Но прежде чем устроить свадьбу, надумали посетить старца Феофила. Накупили булок, хлеба, ладану, свечей и приехали. Старец отворяет им дверь, приветствует всех, но, не давая посетителям вымолвить ни единого слова, говорит: – За Ивана, за Ивана ... Не смейте отдавать – за Генриха болвана!.. Родители послушались, Любочка обвенчалась с маклером и целый век была счастлива» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 174–175]. Приведенный отрывок наглядно демонстрирует отношение к юродивым. Так, перед определяющим событием в жизни было решено посетить юродивого с целью получить подтверждение правильного выбора, в данном случае – выбора жениха дочери.*

Подведем итог. ЛКТ «юродивый» в русской лингвокультуре

характеризуется амбивалентной оценкой, с преобладанием положительной. В коммуникативно-массовом сознании юродивый ассоциируется с богоизбранностью, суперморальными ценностями. В текстах, относящихся к различным типам дискурса типаж «юродивый» оценивается следующими лексемами: аскет, подвижник, провидец, святой, избранник, безумец, странный, грязный). Негативная оценка типажа объясняется внешней неэстетичностью, недостатком ума, эпатажным поведением и рядом экстралингвистических причин: формальным отношением к юродивому, неприятием христианства в целом, подозрительностью к тем, чье поведение схоже с образом жизни юродивого. Среди реакций реципиентов на фасцинативное воздействие, оказываемое юродивым, выделяются следующие реакции: волнение (позитивное, негативное), шок, любопытство, радость, потрясение, отвращение.

Выводы по главе 3

В рамках третьей главы рассмотрены образно-перцептивные характеристики (паспорт), ценностные доминанты и оценочные характеристики ЛКТ «юродивый», проанализированы случаи фасцинативного воздействия.

Анализ образно-перцептивной составляющей ЛКТ «юродивый» позволил выявить следующую закономерность: нестандартная, неэстетичная внешность юродивого оценивается негативно в современном массовом коммуникативном сознании. В качестве социальных символов выступают вериги и лохмотья.

Относительно возраста, респонденты указывали на «пожилой», гендер типажа указывается как маскулинный. Нищенский внешний вид юродивого ассоциировался у респондентов с неблагородным происхождением, что не соответствует действительности, т.к. среди юродивых встречались и выходцы из дворянского и купеческого сословия.

Однозначное понимание встречается в определении места жительства юродивого. Указываются паперть, улица, болота, монастырь, т.е. отказ от комфорта.

Сфера деятельности юродивого ограничивается духовной жизнью: молитвой, служением, оказанием помощи, обличением, предсказанием.

Досуг юродивого не представляется релевантным признаком, т.к. внешнее безделье воспринимаемое окружающими, является маской, под которой прячется духовный подвиг юродивого.

Семейное положение является конститутивным признаком юродивого. Юродивый должен был не состоять в браке, не иметь семьи и проводить жизнь целомудренную. Почти все юродивые Востока и некоторые на Руси были иноками (монахами). Со стороны юродство противоречит идее монашества, т.к. инок должен постоянно пребывать в монастыре, а не жить по собственной воле, однако их объединяет добровольно предпринятый

«ради Христа» духовный подвиг.

Юродивый по определению одиночка, соответственно, лексемы, описывающие данные пункт паспорта ЛКТ, малочисленны и не специфичны, т.к. номинируют жителей (статус, гендер) того или иного населенного пункта, в котором проживал юродивый.

Фасцинативность перцептивно-образной составляющей «юродивого» связана с отталкивающей внешностью, местом жительства, семейным положением.

Ценностные приоритеты юродивого также поддерживают фасцинативность данного типажа: витальные и утилитарные ценности, традиционно занимающие ведущее место в шкале приоритетов современного общества, не имеют для него значимости. Среди жизненных доминант выделяются: служение, смирение, терпение, самоотвержение, послушание, жертвенность, спасение, любовь, благочестие, сострадание и нестяжание. Строгие прескриптивы, зафиксированные в христианских заповедях, определяют образ жизни юродивого.

Позитивная оценка юродивого связана с восприятием сакральности и помощи, исходящей от него, тогда как негативная оценка – с неприятием внешнего вида, низких умственных способностей, с нарушением норм общежития (в плане гигиенических требований и норм коммуникативного поведения).

Восприятие фасцинативного ЛКТ «юродивый» в современном массовом сознании носителей русской лингвокультуры амбивалентно и находится в диапазоне от «того, у которого “не все дома”» до человека, который «общается с Ангелами, несет Божье благословение, денно и нощно плачет и молится за весь мир и отдельных людей». Фоновые знания респондентов соотносят образ жизни и поведение юродивого с духовным служением, несмотря на отсутствие уточнение «Христа ради» в имени типажа. В религиозной картине мира свидетельством о положительной оценке ЛКТ «юродивый» является причисление к лику святых.

Оценочная составляющая ЛКТ «юродивый» в произведениях русской художественной, публицистической, агиографической литературы и в Интернет-обсуждениях отличается полярностью с перевесом в сторону положительно маркированных характеристик. При анализе фрагментов, относящихся к различным типам дискурса, в которых был актуализирован типаж «юродивый», были установлены следующие оценки: аскет, подвижник, провидец, святой, избранник, безумец, странный, грязный.

Фасцинативность ЛКТ «юродивый» связана с отклонением от нормы социального взаимодействия и сакральностью, что способствует быстрой и долговременной фиксации в памяти образа юродивого. В качестве признаков фасцинативного воздействия ЛКТ «юродивый» на реципиентов выделяются такие реакции как: волнение (позитивное и негативное), шок (оцепенение), любопытство, радость, потрясение, отвращение и др.

Глава 4. Коммуникативные характеристики лингвокультурного типажа «юродивый»

4.1. Концепт «юродство» как модель коммуникативного поведения типажа «юродивый»

Когнитивная лингвистика фокусирует свое внимание на такие области, как природа и сущность знания и познания, осмысление действительности, передача и хранение накопленной информации. В языке находят свое воплощение когнитивные модели, опираясь на которые человеческий разум организует и структурирует информацию [Ревзина, 2006]. Человеческий разум избирает некую актуальную область или сферу, осмысляет ее, выделяя при этом отличительные признаки, и подводит ее под определенный класс явлений, иными словами, концептуализирует действительность [Попова, Стернин, 2007, с. 10]. Концепты, многомерные ментальные образования,

активно изучаются лингвистами последние два десятилетия. С исследованием концептов связаны такие имена, как А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин и др. Мы не ставим задачей подробное изложение основных подходов к изучению концептов, приведем то понимание концепта, которое легло в основу нашей работы. Итак, разделяя точку зрения В. И. Карасика, мы понимаем под концептом квант переживаемого знания, фиксируемого в языке. В составе концепта выделяются понятийное, образное и ценностное измерения [Карасик, 2012 б, с. 133–134]. Ученый отметил определенный кризис, сложившийся в лингвоконцептологии, перечислив ряд уязвимых мест этой теории: субъективизм, трафаретность, отсутствие новых направлений в рамках данной области знания. Осознание кризиса позволило пересмотреть исследователям возможность определения перспективы развития лингвоконцептологии.

Одной из важнейшей характеристик лингвокультурного типажа является коммуникативное поведение. Собственно говоря, именно типичность коммуникативного поведения, определяемого ценностными приоритетами, лежит в основе выделения ЛКТ. Коммуникативное поведение языковой личности определяется ее коммуникативным сознанием и представляет собой «способ овнешнения коммуникативного сознания – подобно тому, как язык представляет собой способ овнешнения когнитивного сознания» [Стернин, 2002, с. 51].

Юродство представляется концептом и реализуется как тип коммуникативного поведения личности, соответственно, представляет собой актуализацию коммуникативного сознания языковой личности «юродивый».

В русском языке концепт *юродство* толкуется следующим образом:

«1). только ед. Намеренное старание казаться юродивым, глупым, безумным; 2). Бессмысленный, безумный, глупый поступок, какой мог бы совершить только юродивый человек. «Бросьте ваши юродства! Говорите без

юродства и не начинайте оскорблением домашних ваших» (Достоевский)» [ТСРЯ, 2013]. «1. Поведение, поступки, образ жизни юродивого; юродствование. II. *ср.* 1. Намеренное старание казаться юродивым. 2. *разг.* Бессмысленный, безумный, нелепый поступок, который мог бы совершить только юродивый» [СТСРЯЗ, 2006].

Мы видим, что ядром концепта юродство представляется глупость, граничащая с безумством. Коммуникативное поведение, оцениваемое как юродство, отрефлексировано в русском языке глаголом юродствовать. Глагол «юродствовать» толкуется как: «1. Быть юродивым (во 2 знач.). [Дворовых] у Волкова было всего пятнадцать душ ... Говорили, будто Василий посылает одного в Москву юродствовать на паперти, — тот денег приносит (А. Н. Толстой, Петр Первый). 2. Совершать юродства (во 2 знач.). Воззрения на публику как на дойную корову надо предоставить в нераздельную собственность юродствующему лагерю обскурантов (Писарев, Цветы невинного юмора)» [МАС, 1988]. «1. Быть юродивым; вести себя подобно юродивому (1 зн.). 2. Вести себя ненормально, придурковато; совершать бессмысленные, нелепые поступки. Всю жизнь юродствовал. Он болен или юродствует?» [БТСРЯ, 2000].

«... Юродство – состоянье юродивого; безумие. Принимать на себя юродство, юродиться, юродствовать, напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты; || шалить, дурить. Юродить кого, делать юродивым; юродеть, становиться таким, тупеть, глупеть, лишаться рассудка. Юродствованье, действие или состоянье по глаг. Юродственное житие. Юрод и юрод [муж. род] юродка [жен. род] дурак, дура отроду, малоумный; || напустивший на себя дурь» [ТСЖВРЯ, 1909].

Понятийное содержание рассматриваемого концепта в русском языке можно свести на основании приведенных дефиниций к следующему признаку – намеренное безумное поведение.

Синонимический ряд с доминантой «юродство» представлен следующими языковыми единицами: «юродствовать, сходить с ума,

сумасшедствовать, чудить, причудничать, беситься, безумствовать, вести себя безрассудно, поступать безрассудно, шизовать» [СС, www].

Словарь ассоциаций детализирует данный концепт следующими сведениями. Во-первых, способ выражения юродства представлен следующими признаками: *откровенно, немедленно, довольно, напрасно, просто, нарочно, особенно, легко, благодушно, постоянно, явно, шибко, открыто* [СА, www]. Как мы видим, отмечен ряд специфических признаков юродства, а именно, эксплицитность, своевременность, умышленность, интенсивность, эмотивность. Во-вторых, среди ассоциаций к стимулу «юродствовать» получены следующие реакции: *женщина, прах, паперть, тема, потеха, православие, тело, трибуна, повод, Иисус* [Там же]. Полученный ряд реакций так или иначе апеллирует к Православию, указывает на образно-перцептивную характеристику, в частности, на гендерную принадлежность юродивого и, подчеркивает публичность данного типа коммуникативного поведения. Интересен, на наш взгляд, тот факт, что сфера употребления лексемы юродствовать представлена в одинаковой степени (50% на 50%) двумя полями: обыденная лексика и христианство.

Следует понимать, что феномен «юродство» не ограничивается персоналиями святых и житийными источниками. Юродство представляется особым типом поведения, следовательно, тот, кто придерживается данной модели поведения, в массовом коммуникативном сознании, соотносится с категорией «юродивый». Правомерно ли говорить, что данный типаж актуален и сегодня? Для ответа на этот вопрос был проведен опрос, который показал, что респонденты однозначно считают возможным проявление юродства в наше время. Интернет-источники также подтверждают нашу мысль о типичном поведенческом проявлении юродства. Проиллюстрируем примером (взято из интернет-ресурса): *«А вот Тверь в прошлом году лишилась своего самого любимого юродивого — Степаныча, которого многие называли символом этого города. Ночами блаженный ютился в сторожке храма Покрова Богородицы, а днем мелом рисовал на асфальте,*

на набережной реки Тьмаки. Рисовал разноцветные храмы и лики святых. Знавшие его люди отзывались о нем как о трогательном и беззащитном человеке, считали, что дедушка этот не простой нищий, а святой. В то же время на Степаныча не раз нападали агрессивные подростки, которые избивали старика, отнимали у него поданные людьми деньги и мелки. Когда к Степанычу подходили и восхищались его рисунками, он расцветал. Говорил: «Вишь, как церкви горят, людям нравится! Я ко всем хорошо отношусь, я не делю по вере, для меня нет ни мусульман, ни иудеев, ведь Бог един...» Побеседовать с блаженным приезжали священнослужители и городские чиновники. Прошлым летом художника забили и закололи ножами бродяги. Так Тверь лишилась своего блаженного. Хоронили беднягу на деньги, собранные прихожанами Покровского храма» [«Современные юродивые живут почти во всех городах России», [www](#)]. Как мы видим, в приведенной цитате представлено подробное описание юродивого: образ жизни, занятие, место проживания, элементы речевого портретирования, амбивалентное отношение к юродивому в обществе. Итак, юродство как культурный феномен имеет давние корни, типичен для Православной Церкви и актуален сегодня. В других христианских Церквях католической и протестантской, юродство — не как отдельные случаи, а как явление не существовало. «Причина этого в том, что аскетика в православной традиции отличается от католической и протестантской и может принимать более радикальные формы» [Ларше, 2012, с. 24].

Перейдем к выделению конститутивных признаков лингвокультурного концепта «юродство». Как стиль общения и образ жизни, базирующийся на аскезе и самоотречении, юродство характеризуется осознанным выбором, о чем свидетельствуют следующие примеры: «После смерти матери, бывшей игуменьей Орловского женского монастыря, стал юродствовать в городе Устюге» [«Иоанн Устюжский», [www](#)]. «Затем (Иоанн Большой Колпак. — И. Ч.) пришёл в Ростов где начал юродствовать» [«Иоанн Московский», [www](#)]. «Он юродствовал, одевался в необычную одежду, так что его

зачастую невозможно было узнать» [*«Кевролетин Иван Афанасьевич», www*]. Как мы видим, помимо осознанности юродство характеризуется темпоральностью, содержащей начальную точку отсчета, протекание и момент окончания (финал). Как показывают многочисленные источники, концепт «юродство» не имеет строгой схемы, скорее можно назвать ее вариативной: юродство могло проявляться на протяжении всей жизни, или иметь ограниченный период. Иными словами, одним из диагностирующих признаков является осознанность выбранного типа коммуникативного поведения и временные рамки.

Стоит упомянуть еще об одном диагностически важном признаке «юродивого» – прозорливости. Интересно, что признак «прозорливость» присутствует в смысловом поле «юродство» и получен нами во время опроса респондентов, тогда как смысловое поле «прозорливость» не содержит признак «юродство».

Языковое выражение феномена «прозорливость» как характеристика юродивого представлена лексемами: *«провидец, прорицатель, предсказатель»*. Данные лексемы, полученные посредством сплошной выборки, являются усеченным синонимическим рядом, с доминантой «прозорливец», сравним: *«предсказатель, предвещатель, прорицатель, пророк, предвестник, провозвестник, вещий, вещун, провидец, прозорливец, ясновидящий; ворожея, гадатель, гадальщик, гадалка, кудесник, авгур. Пифия, оракул; угадчик...»* [СРС, 1911]. По всей очевидности, ассоциативный потенциал ряда лексем намного шире и позволяет встраиваться данным языковым единицам в различные концептосферы, так, лексемы *вещун, вещий, ясновидящий, ворожея* и т.д. соотносимы с концептосферой «язычество», «экстрасенсорика» и не соотносимы с концептосферой «православие». Что касается лексем *пророк, предвестник, провозвестник*, то отметим их ассоциативную связь либо с иным чином святых, либо с понятием «горнего мира».

«Прорицать», синоним «предсказывать» – заранее сказать, что

произойдет в будущем. Данная сторона общения представляется двоякой. Психология человека устроена так, что желание знать будущее естественно и объясняется не только любопытством, но и стремлением обезопасить себя от возможной грядущей неприятности. Пословица «Знал бы, где упадешь, соломку бы подстелил» является рефлексией человека, заглядывающего в будущее. Не каждое прорицание несет в себе позитивную информацию, оно может содержать угрозу благополучию, что оценивается адресатом негативно. Лингвоэкологичным будет только то общение, при котором будущее адресата представится позитивным и стабильным. Рассмотрим на примерах:

«В большом городе, у базарной площади, сидел старик-монах. Каждый день он приходил сюда, но не добрая цель влекла его. «Народ собирается каждое утро на базар, – говорил инок, – полезно людям иметь рядом духовного наставника». Но это была неправда. Старец был очень сребролюбив, много денег доставалось ему от прохожих.

Однажды мимо инока проходил Христа ради юродивый Андрей, одаренный даром прозорливости. Поравнявшись со старцем, блаженный остановился и стал пристально смотреть на него. «Бог подаст!» – поспешил сказать инок, думая, что Андрей остановился просить милостыню. Но блаженный стоял неподвижно, с ужасом смотря на инока. «Сжался над ним, Спаситель!» – вдруг воскликнул Андрей, падая на колени, и начал молиться. Старец с недоумением смотрел на него. Окончив молитву, Андрей подошел к иноку и сказал: «Безумец! Опомнись! Подумай о своей душе! Зачем ты губишь себя? Ты был чист и имел образ ангельский, зачем допустил врага покорить свою душу? Зачем собираешь сокровища на земле, где все скоротечно? Если умрешь сегодня ночью, зачем тебе богатства? Смотри!». И блаженный указал вдаль. Тогда разверзлись небеса, и старец увидел двух мужей. Один был в светлой одежде с белоснежными крыльями, лицо его было печально, он поник головой. Другой был в черной одежде, его глаза горели огнем, он с дикой радостью смотрел на старца.

Черный хотел приблизиться к старцу, но присутствие блаженного Андрея удерживало его. «Это Ангел-Хранитель и диавол борются из-за твоей души, – сказал блаженный, – враг готов кинуться на твою душу и растерзать ее. Покайся – и Ангел-Хранитель подойдет к тебе». Старец в ужасе упал на землю и громко произнес обет быть бессребреником. Едва он закончил, блеснула молния, страшный удар грома потряс небеса – и черный муж исчез, а белоснежный ангел приблизился к старцу. «Не говори никому о случившемся, – сказал блаженный Андрей, – не забудь своего обета, а я буду каждый день поминать тебя в своих молитвах, чтобы Господь направил путь твой на доброе». Старец тотчас роздал все свое добро нищим и с этого дня стал бессребреником» [«Не от мира сего», с. 141–143].

Не только вербализированное пророчество притягивает представителей социума к юродивому, но также и явные позитивные изменения в жизни, которые сопутствуют общению с юродивым. Рассмотрим на примере: *«Молва о строгой подвижнической жизни блаженной Ксении, об ее доброте, кротости, чудном даре прозорливости – широко разнеслась по Петербургу. И купцы, и мещане, и чиновники, все рады были принять у себя в доме блаженную. И стали замечать, что в каком бы доме она ни побывала, там всегда водворялся благодатный мир, особенное счастье. Купцы заметили, если блаженная заходила в лавку, где не шла торговля, и брала какой-нибудь пустяк – орешек, пряник, то лавка начинала отлично торговать. Народ спешил купить что-нибудь именно в той лавке, куда заглянула блаженная. Извозчики заметили, что если кому-либо из них удавалось хоть несколько шагов провезти блаженную, у того целый день прекрасно шли дела и была хорошая выручка. Издалека увидев блаженную, они наперегонки мчались к ней и умоляли присесть в их коляску. Матери замечали, если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Вот почему они спешили к ней со своими детьми и просили ее благословить их, в уверенности, что тот ребенок, который удостоится ласки или благословения блаженной,*

непрерывно будет и здоров, и счастлив» [Там же, с. 237-238].

Действия юродивой приводят к реализации жизненных устремлений людей, так если для купца и извозчика прибыль является доминантой в шкале ценностных приоритетов, соответственно общение с юродивой сопутствовало успеху в торговле. Совершенно очевидно, что для матери здоровье и счастье ребенка представляется доминантой в шкале приоритетов, следовательно, общение с юродивой расценивается позитивно, поскольку оно сопутствует достижению данной цели.

В ряде случаев интенция высказываний юродивого становится очевидной после реализации предсказания: *«Накануне праздника Рождества Христова, 24 декабря 1761 года блаженная Ксения целый день бегала по улицам Петербургской стороны и громко кричала: – Пеките блины, пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины! Все недоумевали, что означают ее слова? На другой день, 25 декабря 1761 года, по Петербургу разнеслась страшная весть: Императрица Елизавета Петровна неожиданно скончалась. Тут только всем стало понятно, что словами «пеките блины, пеките блины, скоро вся Россия будет печь блины» – блаженная предсказывала смерть Императрицы» [Там же, с. 236–237].*

Как мы видим, в приведенном отрывке жизнеописания блаженной Ксении представлено предсказание смерти императрицы, однако блаженная говорила о нем посредством аллегии. В целом, именно иносказательный дискурс типичен для речи юродивых, когда предсказание дается в завуалированной форме. Как отмечает Л. И. Кушнарёва, иносказание представляется уникальным типом дискурса, т.к. «оно направлено, прежде всего, на импликацию “циркулирующих” смыслов. Эксплицируются лишь указания на пути понимания того, что скрыто. Уникальность подобного дискурса состоит в нетривиальности подхода к способу передачи информации. Иносказание, выражая духовные, психологические, или абстрактные интеллектуальные концепты посредством материальных и конкретных объектов, с одной стороны, скрывает нечто, а с другой, наоборот,

раскрывает. Многовековой опыт показывает, что создаваемый иносказанием канал передачи информации работает весьма успешно [Кушнарера, www]».

Итак, в качестве конститутивных признаков лингвокультурного концепта «юрродство» мы можем назвать следующие критерии: осознанность, темпоральность, духовное зрение (прозорливость), анти-поведение, обличение.

В отрыве от религиозного дискурса концепт «юрродство» подвергается редукции, под которой В. И. Карасик предлагает понимать процесс деформации концепта, в котором триединство понятийного, образного и ценностного компонента претерпевает значимые изменения: резко сокращается доля понятийного содержания и разрастается доля оценочного содержания концепта, при этом образный компонент становится размытым» [Карасик, 2012 б, с. 95]. В случае с концептом «юрродство» в коммуникативно-массовом сознании понятийное ядро минимизировалось, в связи с чем на первый план представляется формальное понимание нестандартного коммуникативного поведения. Данная редукция типажа «юрродивый» привела к тому, что в русском языке существует лексема «юрродствующий». В русской лингвокультуре «юрродствующими» принято называть людей, которые иногда юрродствовали, но юрродивыми в строгом смысле слова не были. Эта формализация поведения была отмечена и Русской Православной Церковью, которая начинает осторожно относиться к этому подвигу. «После XVI века юрродство уходит на периферию церковной жизни. При сходстве внешних проявлений юрродство могло иметь разные причины. Во-первых, это юрродство в строгом смысле слова, то есть подвиг на почве борьбы с собственной гордыней ради преодоления соблазнов мира сего и ради спасения. Во-вторых, это поведение людей, не совсем здоровых психически (таких в народе называли «блаженненькими»). В-третьих, это лжеюрродство, когда люди действительно надевали на себя личину безумия, но не ради высоких христианских целей, не ради подражания Спасителю, а ради удовлетворения собственной гордыни, ради обретения каких-то благ –

то есть здесь речь уже идет о духовном недуге, о состоянии прелести. И далеко не всегда легко было понять со стороны, какой же здесь случай» [Кириллин, www]. Концепт «лжеюродство» будет рассмотрен в нашей работе в параграфе 4.3.

4.2. Основные особенности коммуникации фасцинативного типажа «юродивый»

Коммуникация уже давно стала понятием интердисциплинарным, присутствует во многих науках и каждая рассматривает ее в том виде, в каком оно наиболее пригодна для предмета этой науки. В рамках теории лингвокультурных типажей, активно развивающемся направлении лингвокультурологии, проводится анализ вербального и невербального аспектов коммуникативного поведения типизируемой языковой личности. Коммуникативные особенности ЛКТ (манера речи, языковая компетентность, выбор стиля и дистанция общения, речевые предпочтения и др.) помогают установить его релевантные признаки [Дмитриева, 2008, с. 70]. В данном параграфе мы рассматриваем вербальное и невербальное коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый» с точки зрения фасцинативного воздействия на окружающих.

В коммуникации юродивый эпатирует окружающих манерой общения, ругательством, непредсказуемостью, непонятностью высказываний, специфическим построением высказывания, неожиданностью цитирования Священного Писания, экспрессивностью, избыточной коммуникацией, нарушением постулатов общения. Перейдем к рассмотрению примеров, иллюстрирующих *вербальное* поведение юродивого:

В жизнеописании блаженной старицы Наталии приводится следующий факт: будучи юродивой, воспринимаемой окружающими недалеким человеком, она неожиданно для них цитировала Священное Писание, в чем и

заключался фасцинативный эффект, т.к. большинству юродивых не свойственно апелляция к богословским текстам: *«Свои беседы и наставления Наталия обосновывала главным образом на избранных текстах Св. Писания, изречениях св. отцов и примерах из житий святых. В беседах с блаженной сразу замечались ее разносторонняя духовная начитанность, острая память, хороший навык извлекал нужное из прочитанного и умение практически применять к делу приобретенные в разное время сведения и познания из Св. Писания и святоотеческой литературы»* [«Безумием мнимым ... », с. 134].

Цитирование Псалтири в бытовом дискурсе использовалось юродивым неоправданно, что вызывало недоумение у участника коммуникации, т.к. нарушало постулата отношения, согласно которому реакция на общение должна быть адекватной: *«...– Феофил! так говорил ему кроткий Архипастырь (митр. Филарет Киевский. – И. Ч.), – там на тебя опять пошли жалобы.*

– Сильнии возсташа на мя и крепцыи взыскаша душу мою, – тихо отвечал на это блаженный, потупив глаза.

– Однако что же мне прикажешь делать с тобой?

– Дивны дела Твоя, Господи! – снова отвечал Феофил.

– Пишут, что ты разводишь суеверие, соблазняешь братию.

– Избави мя от клеветы человеческия...

– Да ты не «избавляйся», а рассуди, брат... Начальство пристаает, требует наказать тебя...

– Господь прибежище мое и Спаситель мой, кого убоюсь?

– Ну, смотри у меня, – заключал митрополит Филарет. Я с тобой рассчитаюсь, проказник.

– В Господе мзда моя и утешение мое у Вышнего...

На этом разговор обрывался и, поклонившись митрополиту в ноги, блаженный поспешно выходил из покоев...» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 143–144].

Речи юродивых свойственна экспрессивность. Проиллюстрируем цитатой из художественного произведения: «... Ну, правосудный, покайся! чуть ли не вопил юродивый (Николка. – И. Ч.), когда Иоанн Васильевич встал теперь перед его логовищем ... На небе ведут книгу твоего жития, и уже там записано, что ты уничтожил данные псковскими князьями судные грамоты, а своей не дал, поэтому наместники твои творят худо!» [Череканский, Семёневский, «Жены русских царей», с. 47]. В приведенном отрывке юродивый обратился к «воплю» как безотказному способу воздействия на царя для обличения его грехов и пороков.

Избыточная коммуникация в виде нескончаемого речевого потока, сопровождаемого криком, пейоративами, подчеркивали определенные волнения и переживания одной из дивеевских юродивых: «В беспокойные для нее дни она (Прасковья Ивановна) без умолку говорила, но невозможно было ничего понять, ломала вещи била посуду, точно боролась с духами, волновалась, кричала, бранилась и бывала вся вне себя» [«Безумием мнимым ... », с. 154]. Данный пример иллюстрирует нарушение постулата количества, согласно которому общение должно содержать не больше и не меньше информации, чем нужно.

Апелляции к инвективам, когда помимо пейоратива «дурак», юродивая намеренно проводит сравнение государственной власти и уровня жизни при «дураке» и «новом режиме», нарушает принцип вежливости, что приводит к фасцинативному эффекту: «Вот раз приехал к блаженной военный чин, хочет войти. Время советское, голод. Мать Дорофея предупреждает Марию Ивановну: – Человек «строгий» приехал. Ты чего не скажи! Про Царя не скажи! – Не скажу. Как только «строгий» вошел, Марию Ивановну «прорвало»: – Когда правил Николашка, так была крупа и кашка. Николай хоть был дурак, а хлеб стоил-то пятак. А теперь «новый режим» – все голодные лежим. Келейница была в ужасе от испуга, но неприятностей не последовало» [«Блаженная Мария Дивеевская», www].

Внешнее проявление фасцинации у юродивых обычно происходит

через крик, иногда ругань. Некоторые юродивые кричали: *«По ночам она имела обыкновение ходить вокруг монастыря и петь, иногда забывалась и кричала»* [*«Безумием мнимым ...»*, с. 216]. Другие это делали с определенной интенцией, например, чтобы помянуть усопших: *«Иногда выбегала матушка (Ольга. – И. Ч.) на Садовое кольцо, вставала на дороге среди мчавшихся машин и кричала: “Караул, человека задавили, остановите, задавили человека, стойте!”*. При этом называла имена погибших под колесами» [Там же, с. 364]; или подвигнуть окружающих к большему труду: *«Паша требовала, особенно от молодых сестер, непрерывной работы. Горе тому, кого увидит она за праздной беседой. Не переносила Паша и нечистоплотности. “Это что такое, лентяйки, живо возьмите тряпку да сотрите пыль!”* – кричала она монахиням» [Там же, с. 152].

Ругань являлась традиционной формой воздействия на окружающих. Например: *«Урядник ее забирал, но сделать ничего не мог, потому как она представлялась совершенной дуручкой, и он отпускал ее. Мария (Ивановна) снова шла к людям и часто, как бы ругаясь, обличала их в тайных грехах, за что многие особенно ее не любили»* [Там же, с. 165]. В связи с прозорливостью юродивых и знанием внутреннего мира человека, видя нарушение христианских заповедей, юродивые прибегали к ругани: *«Поступки блаженной Елены трудно было понять, – рассказывает поступившая в монастырь перед войной монахиня Надежда ... Утром все сестры в храм на полунощницу чинно идут, а она вся взлохмаченная, мокрая бежит откуда-то со скотного и при этом приговаривает что-то, ругает кого-то»* [Там же, с. 285]. Интенция юродивой Елены заключалась в обличении и исправлении некоторых сестер в монашеской жизни.

В отличие от среднестатистического носителя лингвокультуры, для юродивых характерна непрямая коммуникация, требующая интерпретации: *«Сначала я не обращала внимания на ее (блаженной Екатерины) постоянно льющуюся речь как бы про себя, только всячески старалась спрятаться от нее, но не могла. Потом я невольно обратила внимание на то, что она*

говорила, ибо услышала в ее словах напоминание моей прошлой жизни» [Там же, с. 306]. Таким образом, приводится пример апелляции к прошлому послушницы, априори неизвестному никому, однако вербализуемому юродивой, что свидетельствует о ее необычных способностях. Юродивая, зная все происходящее и происходившее в жизни послушницы, сопереживала и сочувствовала ей.

Добавим к вышеописанному, что в редких случаях в коммуникативных действиях некоторых юродивых можно выделить плохую, трудно распознаваемую дикцию, сиплый шепот, нечленораздельное мычание и т.д. Эти «образы-сигналы» хотя и не оставляют окружающих равнодушными, но, как правило, вызывают отвращение, брезгливость или даже полностью разрушают фасцинацию [Соковнин, 2005, с. 93]: *«Голос его (юродивого Гриши) был груб и хрипл, движения торопливы и неровны, речь бессмысленна и несвязна (он никогда не употреблял местоимений), но ударения так трогательны и желтое уродливое лицо его принимало иногда такое откровенно печальное выражение, что, слушая его, нельзя было удержаться от какого-то смешанного чувства сожаления, страха и грусти» [Толстой, «Детство, Отрочество, Юность», с. 31].*

Коммуникативное поведение юродивого базируется на основополагающем принципе антиповедения. И в целом семиотическое пространство существования юродивого представляется как антимир, построенный на парадоксальности, мистичности, совмещении несовместимого, игры, разрушении нормы. В контексте юродства антимир не синонимичен миру смеховой культуры, антимир юродивого заключается в специфичности, порожденной не «анти», а сверхрелигиозностью, сверхнормативностью. С позиции семиотики, церковная паперть как наиболее типичное место пребывания юродивого представляется «нулевой» полосой, границей между мирским и церковным [Юрков, 2003 б, с. 54]. В литературе отмечается, что доминанта коммуникативного поведения юродивого заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи

сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неременного условия юродства, причем юродивый не считается с местом и временем, «ругаясь миру» даже в Божьем храме [Панченко, 1999, с. 393]. Юродство как тип коммуникативного поведения идет в разрез с основополагающим принципом общения – адекватностью. Как отметил Ю. М. Лотман, целью коммуникации, как показывает само слово (*communitas* – общность, общение), является адекватность общения. Именно неадекватность, понимаемая как «ненормальность поведения», является типичной чертой поведения юродивого [Лотман, 1992, с. 15–16].

По объему, высказывания юродивых либо ясны, либо невразумительны, но всегда кратки. По мнению А. М. Панченко, обыкновенно юродивые должны были иметь возможность общаться со зрителем для обличения, наставления, прорицания, поэтому к продолжительному молчанию они прибегали в исключительных случаях.

Представляется интересным рассмотреть юродство с позиции одного из новых лингвистических направлений – лингвоэкологии. По сути, лингвоэкология занимается проблемой воздействия языковых единиц на участников коммуникации. Коммуникативное поведение юродивого, несмотря на внешнюю неэкологичность, по сути является экологичным. По мнению лингвоэколога профессора В. И. Шаховского и его последователей, «экологичным является не столько тот текст, в котором выражены положительные эмоции, сколько текст, причиной создания которого является конструктивное, а не деструктивное намерение говорящего, т.е. это тот текст, который потенциально не вредит, а приносит пользу» [Шаховский, Штеба, 2013, с. 75].

Экологичность юродства можно рассмотреть на примере коммуникативной ситуации, содержащей обличение. *Обличать* – «1. разоблачать, вскрывая что-либо неблаговидное, вредное, преступное, сурово порицать. 2. Обнаруживать, показывать, раскрывать» [ТСРЯ, 2006]. При этом

глагол обнаружить понимается как «показать, сделать явным, видимым» [Там же]. Итак, коммуникативная ситуация «обличение» представляется следующим образом. *Участник 1 (юродивый)* при свидетелях называет нелицеприятные поступки *участника 2*. Поскольку в обществе табуируются некоторые темы общения, у *участника 2* резко снижается социальный статус, т.к. становятся известны поступки, связанные с нарушением нормы. Адресат может не осознавать свои прегрешения, соответственно указание на них посторонним человеком переживаются довольно интенсивно, что выражается внешне покраснением кожи лица, выступлением пота, человек физически может почувствовать себя плохо, у него появляется желание скрыться. Рассмотрим на примере: *«Приехала к нему (юродивому. – И. Ч.) однажды замужня барыня. Как раз перед кельей старца стояла густая толпа. Не желая возвращаться домой не повидав блаженного, барыня протиснулась сквозь толпу вперед и стала взывать:*

– Батюшка, благословите!.. Батюшка, благословите!

– И ты ко мне за благословением приехала?

– К вам, батюшка, к вам... Желаю побеседовать с вами.

– Хорошо, сейчас... Старец пошел в келью и вынес оттуда большую миску щей.

– Держи приполу... Бог благословит. И вылил щи в приподнятый подол... Барыня ужаснулась: на ней было новое шелковое платье!

Но блаженный не дал ей заговорить и перебил ее гневные мысли:

– Мужу ежедневно изменяешь! А ко мне в шелковом платье за благословением приехала? Я тебе задам молодых людей красотой соблазнять! Я тебе задам!..» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 115–116].

Приведенный пример иллюстрирует публичное обличение, при этом важно отметить, что данная коммуникативная ситуация произошла при многочисленных свидетелях, высокий социальный статус барыни понизился. Следует верно оценить перлокутивный эффект данной речевой ситуации. Юродивый намеренно обличает не с целью унижения адресата, а с целью

переориентации морали и исправления нравственного облика, ведь согласно христианским заповедям измена является смертным грехом.

Формально, публичное оскорбление, побои, производимые юродивым, могут расцениваться как проявление зла. Опираясь на классификацию зла, предложенную философом Ларсом Свендсенем, мы относим «зло» юродивого к категории «зло как средство», когда злодеяние не является целью, а достигаемая посредством этого злодеяния цель направлена на благо. Отметим, что ученый выделил также «демоническое зло», суть которого состоит в соотношении «зло ради зла»; «идеалистическое зло», которое заключается в уверенности творящего зло в своей правоте, однако это не соответствует действительности; «зло глупости», которое осуществляется в тот момент, когда его исполнитель не анализирует и не оценивает свои поступки [Свендсен, 2008]. В качестве иллюстрации вышесказанного приведем текстовый пример: *«Странно было смотреть, рассказывают очевидцы, как исповедывал блаженный проходящих к нему людей. Он не выпытывал грехов, как обыкновенно делают духовники, а положив преподобнические руки на голову кающегося и взирая очами на небо, сам перечислял за него все тайные и явные прегрешения. Тут уж, как говорится, не только слезы умиления у грешника потекут, но даже волосы от страха и стыда дыбом станут...»* [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 102].

Принято считать, что «цель любого общения состоит в том, чтобы некоторым образом изменить поведение или состояние реципиента (собеседника, читателя, слушателя), т.е. вызвать определенную вербальную, физическую, ментальную или эмоциональную реакцию» [Красных, 2003, с. 122]. Интенция юродивого заключается в стремлении исправить человека посредством переориентации шкалы приоритетов в сторону соблюдения Божественных заповедей.

Отмечается, что одной из типичных характеристик сентенций юродивых является созвучия: *«Ты не князь, а грязь»* (св. Михаил Клопский). Рифма должна была подчеркнуть особенность высказываний юродивых,

отличие их от косной речи толпы, мистический характер пророчеств и укоризн [Панченко, 1999, с. 395].

Таким образом, с точки зрения традиционных норм поведения, специфика коммуникативного поведения юродивого характеризуется обличением, нередко сопровождается инвективами, пейоративами, что также является нарушением норм коммуникации. Своеобразие юродства заключается в том, что «в контакт могут вступать самые “несочетаемые” предметы и символы, самые почитаемые вещи и явления могут оказываться в шокирующем соседстве с самым профанным. В результате нарушаются строгие, обязательные для некарнавальных будней табу, в том числе... табу на употребление определенных слов» [Жельвис, 1997, с. 30-31]

Как мы видим, фасцинативная специфика вербального поведения ЛКТ «юродивый» заключается в нарушении постулатов общения и выражается в использовании голосовых модуляций (крик), неожиданной, хотя в некоторых случаях и обоснованной хронотопом разворачивающейся коммуникации, апелляции к Священному Писанию, хулиганстве и драматизации.

Известно, что *невербальные* средства коммуникации имеют большое воздействие на адресата, т.к. передают тончайшие оттенки отношения, эмоций, оценки. Посредством невербальных средств возможно передавать информацию, которую трудно или по каким-то причинам неудобно выразить словами [Горелов, 1980, с. 204]. Невербальную коммуникацию иногда называют «языком тела или жестов», но, как правило, мы пользуемся такими знаками для того, чтобы опровергнуть или дополнить то, что сказано словами. Традиционно язык тела включает четыре способа передачи информации: «1) Жесты – способ знакового использования рук. 2) Мимика – способ использования выражения лица. 3) Положение тела – способ держать себя и 4) Тактильная коммуникация: прикосновения, похлопывания и т.п.» [Мирошниченко, 2008, с. 227–231]. По замечанию А. М. Панченко, «язык юродивых – это по преимуществу язык жестов (подразумевается коммуникативный акт посредством всякого невербального знака – жеста как

такового, поступка или предмета). Именно с помощью жеста ... и преодолевалось противоречие между принципиальным безмолвием и необходимостью апеллятивного, т. е. рассчитанного на отклик, общения со зрителем» [Панченко, 1984, с. 102].

Обратимся к житийной литературе и проиллюстрируем основные виды невербальной коммуникации ЛКТ «юродивый» примерами. Наиболее свойственна юродивому кинесика (мы зафиксировали более 85% случаев), которая представляет собой совокупность телодвижений, жестов и поз, применяющихся для дополнения/замещения других средств коммуникации. Главными элементами являются: мимика, позы, жесты и взгляды, имеющие физиологическое или социокультурное происхождение.

А). Жесты. К жестам юродивого можно применить следующее утверждение: « ... жесты используются в ситуациях, когда люди по какой-то причине не могут передать сообщение обычным языком» [Мирошниченко, 2008, с. 228]. Например: «...*(блаженный) Андрей, лежа на печи, внимательно смотрел на них и вдруг сошел с печи. Мать больной сказала ему: «Андрюшка! Вот дочь наша умирает!».* Он посмотрел на больную, быстро с веселым видом представил руками своими, как женщины прядут, и тотчас ушел из дома. ... больная чрез несколько времени выздоровела» [*«Блаженный Андрей Мещовский», с. 13*].

В ряде случаев юродивый манипулирует предметами, которые вызывают необходимые ассоциации у адресанта. Предметы, образы создают метафоричность, приобретая символический потенциал и требуют декодирования заложенного юродивым в материальные предметы глубокого смысла.

Манипуляция с предметами присутствует не только в обличении, но и в предсказании: «*Однако не всем старец говорил откровенно. Со многими он объяснялся многозначительными притчами. При этом он имел обыкновение давать посетителю какую-либо вещь, незначительную саму по себе, но пророчески намекавшую ему на участь, ожидающую его. Черепок,*

щепка, гнилое яблоко, груша, кусок пирога, огурец, тряпка, просфора, огарок свечи, даже горсточка навоза, часто находившегося в его корзине, все это имело у старца символическое значение... Посылает он раз келейника к уставщику Лавры иеромонаху Модесту и велит отнести ему грязные портянки. – Отдай ему, пускай стирает, говорит блаженный келейнику. Через некоторое время тряпки возвращаются назад чистыми. – Эге... не так! замечает старец. Неси еще пускай белее выстирает. И отослал их Модесту во второй раз... Что же означали эти грязные портянки? Они означали нечистые помыслы, которые смущали в то время уставщика, и посылались ему для мытья до тех пор, пока голова инока не освежилась притоком новых, более чистых по существу, мыслей...» [Зноско, «Блаженный Феофил ... », с. 119-120].

Большинство жестов понятны в любой культуре, прямо выражают эмоции или иное значение, но юродивый через жесты, как правило, пророчествует: *«Проходит однажды женщина через святые ворота Лавры. На руках ее покоится ребенок. Отец Паусий к ней: «Ты кого несешь? Ребенка? Бесенка? Дьяволенка? Давай его сюда! Бей о кирпичи, об стену, о камень... Бей!».* И выхватив младенца из рук обезумевшей матери, *замахивается и грозит разбить его на смерть. Прохожие насильно отнимают младенца и возвращают в руки матери»* [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 57]. Как оказалось, блаженный, предвидя будущую жизнь ребенка (без венца, во грехе), захотел показать его злую судьбу. Сын не был опорой для матери в старости, сделался злодеем и попал в тюрьму.

В русском массовом коммуникативном сознании жесты и поступки «Божиих людей» не всегда казались странными. В ряде случаев было очевидно, что подвижники противостояли невидимым злым силам, вооружаясь против их козней. Например, юродивый Антоний Алексеевич «взяв длинную палку, ходил или бегал ночью по монастырю и выгонял кого-то с криком: «Урю! Урю! Урю! Эх их нашло сколько!» Или, схватив кочергу, начнет выгонять кого-то из-под дивана, либо из печи, приговаривая: «Зачем

ты сюда зашел? Пошел вон, вон, в лес!» А на вопрос, кого он выгоняет, отвечал: «бирюков» т. е. волков (бесов)» [Геронтий, «Антоний Алексеевич Христа ради юродивый», с. 15].

По мнению А. М. Панченко, «в юродстве важно не только и не столько сообщение (оно может быть банальным), а перевод его в особую систему значений. Таким способом юродивый добивается «обновления» вечных истин» [Панченко, 1984, с. 102]. Из жития Андрея юродивого мы знаем, что если кто-то подавал ему милостыню, он принимал ее, но отдавал другим нищим. *«Впрочем, он раздавал так, чтобы никто не знал, что он подает милостыню. Притворно сердясь на нищих и делая вид, что желает их побить, он бросал им в лицо деньги, которые держал в руках, а нищие их подбирали»* [«Покров Матери Божией ... », с. 35].

Б). Мимика представляет собой все изменения выражения лица человека, которые можно наблюдать в процессе общения, поэтому она является важнейшим элементом невербальной коммуникации.

В массовом коммуникативном сознании юродивый воспринимается как незлобивый и безобидный, ему свойственно улыбаться. Приведем пример: *«При разговоре о чем-нибудь хорошем Андрей приятно улыбался, а слыша бранные слова, удалялся из дома»* [«Блаженный Андрей Мещовский», с. 7]. Или *«Когда Антонию Алексеевичу, бывало, предложат пить чай, он всегда при этом улыбался и пил его много, называя чай сбитнем»* [Геронтий, «Антоний Алексеевич ... », с. 42].

С другой стороны, юродивый часто представляется озабоченным, тревожным, несговорчивым, смелым, даже грозным: *«Тогда целые ночи Антоний Алексеевич проводил без сна и по неделям был без пищи и питья. Взор его сверкал как молния и проникал в душу. В ту пору беспощадно обличал он некоторых не только за пороки, но и за слабости, не смотря ни на звание лиц обличаемых, ни на положение их в обществе»* [Там же, с. 15].

Внешняя суровость юродивого, как ни странно, способствовала ободрению или успокоению адресата: *«В одно время нашел на меня дух*

уныния, — говорил инок, я намеревался совсем оставить Задонский монастырь и перейти в другой ... Антоний Алексеевич сурово взглянул на меня и, грозя перстом, гневно произнес: «Мишка! Я тебе дам думать неподобное!.. Жил - и живи; перемелется все - мука будет!..» ... время само собой уладило все смущавшие меня обстоятельства» [Там же, с. 37].

Изменение в лице юродивого может происходить и от приоткрывшегося ему будущего: « ... за несколько лет до открытия мощей святителя Тихона, беседа раз с келейным о. казначея, Антоний Алексеевич вдруг изменился в лице и, как вдохновенный, воскликнул: «Сколько народу-то идет (к мощам)! Видимо-невидимо!» [Там же, с. 19].

В). Положение тела. Значимым аспектом кинезиса является поза – положение человеческого тела и движения, которые принимает человек в процессе коммуникации.

Их можно классифицировать на основе следующих критериев:

1) этапы общения (позы вступления и выхода из контакта), например: «В настоятельство архимандрита Досифея Антоний Алексеевич пришел раз в Рождество-Богородицкую церковь обители, лег против царских врат на амвоне и скатился на пол. Потом, подошедши к панихидному столу, взял с него крест и, подавая архимандриту, сказал: «На, целуй его!» На слова же архимандрита: «Что это Антоний Алексеевич, ты со мной делаешь?», сказал: «Не моя воля: так Бог велит!»» [Там же, с. 18-19]. Действительно через год был указ из Св. Синода об увольнении настоятеля на покой в Симонов Московский монастырь, где он вскоре и скончался;

2) виды отношений и взаимоотношений (позы включенности – отчужденности), например: «При обратном отъезде из Китаево, старица игуменья предлагает о. Паисию деньги и просит помолиться за нее. Но блаженный, приняв эти подаяние, отдает его барышне, а сам становится спиной к стене и, сложив крестообразно руки, в безмолвии закрывает глаза» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 107]. Оказывается, что по приезде в свою обитель старица игуменья расхворалась и умерла. А на ее место была

избрана сестрами барышня N, уже к тому постриженная в ангельский образ;

3) психофизиологические состояния (напряженная – расслабленная позы), например: *«(Мещевский юродивый. – И. Ч.) Андрей любил молиться Богу, особенно в ночное время. ... В это время он стоял с распростертыми руками, устремив взор свой к небу, и таким образом беседовал с Творцом и Искупителем до тех пор, пока кто-либо из родственников его не пробуждался от сна и не звал его домой» [«Блаженный Андрей Мещовский», с. 7];*

4) соответствие позы другим элементам невербального поведения (гармоничная – дисгармоничная), например: *«блаженный Паисий желая напомнить им (богомольцам) о ежеминутно возможной для человека смерти, складывал на грудь руки, закрывал глаза, как мертвец, и со всего размаху опрокидывался навзничь, так что нередко из ударившейся о пол головы его сочилась кровь, а сам он лежал без памяти, не шевелясь» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 50]. Напуганные люди подбегали к нему на помощь, но едва только они прикасались к нему, он вскакивал на ноги и выбегал на двор или же переходил в другое место в храме.*

Г) Походка связана с позой, поскольку во время ходьбы у человека изменяется положение всего тела. У юродивых она была достаточно выразительной: *«... являясь перед началом богослужения в церковь и взошед на солею, о. Паисий поворачивался всем корпусом к народу и шел к клиросу боком, вызывая этим у многих несдержанный смех... Если же ему приходилось где-либо спускаться по лестнице вниз, – он не совершал это обычно, по-человечески, а, начиная с верхней ступени, одним прыжком перешагивал несколько их сразу, так что многие удивлялись, как он не ломал ног себе» [Там же, с. 23–24].*

С помощью походки юродивые могли предрекать, предупреждать и оповещать: *«Проходя раз мимо одного каменного дома, двор которого обнесен был дощатым забором, Антоний Алексеевич остановился перед канавкой, по которой стекали со двора нечистоты, и, немного подумав,*

пополз боком по этой канавке во двор, хотя и самые ворота отворены были. Потом, походив немного по двору и пощупав у кладовых замки, тем же путем выполз на улицу, сопровождаемый дружным хохотом со стороны столпившихся свидетелей этой сцены» [Геронтий, «Антоний Алексеевич ... », с. 30–31]. Спустя несколько дней через ту самую канавку проникли во двор ночью воры и обобрали все кладовые.

Характер походки указывает как на физическое самочувствие и возраст человека, так и на его эмоциональное состояние, например: *«Ходил блаженный Паусий весьма оригинально: ступал широко, как маршируют солдаты, и, как бы измеряя величину места, равномерно расставлял ноги. Изредка для странности, он не шел по тротуару или посередине дороги, а медленно крался около самых стен, шагая через водосточные трубы или пролезая под ними внизу» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 33].*

Д) Манера одеваться. Исследователи считают, что: «идеальное платье юродивого – нагота» [Панченко, 1984, с. 95], т.е. задумав юродствовать, человек оголяется или полностью пренебрегает одеждой и своим внешним видом. Например: *«Одежды своей блаж. Паусий никогда не имел, а получая от кого-либо свиту или рясу, прежде выпачкает ее в грязь или отрежет кусок полы или рукав и, разодрав ее в нескольких местах, тогда только облачается в нее ... Обыкновенно же подпоясывал ее либо куском веревки, либо отрезком суконной материи» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 32]. Такая модель одежды наводит на мысли или сообщает нам о социальном статусе и занятии человека. С помощью невербального поведения юродивый формирует определенное впечатление о себе: «На ногах о. Паусия были дырявые валенки или без подошв сапоги, а в руках неизменно носил он железную палку с изогнутой рукояткой, обмотанной тряпкой и закрепленной проволокой. Ею он подпирался, а когда была не нужна носил под мышкой» [Там же, с. 33]. Итак, одежда «может выделить человека, сфокусировав на нем внимание, а может помочь затеряться в толпе» [Леонтьев, 1997, с. 173].*

К тактильной коммуникации юродивый прибегал не столь часто (нами было зафиксировано менее 5% случаев).

Известно, что вид прикосновения соотносится с определенной ситуацией и только в некоторых случаях может восприниматься как проявление коммуникативного намерения [Мирошниченко, 2008, с. 231]. Жизнь юродивого проходила в непрестанном служении людям, каждого он воспринимал как своего ближнего и его дружеские прикосновения усиливали процесс общения, например: *«Святой (Андрей юродивый) подошел к инок, взял его за руку и сказал: «Раб Божий, без раздражения выслушай меня, раба твоего, и милостиво прими убогие слова мои, потому что из-за тебя постигла меня большая скорбь. Я не могу переносить, что ты, будучи сначала другом Божиим, стал теперь слугой и другом диавола»* [«Покров Матери Божией ... », с. 49]. Или другой юродивый, также по имени Андрей, в праздники Рождества Христова и святой Пасхи обнаруживал необыкновенную духовную радость и *«в первый из этих праздников он весьма часто восклицал: «Христос рождается!», – а во второй: «Христос воскрес!»*, и при этих последних словах целовался с известными ему лицами» [«Блаженный Андрей Мещовский», с. 10]. Как мы видим, юродивый следовал общепринятым русским традициям «лобзания» в дни святой Пасхи и через эти действия выражалась его сопричастность происходящему.

Поскольку стратегией коммуникативного поведения ЛКТ «юродивый» являлось служение ближним, предупреждение о бедах, помощь людям и забота о них, то следуя этой цели, он старался уберечь человека от греховных мыслей и поступков: *«В ту пору видели не раз, как блаженный старец (Антоний) водил его (послушника) за руку и, махая около него голиком (ометенным веником), приговаривал: «Пошли прочь! Кто вас звал сюда?!»* [Геронтий, «Антоний Алексеевич ... », с. 28]. В описываемой ситуации прикосновения можно расценивать как чувство патронирования.

Наконец, юродивый мог позволить себе «вольности» в отношении противоположного пола (с лингвистической позиции рассматривается как

грубое нарушение дистанции, статуса и норм): *«Антоний Алексеевич торопливо подошел к молодой, красивой попадье и, взяв ее за руку, громко воскликнул: «Ну, девка! На Красную горку мы с тобой обвенчаемся. Готовь приданое-то!»* *Та отвечает, что она вот уже пять лет как замужем и имеет двух детей. «Нужды нет!...», – возразил юродивый: «Ты все-таки приданое-то готовь!»»* [Там же, с. 32]. Однако, знаки, передаваемые прикосновениями, не столь однозначны, как языковые выражения и интерпретируются с учетом условий, в которых они использованы. Из дальнейшего повествования известно, что молодая, полная жизни попадья нечаянно так сильно простудилась в середине Великого поста, что слегла в постель и, прохворав весь пост, умерла как раз на Фоминой неделе.

В ряде случаев, юродивый нуждался в прикосновения к человеку для оказания благодатной помощи: *«Дворянка Н. Б. имела 12-летнюю единственную дочь, да и та страдала припадками головной боли. Доктора отказались лечить, надежды на выздоровление не было. Привезла мать девочку в Киев к великомученице Варваре и стала усердно молиться. А о. Паусий, с обычным юродством подойдя к больной девочке и крепко сжав ее за голову, начал втайне молиться, а потом, утешая ее, говорит: «Не скорби, душечко, Бог даст, будешь здорова». И действительно, девочка получила исцеление»* [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 68]. Таким образом, правильное использование прикосновений помогает облегчить процесс коммуникации, вызвать доверие и расположение.

Следующим типом невербальной коммуникации является сенсорика, которая основывается на чувственном восприятии. Отношение к человеку и наше общение с ним формируется в зависимости от того, как мы чувствуем запахи, ощущаем вкус, воспринимаем цветовые и звуковые сочетания, ощущаем тепло тела собеседника. Эти коммуникативные функции человеческих органов чувств позволяют считать их инструментами невербальной коммуникации [Кнапп, 1978, с. 187].

Рассмотрим это на примерах. *«На скудной волосами голове блаж.*

Паусий носил широкую повязку наподобие главоотяжца (убруса). Но повязка эта была невероятно грязна и издавала неприятный запах. Указывая кому-либо из молодых клирошан на свою лысину, блаж. Паусий растирал на ней ладонью свою слюну и, посыпая песком, шутливо приговаривал: «Лысинка-с... Дурость... Это меня девушки в молодости любили... От того у меня и лысинка... Эге-ге, и я в свое время был тоже красивый... 15 лет на клиросе пел...» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 33]. Такое отношение к гигиене собственного тела не свойственно представителям русской лингвокультуры и отсутствие желания общаться с человеком, от которого плохо, пахнет вполне обосновано.

Не только запахи, но и зрительное восприятие пищевых сочетаний могут отбить желание общаться с юродивым и находиться рядом с ним: «Когда блаж. Паусий заходил к кому-либо из братьев утром и хозяин келии в тайном восторге от такого посещения предлагал гостю стакан чая, он никогда не отказывался и с важностью усаживался за стол. Но действия, с которыми совершал он это «чаепитие», навсегда отбивали у хозяина охоту к дальнейшему приглашению, ибо он примешивал в свой чай все, что только попадало под руку – и грязную воду, и селедку, и прочие подобные снадобья» [Там же, с. 36–37].

Самоуничужение юродивого выражалось в глумлении над плотью: у юродивых было принято ношение несменной одежды, которая смердела и была рассадником всяких паразитов, причинявших телу нестерпимые мучения: «Белья о. Паусий почти не носил, а если и надевал когда рубаху, то не менял ее, пока не изорвется, отчего разводились в ней насекомые ... Не выдерживая подчас такой мучительной пытки, о. Паусий горестно восклицал: «Ах, вы, заели меня, проклятые!» [Там же, с. 34]. Многие брезговали принимать блаженного к себе в келию, но к таким он заходил как-нибудь случайно в отсутствие хозяина и умышленно ложился на его кровать. Один послушник рассказывал: « ... Возвращаюсь после утрени домой и вижу: постель вся разбросана, а блаженный возле стола сидит и что-то

бормочет. Злость меня разобрала. Ухватился я за матрац, чтобы на двор его выбросить, а о. Паусий как закричит: «Не смей бросать, гордец! Ложись спать, ни одна тебя более не укусит». И действительно так: стал я со свечой в руках постель осматривать – ни одного насекомого не видно. Все бесследно исчезли [Там же, с. 35]. Исходя из того, что «обязательными условиями успешного общения являются ... настроенность на мир адресата, умение проникнуть в коммуникативный замысел говорящего, способность собеседников выполнить жесткие требования ситуативного речевого поведения» [Гутарева, 2010, с. 111], трудно определить насколько эффективным было общение юродивого в вышеописанной ситуации.

Перейдем к рассмотрению проксемики, т.е. использованию пространственных отношений при коммуникации. Американский психолог Э. Холл в результате наблюдений выделил четыре зоны коммуникации: 1) интимную – разделяющую достаточно близких людей, не желающих посвящать в свою жизнь третьих лиц; 2) личную – расстояние, которое поддерживает индивид при общении между собой и всеми другими людьми; 3) социальную – дистанция между людьми при формальном и светском общении; 4) публичную - дистанция общения на публичных мероприятиях (собраниях, в аудитории и др.) [Холл, 1995, с. 137].

В интимную зону юродивый никого не пускает: *«Находясь в Китаевской богадельне, блаженный Паусий помещался в келии не один. Вместе с ним помещался и глубокий старец о. Феодор. Отношения о. Паусия к своему сожителю были весьма оригинальны. Блаженный повесил посреди комнаты шнур, а на шнур прикрепил несколько грязных тряпок, как бы определяя этим «границы» своих «владений», и гнал при случае сожителя прочь: “Куда лезешь? — повелительно покрикивал, когда тот переходил на его сторону. Ступай на свою половину, а это моя”» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 105].* Территориальность имела для юродивого психологическое значение, и мы видим склонность к ее защите.

Для поддержания общения и для привлечения внимания адресатов к

своим словам юродивый увеличивает дистанцию до личной зоны: *«В тесном и убогом помещении юродивого, на лавке была разостлана скатерть и на ней лежал огромный кусок сырого мяса. «Покушай, Иванушка, покушай!» уговаривал юродивый с поклоном, угощая царя. «Я – христианин и не ем мяса в пост» сурово промолвил Грозный, видя в этом поступке юродивого правдивое нравоучение для себя. Царь, чувствуя перед собой речь посланника Божия, содрогнулся и просил его молиться об избавлении и прощении ему его жестоких замыслов, обещал никого из жителей не казнить»* [«Святой Николай Салос, Христа ради юродивый», с. 13–14].

Юродивый соблюдает нормы личного пространства, непосредственно окружающего тело человека. Именно в нем и происходит большая часть его коммуникативных контактов: *«В последнюю побывку преосвященного Антония II в Задонске, в августе 1846 года, перед самым его выездом, Антоний Алексеевич явился к нему в гостиную и, выбросив из полы к ногам архиерея собранные в саду попортившиеся яблоки, обратился назад и запел: «Вечная память! Вечная память!» Сильно был тронут этим преосвященный Антоний и тут же сказал предстоящим, что уже не бывать ему более в Задонске, что Антоний Алексеевич, предсказал этим скорую его кончину, которая, действительно, и постигла его»* [Геронтий, «Антоний Алексеевич ... », с. 29].

В зависимости от ситуации дистанция может и резко сокращаться: *«Приходит, однажды, блаженный в лаврскую гостиницу и просится на ночлег. Богомольцев в Лавре было много, свободных мест не оказалось нигде. Но из уважения к нему поместили его в одном номере с приезжим господином. Господин, увидев перед собой оборванного инока, отчаянно запротестовал. Но о. Паисий едва взглянул своему соседу в глаза, как возмутился духом, схватил нож и с криком: «За режу!» – бросился на него. Испуганный «барин» давай Бог ноги. Отец Паисий за ним. Собралась толпа народа, вдали показался городской. Но едва «барин» заметил полицию, как стремительно сел на извозчика и ускакал»* [Зноско, «Христа ради

юродивый ... », с. 57–58]. Вскоре обнаружилось, что «барин» – преступник, совершивший незадолго до того зверское убийство с грабежом и тщательно скрывавший следы своего преступления. Юродивый подвергал себя опасности, вступая в коммуникативный контакт с убийцей, но не желал, чтобы зло оставалось сокрытым.

К системе невербальной коммуникации также относится экстралингвистика. Она включает в себя неречевые вкрапления в речь: стоны, вздохи, смех, плач, паузы, краткие слова-«паразиты» («mmm», «ох», «вот»). В употреблении юродивыми с помощью этих средств, как правило, передаются:

1) сострадание: *«Особенное сострадание юродивый Андрей имел к воинам и заключенным в темнице. Когда слышал он разговор о солдатах, вздыхая, говорил: «Бедные солдаты!» [«Блаженный Андрей Мещовский», с. 11];*

2) печаль и сокрушение: *«По возвращении (блаж. Паисий. – И. Ч.) снова разденется и уляжется, но через некоторое время опять начинает облачаться в свои отребья или принимается громко плакать и молиться» [Зноско, «Христа ради юродивый ... », с. 32];*

3) «подвиг терпения»: *«Случалось ему (мещевскому юродивому. – И. Ч.) обедать или ужинать, то он, вздыхая, ударял себя в грудь так сильно, что из нее исходил какой-то печальный стон. Но еще сильнее бил он себя затылком о стену: каждый удар его был слышен на улице. С удивлением и страхом смотрели на Андрея окружавшие его, думая, что он лишится жизни» [«Блаженный Андрей Мещовский», с. 8]. Узнав об этом, одни считали его притворяющимся, другие, напротив, стали любить и уважать Андрея тем более, что он начал показывать действия прозорливости и других благодатных даров.*

Таким образом, «сила невербальных средств воздействия обусловлена, с одной стороны, их значительным эмоциональным зарядом; с другой стороны, – их «беззвучностью» ... Не нарушая хода дискурса, невербальные

средства проделывают огромную работу по воздействию на партнеров и осуществлению поставленных коммуникативных задач» [Власова, 2010, с. 70]. По мнению А. М. Панченко, «отчуждая себя от общества, юродивый и язык свой отчуждает от общеупотребительного языка. Однако жесты юродивого ... должны быть вразумительны наблюдателю: иначе прервется связь между лицедеем и зрителем. Юродивого понимают потому, что язык жестов национален и консервативен. Жесты живут дольше, чем слова» [Панченко, 1984, с. 106].

Акустическое сопровождение невербального коммуникативного поведения ЛКТ «юродивый» выражается в крике и шуме. Рассмотрим на примере: *«А днем она (Пелагея Ивановна) юродствовала, бегала по улицам города, безобразно кричала и всячески безумствовала, проводя время на улице, прикрытая лохмотьями, без куска хлеба, голодная и холодная»* [«Безумием мнимым ... », с. 107]. Как нам известно из жизнеописания юродивой, она кричала не потому, что была лишена разума, напротив, крики служили средством привлечения внимания окружающих для насмешек и оскорблений, которые были для нее желанны.

Зачастую юродивые прибегали к шуму как к средству аттракции: *«Выходя из своей келлии, обыкновенно с палкой в руках, она шумела, кричала и пела. Своей палкой юродивая иногда ударяла монастырских сестер, но никто не обижался на нее за это»* [Там же, с. 216].

Шум также являлся подготовкой к резким обличениям и наставлениям: *«Анна Ивановна не могла равнодушно и спокойно смотреть на праздную, бездеятельную жизнь богаделенок, проводивших целые дни в пересудах всех и каждого и во взаимных ссорах между собою: она вмешивалась в их ссоры, шумела, кричала на них, делала нередко резкие наставления, чем еще больше обостряла и без того уже недоброжелательные отношения»* [Там же, с. 46]; или оценкой происходящего: *«Молясь сама, она (блаженная Пелагея Ивановна) того же требовала и от окружающих ее. Боже избави, если кто из сестер простит полунощный час! Паша нашумит, накричит, а иногда и*

поучит провинившуюся своей палочкой» [Там же, с. 150].

Кроме крика и шума, как наиболее частотного фасцинативного средства, коммуникация юродивых характеризовалась нелогичностью: *«Странным своим поведением мать Елена привлекала внимание: то вдруг закричит, то замашет рукой, то даже ногой топнет ... и все действия ее при этом были резкие, стремительные» [Там же, с. 278].*

Рассматривая юродивого в рамках теории лингвокультурных типажей, обратимся к основным специфическим формам коммуникативного поведения данной языковой личности, а именно к **смеху, плачу и молчанию**, выделенным нами в процессе анализа языкового материала согласно частотности проявления.

В научном дискурсе существует двойное понимание сущности «юродства», его места в русской культуре и его соотношения со «смеховой культурой». Понятие **«народная смеховая культура»** вошло в обиход благодаря работе М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965), в которой он изложил идею о «карнавальном сознании» средневекового мира и показал, как язык площадей противостоял языку монастырей и королевских дворов. Ученый утверждал что специальными служителями «смехового мира» были люди, которым позволялось быть смешными, смеяться или смешить других, например: *шуты, скоморохи, балагуры, дураки, юродивые* и др. В дальнейшем термин «смеховая культура» стал широко использоваться исследователями комического и смехового мира (Д. С. Лихачевым, В. Я. Проппом, Л. Е. Пинским, С. С. Аверинцевым, Ю. М. Лотманом, Б. А. Успенским и др.).

Д. С. Лихачев, А. М. Панченко и Н. В. Понырко продолжали видеть в юродивом шута, клоуна, конферансье, актера, играющего в «дидактических» целях определенную роль для публики [Лихачев, Панченко, 1984, с. 85] и скрывающего при этом свою святость от других. Сторонники «карнавализации» юродства считают, что: «юродство занимает промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной

культуры. Можно сказать, что без скоморохов и шутов не было бы юродивых. ... юродство невозможно без церкви: в Евангелии оно ищет свое нравственное оправдание, берет от церкви тот дидактизм, который так для него характерен. Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собой трагический вариант смехового мира» [Там же, с. 72].

Несогласие с теорией А. М. Панченко высказывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский: «Играющим во Христе юродивый может показаться лишь внешнему наблюдателю, которому кажется, что святой ради самоуничтожения присваивает себе чужое – грешное, безобразное, унижительное – поведение, и делает это не потому, что оно вытекает из его сущности, а поскольку оно глубоко ей противоречит. ... Нарушение приличий и норм для него норма, а не аномалия. Поэтому “для себя” он реализует не игровое, а однозначное и серьезное поведение» [Лотман, Успенский, 1977, с. 163].

Некоторые исследователи отмечают символичность имени Исаак (например, имя первого русского юродивого – преп. Исаакий Печерский Затворник), которое в переводе с еврейского восходит к идее смеха. Однако осуществлять «смеховые действия» для мира – не функция юродивого; как раз наоборот – его задача осмеивать мир «лежащий во зле». «Уже не мир ругается над блаженными, но они ругаются над миром» [Федотов 2000, с. 172].

При моделировании ЛКТ «юродивый» считаем целесообразным рассмотреть концепты «плач» и «смех», поскольку смех юродивого не вписывается в правила карнавального смеха, ведь он смеется над злом, грехом и человеческими страстями. Согласно теории стратегий и тактик, юродивый выбирает стратегию «смех», тогда как тактикой является «плач». «Весь сюжет поведения православного юродивого, – писал Аверинцев, – в том и состоит, что лишь по прискорбному заблуждению и греховному безумию, в меру помрачения нашего ума мы можем дерзнуть ему

посмеяться. Мы смеемся, когда должны были бы вздыхать, плакать и трепетать» [Аверинцев, 1993, с. 343].

А. Смех.

Согласно классификации Т. А. Бернштам, которая имеет в своей основе речение: «*Один улыбается, другой смеется, третий в голос хохочет*», в русской культуре различаются три ступени или разновидности/реакции «смеха» [Бернштам, 2008]. По свойствам или содержанию выделяется: 1) положительный, 2) праздный (пустой) и 3) отрицательный. Опишем подробнее.

Положительный смех – проявляется как *улыбчивость, веселый взор, ласковые шутки*, выражает оптимистическое мировосприятие, полноту чувств, бескорыстие, радостное и душевное расположение к окружающим, чувство юмора по отношению к себе.

К *праздному смеху* относится веселье по любому поводу и неуместные шутки. Самые распространенные бытовые ситуации, собиравшие любителей «повеселиться» – уличные представления различного рода: пьяные потасовки мужиков, семейные или соседские ссоры, кривляние местного дурачка и т.п. В народном сознании *шутки и праздный смех*, как правило, свойственны субъекту легкомысленному, бездеятельному (ленивому), эгоистичному, лживому и ненадежному. В русском языке это нашло фиксацию с следующих речениях: «*Век на смеху живет*», «*Ему смешно, а мне до сердца дошло*», «*В шутках правды не бывает*», «*Тем не шути, в чем нет пути*», «*Шут в дружбе неверен*».

Благочестивые люди не одобряли зубоскалов и пустословов-шутников, сбивающих простых людей с толку. Кроме того, по правилам народного этикета, «взрослый человек обязан был соблюдать в смехе и шутовстве чувство меры и такта, чтобы не обидеть ближнего и не довести его и себя до греха. Об этом говорят пословицы: «*От Бога грех, а от людей посмех*», «*Полно тебе зубы скалить*», «*Не перед добром развеселился*», «*Не то смешно, что жена мужа бьет, а то смешно, что муж плачет!*», «*Кто в*

субботу смеется, в воскресенье плакать будет», «Над кем посмеешься, тот над тобой поплачет», «Много смеху, да не мало и греха»» [Бернштам, 2008, с. 307–309].

Смех «не в пору, не к месту, без ума» был показателем неразумия и глупости: «Из дурака и плач смехом прет». Дурацкий смех оценивался как проявление бесовщины и представлял опасность для общества, может быть поэтому сказочный образ «набитых дураков» не представляется привлекательным.

Смех или хохот «без ума» – это по сути смех негативный. В вечерней молитве ко Св. Духу есть слова: «или греху брата моего посмеялся», которые означают «радование чужому греху, унижение, насмешка, издевка, осмеяние», также выделяется особый вид смеха в котором есть убийственный замысел – «сардонический смех».

Рассмотрев одну из предложенных классификаций «смеха» перейдем к анализу синонимического ряда лексемы «смех» и рассмотрим на примерах проявление смеха у ЛКТ «юродивый».

В «Словаре русских синонимов» фиксируется следующий синонимический ряд: «смех – улыбка, усмешка, хохот; умора; смех – гомерический, неудержимый, неумолкаемый, сардонический, саркастический, мефистофелевский» [СРС, 1911].

Словарь синонимов и антонимов современного русского языка дополняет его еще несколькими лексемами: «смешок, хихиканье» [ССАСРЯ, 2013].

Для детализирования перечисленных понятий обратимся к «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка». Итак, синонимы «смех, хохот, хихиканье, смешок» различаются по следующим смысловым признакам: «1) характер звука и мимика субъекта (хохот предполагает громкий звук, издаваемый при широко открытом рте; хихиканье тише, субъект старается держать рот закрытым, вследствие чего его губы растянуты); 2) количество выдыхательных движений и квантов звука

(смешок предполагает один квант); 3) характер манифестируемого эмоционального состояния субъекта (смех может быть проявлением радости и веселья; смешок предполагает, что субъекту смешно, причем он испытывает чувство интеллектуального превосходства над кем-л.); 4) причина данного эмоционального состояния субъекта (любая в случае смеха; чье-то поведение в случае смешка); 5) утрата самоконтроля (смех может сопровождаться утратой самоконтроля, смешок предполагает полное его сохранение); 6) адресованность (смешок обычно адресован тому, над кем смеется субъект, а также аудитории, которая вместе с субъектом воспринимает данного человека); 7) тип субъекта (хихиканье обычно предполагает подростков или женщин); 8) возможность коллективного субъекта (смешок, в отличие от смеха, хохота и хихиканья, предполагает только единичного субъекта); 9) способность обозначать свойственную субъекту манеру смеяться (есть у слова смех)» [НОССРЯ, 2003].

В предлагаемом ниже примере в смехе юродивого выражаются сложные чувства, в которых отрицательные эмоции переплетаются с положительными. Например: *«В одно время игумен стоял в храме во время литургии. Гости хотят прийти к нам», – со смехом сказал Михаил, пойдя к игумену. По окончании службы, выйдя из храма, игумен увидел трех чужих людей. «Позови их в трапезу», – сказал Михаил. Игумен позвал, «За монастырем наши товарищи», – отвечали посетители. Игумен велел пригласить и тех. И вот явилось 30 человек вооруженных разбойников. Блаженный велел посадить всех за трапезу. И они все сели обедать, – только двое ничего не ели. «Почему не едите вы? – сказал Михаил. – Дурной замысел ваш, будьте твердо уверены, не исполнится». Устрашенные этими словами, они упали на пол и не могли выговорить ни слова. Прочие, увидев это, подумали, не постигло бы их то же самое, и дали игумену «дары», чтобы он помолился за больных, и вышли из обители. Чрез непродолжительное время один из больных разбойников пожелал быть монахом. Игумен боялся постригать его, но Михаил велел, и он,*

постриженный, скоро умер. Другой же, выздоровев, вышел из обители [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 183-184]. Причина чувств, манифестируемых смехом юродивого, двоякая: с одной стороны – демонстрация того, что ему известны злые замыслы разбойников, с другой стороны – предвидение и уверенность в том, что зло не осуществится и монастырю не будет причинен урон и ущерб.

Как правило, смех выражает то, что субъекту смешно и весело. Смех же юродивого – часто является признаком добродушия, человеколюбия и всепрощения. Проиллюстрируем: *«Однажды блаженный (Василий. – И.Ч.) проходил чрез рынок, где девушки продавали свои изделия. Увидев юродивого, девушки посмеялись нагоме Василия и все ослепли. Одна из них, благоразумнее других, как только почувствовала, что лишается зрения, поспешила вслед за Василием, умоляя его остановиться. Со слезами припала она к ногам блаженного, стала просить у него прощения, и блаженный, смеясь, сказал ей: «Аще паки не имаши таковая творити, то прозриши». Она с клятвою подтвердила свое обещание. Когда она, по повелению блаженного, встала и он ей дунул в глаза, то прозрела. Получившая исцеление «паде пред ним на землю, со благодарением за сие и молением, да потрудится дойти и до прочих дев слепых, и да сотворит и над ними таковую же милость». Он возвратился к ослепшим. Последние, по указанию исцеленной, пали к ногам чудотворца «и моляху его со слезами о воочениих». Святый повелел «стати им на нозе, и дуяше во очи каждой по чред», — и все они прозрели»* [Там же, с. 226].

В другом примере смех является проявлением интенсивной радости. Рассмотрим пример: *«... вошел один «винопица трясыйся с похмелья», который просил корчемника скорее дать ему за деньги вина; но тот от нетерпения, в порыве злобы крикнул на него: «Лукавый да возьмет тебя, пьяницу, мешающего мне подносить лучшим тебя». Услышав такое слово, оградил себя крестным знаменем пришедший, принимая из рук его вино; а блаженный Василий, как бы юродствуя, громко засмеялся и рукоплескал*

ему, говоря: «Добре, добре сделал ты, так и всегда делай, чтобы спастись от невидимого врага». Бывшие в корчемнице спрашивали о причине смеха. Юродивый разумно отвечал им: «Когда корчемник призвал имя лукавого, вошел он с его словом в сосуд; когда же хотевший пить вино оградил себя крестным знаменем, вышел из сосуда демон и бежал из корчмы. Я же смеялся от великой радости и хвалю помнящих Христа Спаса нашего и осеняющих себя во всех делах своих крестным знаменем, которое отражает всю силу вражью» [Там же, с. 230].

Нам не удалось обнаружить репрезентации лексем «хихиканье» или «смешок» в коммуникативном поведении ЛКТ «юродивый». Возможно, это объясняется тем, что через хихиканье выражается то, что субъекту смешно и весело, однако смеяться нельзя, т.к. неприлично. В случае непосредственного проявления веселых чувств – это будет являться «греховным» смехом.

Через «смешок» субъект выражает свое «неодобрение другого человека, интеллектуальное над ним превосходство – он смеется над этим человеком, наблюдая его поведение, слушая его и т. п., причем это вполне контролируемая, осознанная реакция взрослого человека ... Смешок в большой степени демонстративен. Он часто адресован как тому, над кем смеется субъект, так и всей аудитории» [НОССРЯ, 2003].

Лексема «хохот» и ее дериваты предполагают, что взрослый, сознательный субъект широко раскрыв рот, издает громкий, ничем не сдерживаемый звук, причем при хохоте обычно сотрясается все тело субъекта. Таким образом, «хохот» – очень громкий и несдерживаемый смех. В приведенном уже нами примере (в другом варианте житийного изложения), Василий Блаженный *«захохотал в голос»* при виде того, как *«мужик взял склянку левой рукой, а правой перекрестился, после чего бес, палимый силой креста, вылетел из сосуда с вином и опрометью бросился вон из кабака».*

Таким образом, перечисленные синонимы «смех», «хохот», «хихиканье» образуют определительные сочетания, указывающие на

эмоциональное состояние юродивого, его отношение к окружающему, наличие самоконтроля, искренность, а также на восприятие его другим человеком;

Как отмечалось, «положительный смех» может проявляться как *улыбчивость*. Обычно **улыбка** выражает радость или другое подобное чувство, приятное субъекту. Например: *«Был у Василия Блаженного в Москве любимый им и любивший его вельможа, к которому он заходил иногда в дом. Однажды пришел он к этому вельможе в лютый мороз. Сострадательный боярин стал просить его, чтобы по крайней мере в такое время защитил тело свое от мороза одеждою. «Хочется тебе это?» – спросил, юродивый. — «Хочу всеусердно видети тя облеченна в ризу мою, и прикрыта на сие время наготу твою, ибо люблю тя сердцем моем». Блаженный с улыбкою сказал: «Добре, добре, господине; твори, якоже ты хочещи, и я люблю тебя». Боярин с радостью надел на Василия «лисю алого цвета суконную шубу». Блаженный по обычаю, побежал по улице» [Там же, с. 228].* Поведение юродивого в данном случае согласовалось с интенцией его благотворителя. Не желая огорчать боярина блаженный Василий принял подарок. Улыбка была адресована собеседнику, сближаясь, тем самым, с сообщением и была оценена как благорасположение юродивого.

Рассматривая эмоции и сильные физические ощущения человека, отметим, что они проявляются прежде всего в выражении его лица, в мимике. Улыбаться предполагает менее интенсивное и более контролируемое чувство, нежели смеяться. Улыбка ЛКТ «юродивый» может свидетельствовать о его сосредоточенности, собранности и напряжении в духовной борьбе. Проиллюстрируем: *«Странными на вид своими поступками блаженный учил современников благочестивой жизни, наставлял их на путь истины ... если случалось юродивому проходить мимо дома, в котором совершалось молебное пение, или читали Божественное писание или «иное что благое и боголюбезное дело», он собирал камни и с улыбкою бросал их в углы этого дома. Когда же спрашивали его*

проходящие, он отвечал: «Отгоняю бесов, которым нет места в таком доме», исполненном святыни; чтобы и вне его – «на углах они не имели себе пристанища», и «мысленно благодарю владыку дома, что не дает им у себя места» [Там же, с. 225].

Улыбка юродивого может быть как совершенно непосредственным, так и вполне контролируемым проявлением его чувств: *«Однажды на устах его (Василия. – И.Ч) замечена была мастером таинственная улыбка. К хозяину Василия пришел посадский человек заказать себе сапоги и просил сшить ему такие, которые стали бы ему на несколько лет. При этих словах Василий улыбнулся. Эта улыбка не скрылась от хозяина, который после спросил его, чему он улыбнулся. Сколько юноша ни отговаривался, но мастер своей неотступностью довел его до того, что он сказал, что если откроет настоящую причину, то не может более у него оставаться. И на то согласился хозяин, подстрекаемый любопытством. «Мне странным показалось, – отвечал Василий, – что посадский заказывал себе сапоги на несколько лет, тогда как он умрет завтра». Слово юноши оправдалось самым делом» [Там же, с. 367].* Во многих ситуациях в обществе улыбка требуется этикетом подобно вежливым формулам приветствия, благодарности и т. п. В поведении же юродивого улыбка может обозначать не только единичное проявление его чувств, но и отражение его богатого душевного устройства.

Рассмотрев «смех» юродивого как специфическую форму коммуникативного поведения данной языковой личности, вернемся к вопросу о месте «юродства» в русской культуре. Согласно М. М. Бахтину, смеховая культура средневековья противостояла официальной культуре, в том числе и Церкви: *«...необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» [Бахтин, 1990, с. 8].* По мнению А. В. Михайлюк и С. В. Савченко существует тенденция рассматривать православное, религиозно-мотивированное юродство в контексте «смеховой

культуры». Такой смех понимается очень узко: «как исключительно карнавально-площадное, скоморошеское, шутовское, ритуально-магическое явление, куда православный святой не вписывается по определению» [Михайлюк, Савченко, 2013, с. 129]. Таким образом, юродивый, находясь в пространстве культа, не является переводчиком истин «официальной» культуры простому народу. Он прежде всего – член Церкви, принадлежит ей и всецело участвует в ее жизни. «Актер принадлежит зрелищу, которое всегда ограничено в пространстве и во времени. Он лишь на время убирает свое “я”. Юродивый причастен мистериальному действу, культу, который не имеет завершения во времени, но различается лишь интенсивностью и накалом» [Ростова, 2010, с. 98].

Б. Плач

Согласно исследованию Т. А. Бернштам, «плач» в русской народно-православной культуре можно подразделить на три ступени. Опишем их.

Положительный плач, присущий лицам обоих полов и выражается в 3 формах: «1) молитва — отплакалась=отмолилась, 2) скорбь над своими грехами – «Сам на себя плачься» и 3) память об умерших». К положительному плачу можно также отнести слезы от неожиданной радости/сострадание чужому горю.

Пустой плач – это, в народном понимании, обычное состояние женщины (вытье, причитание, крик и др.), а также горестные вздохи из-за мелочей жизни: от обиды, невезения в делах, по поводу утраченной вещи, и т.п.

Отрицательный плач происходит от уязвленной и ущемленной гордыни, тщеславия: плачут от жалости к самому себе, «скрежещут зубами» из зависти, злобы, желания возвыситься и проч. Крайняя степень его проявления, считающаяся смертным грехом, ропот на Бога: «На Бога плакаться – грешить» [Бернштам, 2008, с. 309-310].

При обращении к «Словарю русских синонимов и сходных по смыслу выражений» отмечаем, что лексема «плач» является доминантой следующего

синонимического ряда: «*вой, вопль, нытье, рыдание, хныканье, слезы*» [СРС, 1911].

«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» помогает точнее установить существенные различия перечисленных лексем. Итак, синонимы различаются по следующим смысловым признакам: «1) какой аспект ситуации воспринимается наблюдателем (в случае **плача** это звук, в случае **слез** – внешний вид плачущего); 2) имеется ли указание на восприятие ситуации (оно обязательно в слове **рев**, но не **слезы**); 3) как плачет человек (**плач** предполагает неровное дыхание, **рыдание** – конвульсии); 4) по какой причине плачет (**плач** предполагает физическую или душевную боль, **слезы** – интенсивное внутреннее переживание, которое может быть как неприятно, так и приятно субъекту); 5) каково отношение к плачущему (**плач** предполагает сострадание, **рев** – отчуждение или иронию)» [НОССРЯ, 2003].

Добавим, что «плач, рыдание и рев» образованы от глаголов «плакать, рыдать и реветь», в значение которых входит указание на звук, издаваемый в соответствующей ситуации и воспринимается (зрением и слухом) сторонним наблюдателем, т. е. человеком, не являющимся ее участником.

Будучи доминантой синонимического ряда слово «плач» употребляется расширительно для обозначения жалобного звука, издаваемого любым живым существом.

Попытка охарактеризовать «плач» как одну из форм проявления коммуникативного поведения *юродивого* впервые была предпринята О. А. Дмитриевой [Дмитриева, 2014 а]. Основными положениями исследования стали: 1) плач является не сугубо физиологическим процессом, а намеренным действием со стороны *юродивого* для переориентации ценностной шкалы приоритетов реципиентов; 2) плач предстает в качестве эмоционального уровня в системе ценностных доминант *юродивого*; 3) формально и содержательно плач *юродивого* не является пустым плачем, а представляется как выражение скорби и молитвы; 4) плач не является единственной формой проявления коммуникативного поведения *юродивого*

[Дмитриева, 2014 а, с. 127].

Расширим предложенное описание выявленными нами формами плача при анализе текстового материала. Обратимся к текстам Житий святых, русской художественной литературы, Богослужебным Минеям – всего 387 единиц, собранных методом сплошной выборки и содержащих контекст, раскрывающий коммуникативное поведение юродивых и включающий основные лексемы: «плач» (191), «слезы» (115), «рыдания» (81) и их дериваты и сочетания. Проанализируем наиболее яркие случаи описания «плача» юродивого.

Во-первых, мы выделяем плач происходящий от тяжелого или очень неприятного, острого душевного переживания. Проиллюстрируем примером. *«Пришел однажды блаженный (Прокопий. – И.Ч) в дом своего духовника во время обеда и, посаженный за стол, взял нож и начал махать им над головою сына его, тоже священника, как бы намереваясь поразить его в грудь. Все перепугались, и Прокопий, бросив нож, обнял молодого священника Иоанна и горько заплакал, «аки по мертвом, и отъиде». Через год родственники зарезали этого священника ножом»* [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 266]. Плач происходил от предвидения будущего и не возможности изменить что-либо в грядущем страшном убийстве. Однако, из действий и специфического поведения юродивого можно было предположить о надвигающейся угрозе.

Во-вторых, плача, юродивый получает некоторое облегчение, дает разрядку своим чувствам. Например: *«За три недели до этого печального события (убийства Иоанна Антоновича. – И. Ч.) блаженная Ксения стала ежедневно и целыми днями горько плакать. Все, встречавшиеся с ней, видя ее в слезах, жалели ее, думая, что кто-нибудь её обидел, и спрашивали ее: «Что ты, Андрей Федорович, плачешь? Не обидел ли тебя кто-нибудь?» Блаженная отвечала: «Там кровь, кровь, кровь! Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь», – и еще сильнее начинала плакать. Никто не понимал, что случилось со всегда спокойной и благодушной*

блаженной. Никто не понимал и странных слов ее. Лишь три недели спустя, когда по Петербургу разнеслась молва о страдальческой кончине Иоанна Антоновича, все поняли, что своим плачем и словами «там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь!» блаженная предсказывала страдальческую кончину некогда императора Иоанна VI Антоновича» [Там же, с. 295]. Добавим, что когда субъект плачет, он может терять самоконтроль в разной степени, вплоть до того, что теряет способность что-либо делать. Если душевная боль не очень острая – потеря самоконтроля может быть относительно небольшой и субъект даже может делать то, что считает нужным в данный момент. Большая потеря самоконтроля проявляется не только в том, что у субъекта текут слезы, но и в том, что у него прерывается дыхание, он издает специфические звуки, положение его тела меняется. Обратимся к примеру. «При Иоанне IV Грозном, в 1547 г., 23 июня «Василий юродивый, — говорит летописец, — прииде в монастырь Воздвижения, иже зовется на острове и ста пред церковью, к ней же умильно зря и умно молитву деяше и плакашеся неутешно». Проходившие с удивлением на него смотрели, не зная причины, но были уверены, что юродивый Василий без причины ничего не делает и не говорит. Это таинственное моление было предвестием страшного пожара, случившегося утром следующего дня и начавшегося с этого самого храма: «во утрое же, в осмый час дне тая церковь Во движения загореся, и оттуду разыдеся огонь на многая улицы»: оба города старый (Кремль) и новый (Китай-город), сгорели, сгорели многие храмы, дома, дворец великого князя исчез, “медь яко вода разливашеся”» [Там же, с. 223].

Отметим, что рассматриваемые лексемы сочетаются с наречиями и наречными сочетаниями «горько, неутешно, ежедневно», указывающими на состояние субъекта (характер душевного переживания, степень потери самоконтроля) и повторяемость, частотность действия.

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» плач – «в целом пассивная реакция, почти не совместимая с какими-либо усилиями

субъекта, направленными на изменение своего положения, даже в тех случаях, когда это вполне возможно» [НОССРЯ, 2003], однако на примере поведения юродивого можно убедиться в обратном. Приведем пример: *«юродивый Виссарион (5 в.) всю жизнь провел в слезах и рыданиях: «Слезные потоки всегда исхождаху от очес его и въздыхания частая из глубины сердечныя произносите, и вся дни жития своего в слезах препроводи, всегда плача и рыдая» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 121].* Важным для правильного понимания поведения юродивого Виссариона является в описании сочетание *«проводил вся дни жития своего».*

Следующий синоним **«плача»** – **«рыдание»** предполагает очень сильное и тяжелое переживание, душевную, а иногда и физическую боль, которую субъект не в состоянии вынести [НОССРЯ, 2003]. Например: блаженный Прокопий, одаренный Богом за свои великие подвиги даром прозрения и чудес еще на земле, *«в один воскресный день говорил народу в храме: «Покайтесь, братие, во грехах своих, поспешите умилоствитъ Бога постом и молитвами, иначе город погибнет от града огненного». – «Он не в уме», – говорили слушавшие Прокопия. После литургии Прокопий, сидя на паперти плакал и рыдал, плакал он потом днем и ночью. Проходившие мимо его спрашивали: «Что с тобою, Прокопий? Что за скорбь у тебя»? Блаженный отвечал: «Бдите и молитесь, да не внидите в напасть»; но проповеди его не принимали к сердцу» [Там же, с. 169].* Как можно заключить из приведенного отрывка, состояние юродивого вызывало жалость и сочувствие, а для некоторых казалось было близко к истерии, в связи с чем первая реакция окружающих – помочь субъекту придти в себя. Юродивый же продолжал *«плакать и рыдать»*, т.к. его предостережения не воспринимались всерьез.

При анализе текстового материала мы не зафиксировали употребление лексем **«рев»** или **«реветь»** для описания типичной ситуации коммуникативного поведения юродивого. Возможное объяснение этому заключается в специфике употребления данной лексемы, связанной прежде

всего с маленькими детьми, которые плачут из-за отсутствия чего-то, физической боли и т. п. или стараются привлечь к себе внимание для того, чтобы их пожалели и чтобы они получили желаемое.

Языковая единица «реветь» может употребляется и применительно к взрослому, когда он просто плачет и говорящий не испытывает к плачущему никакого сострадания или он хочет выразить некоторое отчуждение от субъекта. «Кроме того, синоним реветь может указывать на слегка ироническое отношение говорящего к причине слез субъекта, на то, что говорящий не считает эту причину важной» [НОССРЯ, 2003].

У ЛКТ «юродивый» плач и рыдание часто имеют прогностический характер. Например: *«и прихождаше святыи (Прокопий. – И.Ч.) во многия дома к жителям града Хлынова, идеже зрит болящего человека, и которому востати от болезни, того приемля руками своима, со одра возставляет и радуется о нем; а которому в болезни той умрети, над тем начнет плакати и лобзати рuce свои, к переем прилагаяще и указанием веляше творити погребальная».* Иногда же блаженный предсказывал об угрожавшем городу пожаре — *«и сей блаженный прежде запаления за многие дни восхождаше на церковныя колокольницы и бияше колокола часто, якоже обычай во время огненного запаления звонити».* Когда должно было быть от царя каким-либо строгим указам на Вятке, тогда, *“ходя по торгу, поставляше древца по ряду и бияше те, аки людей”*» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 265].

Обратимся к рассмотрению лексемы «слезы» и наиболее частотных с ней сочетаний – **«говорить, молиться, лобызать со слезами; проливать слезы».**

В своем центральном значении языковая единица «слезы» обозначает капли бесцветной солоноватой жидкости, которые текут из глаз. По определению «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» «причиной слез является сильное внутреннее переживание, иногда – достаточно сложное, но вряд ли физическая боль, причем это внутреннее

переживание может быть и неприятно, и приятно субъекту» [НОССРЯ, 2003]. Рассмотрим на примере ЛКТ «юродивый»: *«Большую же часть ночи со слезами и коленопреклонениями молился за грехи своих обидчиков и досадителей словами Распятого: «Господи, не постави им в грех сего», – молился за спасение тех, которых видел погибающими во грехах, а также и за свое собственное спасение. «О, Исидоре, – говорил он самому себе, обливаясь слезами, – многими скорбьми подобает ти внити в Царствие Небесное, нужно бо есть и нуждницы восхищают е». Крепка была любовь его ко Господу; и Господь возлюбил его. Он еще на земле прославил Исидора даром чудес» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 248].*

Лексема «слезы» образует большое количество сочетаний, указывающих и на характер переживания, и на его проявления, например: горькие, жгучие, злые, холодные, едкие, скупые, неискренние, сладкие, слезы.

В бытовом дискурсе мы, как правило, выделяем слезы тоски и отчаяния, слезы счастья и любви, тогда как в религиозном – покаянные, исповедальные, умиловительные слезы. Например: *«В молодые годы Иоанна Васильевича, во времена гибельных смут боярских, жизнь Василия блаженного была живым укором людям безнравственным и утешала невинно страдавших от произвола и диких страстей. Преданный сын отечества, он горько проливал слезы за своих современников и слезами своими вел их к покаянию. В 1521 году, при Василии Иоанновиче III, незадолго пред нападением татар на русское царство, однажды ночью юродивый Василий пред северными дверьми Успенского (в Кремле. – И.Ч.) собора долго молился со слезами Богу вместе с некоторыми благочестивыми людьми об избавлении сограждан от угрожающей опасности. В храме был слышен страшный шум, виднелся летавший там пламень, от чудотворной Владимирской иконы Божией Матери раздался толос, обличавший жителей Москвы в беззакониях; но теплая, слезная молитва юродивого усиливалась. Затем чудный огонь быстро исчез, шум*

прекратился» [Там же, с. 221].

Упоминание о слезах ассоциируется с внешним видом плачущего. Проповедуя покаяние в народе, юродивый делал это со слезами: *«На третий день Прокопий, ходя по городу, говорил со слезами: «Плачьте, друзья, плачьте о грехах своих, молитесь, чтобы избавил вас Господь от гнева правды Своей, чтобы не погубил вас, как Содом и Гоморру, за беззакония ваши». Но и теперь устюжане не внимали проповеди блаженного»* [Там же, с. 169].

В русском массовом коммуникативном сознании типичные проявления переживания в виде слез свойственны некоторым группам людей, например: женщинам, детям, младенцам [НОССРЯ, 2003]. Сюда можно отнести и юродивых. Проиллюстрируем: *Если же проходил мимо дома, где пили вино, или пели бесстыдные песни, или «иное что святыне противное творяху», то «со слезами лобызаше углы онаго дома», и на вопрос проходящих отвечал: «Неподобающее христианам творится в этом доме. Спаситель повелел нам непрестанно молиться, да не внидем в напасть, а не суетными делами утешаться; сказано в Евангелии: горе вам, смеющиеся ныне (Лк. 6:25). Дом сей изгоняет от себя блюстителей своих – ангелов, приставленных к нам от святой купели, ибо не терпят они таких непотребных деяний и потому, не находя места в таких домах, сидят они на углах, скорбные, и унылые, и я приветствую их со слезами, вы же думаете, что я целую углы. Я просил их, чтобы они умолили Господа о тех людях, к которым они были приставлены, да спасутся». Внимая такой разумной беседе мнимого юродивого, многие «умиляхуся сердца своими», замечает составитель жития его, и благодарили Бога за столь чудного советника»* [Там же, с. 225-226].

Подобно лексемам «плач, рыдание», понятие «слезы» также предполагает сострадание к плачущему. В рассматриваемом нами примере из жития Прокопия Устюжского хотя об этом и не упоминается эксплицитно, но говорится о том, что народ внял страшным небесным знамениям и вместе с юродивым, надеясь на его заступничество, стал приносить покаянные

МОЛИТВЫ: «Через неделю после первого предсказания Прокопия, в полдень, показалось на горизонте черное облако; приближаясь к городу, оно увеличивалось более и более и наконец легло над ним черною тучею. Молнии бегали огненными полосами и страшные грохоты грома раскатывались в воздухе, не прерываясь ни на минуту. От громовых ударов тряслись стены зданий, и от оглушительных звуков не слышно было людского голоса. Тогда-то увидели, что городу грозит гибель, вспомнили о проповеди Прокопия и устремились в соборный храм Богоматери. Прокопий был уже здесь и пред иконою Благовещения молился со слезами, да будет Богоматерь ходатаицею к Сыну Своему и Богу за согрешивших. И весь народ с рыданием и воплями молился о спасении от гнева Божия: вдруг от иконы потекло миро ручейком, и по храму разлилось благоухание. В то же время произошла перемена в воздухе: не стало удушливого зноя, тучи с громом и молнией ушли вдаль — на пустые места. Скоро узнали, что за 20 верст от Устюга, в дебри Котовальской, пали с градом раскаленные камни, поломали лес, но никто из людей не был убит, и даже скот везде остался цел» [Там же, с. 169-170].

Таким образом, как показывает иллюстративный материал, плач, рыдание и слезы (о грехах, грядущих бедствиях, испытаниях и человеческом несовершенстве) являются конститутивной составляющей поведения юродивых, в некоторых случаях их коммуникативными тактиками и стратегиями.

В. Молчание.

Как отметил А. М. Панченко, «идеальный язык юродивого – молчание» [Панченко, 1984, с. 95]. Обратимся к дефиниции глагола «молчать» для рассмотрения одной из форм коммуникативного поведения ЛКТ «юродивый», а именно – молчание.

Новый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой определяет глагол **молчать** как – «1) а) Ничего не говорить, не произносить никаких звуков; безмолвствовать. б) перен. Сохранять тишину, не производить

никаких звуков. 2) Хранить что-л. в тайне, не рассказывать о ком-л., чем-л. 3) Безропотно, без жалоб, без протеста сносить что-л. 4) Не отвечать на письма, не давать о себе вестей. 5) а) перен. Не высказывать публично своего мнения. б) Не писать, не печататься какой-л. период времени (о писателе, ученом, журналисте и т.п.). б) перен. Не проявляться, не давать о себе знать (о чувствах, переживаниях и т.п.)» [СТСРЯ2, 2006].

Акцентируем внимание на лексемах «тишина», «безмолвие», «безропотно», «терпеливо» (в значении – без жалоб, без протеста).

По разъяснению «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» различие между «*безмолвием, молчанием и тишиной*» в следующем: **Безмолвие** обозначает полное, глубокое молчание. Основное отличие **молчания** от тишины – в том, что первый синоним указывает на ожидание разговора, диалога, то есть на обязательное наличие потенциального собеседника [НОССРЯ, 2003]. Например: *«Когда ему (Прокопию) исполнилось 20 лет, родители думали о браке сына, но он, тайно опять оставив дом их, ушел в город Хлынов и принял подвиг юродства Христа ради, терпя холод и наготу, зной и мороз, насмешки и озлобление от людей. «И хождаше блж. Прокопий, – как сказано в житии его, – на всяк день от церкви к церкви, по торгу и по улицам, и речи его никтоже увиде, токмо в молчании пребывая. Все же мняху его, яко юрода суца и ум погубивша, почему и многия досаждения и укорения, и раны даяху ему; он же, яко в чужом телеси, все с благодарением терпяше» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 264].* Причинами, вызывающими молчание у юродивого, были не замешательство или смущение, а его демонстративный отказ от диалога.

Безмолвие в целом значительнее молчания и тишины и, как правило, возникает тогда, когда субъект полностью поглощен какой-либо важной мыслью, чувством и потому как бы не замечает происходящего, не участвует в нем. Но тогда, по словам А. М. Панченко «безмолвие не позволяет (или затрудняет) выполнять функции общественного служения» [Панченко, 1984,

с. 95]. Например: *«Ум блаженного (Василия) постоянно был занят молитвою и богомыслием ... блаженный «ничтоже глаголаше, аки безгласен творяшеся, утаитися мня от человек добродетельми, Богу же точию ведом быти», «в мире живой безмолвствовал, яко в пустыни, в народе пребывая, яко в кающихся обители». При таком исключительном образе жизни, у него, естественно, не было ни с кем ни дружбы, ни близкого знакомства, всем он был чужой; и только в редких случаях пользовался приютом у одной благочестивой вдовы» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 220].*

Молчание юродивого могло тяготить или даже стеснять окружающих. В житии преподобной Исидоры юродивой читаем: *« ... Никогда преподобная не оскорбляла никого словом, никогда не гневалась ни на кого, никогда не роптала на Бога, но всегда пребывала в молчании; никогда она не вела ни с кем ни длинной, ни короткой беседы и вообще ни с кем не разговаривала, несмотря на то, что другие сестры ее часто и били, и злословили» [«Житие преподобной Исидоры юродивой», www].* Безответность юродивой провоцировало сестер монастыря. Как видим лексема «молчание» сочетается с глаголом существования «быть, пребывать». Таким образом, из примера следует, что юродивая всегда была погружена в молчание, а часто замыкалась в нем.

Рассмотрим «молчание» юродивого в рамках религиозного дискурса. Объяснением причин молчания у христианских подвижников могут послужить следующие слова св. Исаака Сирина: *«Всегдашнее молчание и хранение безмолвия бывают у человека по следующим трем причинам: или ради славы человеческой, или по горячей ревности к добродетели, или потому что человек внутри себя имеет некое божественное собеседование и ум его влечется к последнему. Поэтому, если в ком нет одной из последних причин, то по необходимости недугует он первую немощью» [Цит. по: Беляев, 1998, с. 123].* Проиллюстрируем это утверждение: *«Блаженный Андрей с детских лет был избран Богом на особое, подвижническое*

служение ... С младенчества же он совершенно не разговаривал с людьми, взяв на себя обет **молчаливчества**. Он произносил всего лишь два слова: "мама", "Анна". Его молчание следует рассматривать как сознательный подвиг юродства Христа ради. И, прежде всего потому, что несколько раз в своей жизни Андрей Ильич неожиданно для окружающих нарушал свое молчание. Это были редчайшие случаи. Так, 1825 г. в Симбирск привезли одного местного помещика, который в припадке сумасшествия отчаянно хулил Бога. К нему в дом неожиданно явился Андрей Ильич и стал, как часто он делал, покачиваться из стороны в сторону. Слуга в это время нес больному ломтик арбуза, но блаженный остановил его и, оттесняя от помешанного, ко всеобщему изумлению, ясно произнес: "Он Бога бранит". Матери же этого помещика, попросившей блаженного Андрея помолиться о ней, болящей, он так же ясно ответил с церковной паперти: "Будешь здорова". И она, правда, в скором времени выздоровела» [Мельник, «Святой блаженный Андрей Христа ради юродивый», www].

В жизнеописании некоторых юродивых можно обнаружить весьма необычное и оригинальное коммуникативное поведение. Например: «В лесу встретили они (крестьяне) блуждавшего юродивого Симона в изодранной рубашке. Увидев людей, юродивый в испуге стал укрываться; но они догнали его и на вопрос, кто он и откуда пришел сюда, скиталец **ничего им не отвечал**, как бы действительно был безумный, только часто произносил свое имя: «Симон, Симон», – как обыкновенно делают безумные» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 272]. В приведенном примере, согласно А. М. Панченко, происходит развитие принципа молчания, которое переходит в «глоссолалию – косноязычное бормотание, понятное только юродивому, «словеса мутна» ... Они – сродни детскому языку» [Панченко, 1984, с. 96].

Исследователь предлагает считать молчание юродивого своеобразной «автокоммуникацией», т.е. речью-молитвой обращенной к себе и Богу, что непосредственно относится к самопознанию и совершенствованию. Однако

этот принцип может и модифицироваться. Г. П. Федотов в книге «Святые Древней Руси» описывает поведение св. юродивого Михаил Клопского: *«В ночь под Иванов день (1409 г.), во время всенощной, в келье одного из монахов оказался неведомо откуда пришедший старец. "Пред ним свеща горит, а пише седя Деяния апостольска". На все вопросы игумена неизвестный отвечает буквальным повторением его слов. Его, было, приняли за беса, начали кадить "темьяном" но старец, хотя "от темьяна закрывается", но молитвы повторяет и крест творит. В церкви и трапезной он ведет себя "по чину" и обнаруживает особенное искусство сладкогласного чтения ... С тех пор Михаил жил в монастыре, окруженный всеобщим уважением ... Молчание свое он прерывает для загадочных пророчеств, которые составляют все содержание его жития. То он указывает место, где рыть колодезь, то предсказывает голод и учит кормить голодных монастырской рожью. Суровый к сильным мира сего, он предсказывает болезнь посаднику, обижавшему монастырь, и смерть князю Шемяке и архиепископу Евфимию I»* [Федотов, 2000, с. 166-167]. Прокомментируем пример. Опуская начало вопросов игумена, юродивый Михаил откликался на них как эхо. В свою очередь игумен уразумев, что старец не безумец, а молчальник, успокоил братию и сам стал прислушиваться к нему.

Отметим, что юродивому Михаилу Клопскому, также как и многим другим подвижникам жившим позже него, были даны знания о будущем. По словам преп. Иоанна Лествичника: *«любитель (здорового) молчания ... приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвещается от Него»* [Цит. по: Беляев, 1998, с. 120], т.е. получает откровения (в виде пророчеств, предупреждений) свыше. Приведем пример: *«Алексея Ивановича пригласили быть крестным, он согласился. Запрягли лошадь и отправились в церковь крестить. Блаженный не поехал, пошел по своему обыкновению пешком. Младенца крестили; через два дня собирались праздновать день его Ангела. Не заметили, как появился в этот день в доме своего крестника Алексей*

Иванович. Молча вошел, постоял и, ни слова не говоря, лег на пол, руки сложил на груди и лежал тихо, будто и впрямь неживой. С недоумением и растерянностью глядели родные на Алексея Ивановича. Но он так же тихо ушел, ничего не сказав. И забыли про это Анна Николаевна с мужем. Вспомнили только через сорок два года, когда Николай был найден мертвым в городском саду Кинешмы, и они увидели его лежащим в той самой позе, в какой лежал когда-то блаженный» [Ковалевский, «Подвиг юродства», с. 302].

Блаженному Алексею Елнатскому было известно и о собственной печальной участи, и чтобы не огорчать родственников он предпочел это скрыть. Проиллюстрируем: «Увидев на плече Алексея Ивановича мешок, Анна Николаевна спросила: «–Ну, Алексей Иванович, совсем приходишь к нам жить?» **Тот ничего не ответил**, выложил из мешка вещи, распорядился, кому что отдать. Почувствовав необыкновенное, притихли домашние. До утра они разговаривали, а утром Алексей Иванович попрощался и отправился в Парфеново, где его уже поджидали, чтобы арестовать» [Там же, с. 303]. Итак, молчание юродивого можно трактовать и как особую, но достаточно нетрудно поддающуюся расшифровке кодировку. Не поняв до конца символических действий Алексея Ивановича, его домашние, тем не менее, почувствовали беспокойство и нечто необычное.

Рассмотрим валентность лексемы «молча». Обратимся к примеру: «Очень немногие понимали истинное значение подвига блаженного Николая, но и от них он старался уклониться, избегая славы мира сего. Большинство не понимали его. Они презирали этого полунагого скитальца, смеялись над ним, бранили и били. Блаженный же не только все это **переносил молча и терпеливо**; но покрывал любовью и втайне молился за тех, которые незаслуженно оскорбляли его. Он даже радовался, что терпел столько унижений, столько встречал и переносил незаслуженных страданий» [Там же, с. 190]. Лексема «молча» находится в одном синонимическом ряду с «терпеливо». Чтобы подтвердить оправданность такого употребления при

описании поведения юродивого приведем дефиницию лексической единицы «терпение» «1) Процесс действия по знач. глаг.: терпеть. 2) Состояние по знач. глаг.: терпеть. 3) Способность сохранять выдержку, самообладание в ожидании нужных результатов. 4) Способность заниматься чем-л. долго, проявляя упорство и настойчивость» [СТСРЯЗ, 2006].

Следовательно, молчание юродивого создавало дополнительные коммуникативные сложности и требовало от него «выдержки, самообладания, упорства и настойчивости».

Таким образом, вербальное и невербальное поведение ЛКТ «юродивый» является системообразующим аспектом, важным для анализа данного типажа.

4.3. Концепт «лжеюродство» как антиномия культурного концепта «юродство»

Согласно историческим сведениям, с конца XVI века на Руси юродство постепенно приобретает меньшую значимость в церковной жизни. В Синодальный период Русская Православная Церковь начинает с осторожностью относиться к этому подвигу и явлению. Возможные причины в том, что при сходстве внешних проявлений юродство могло иметь разные цели и мотивы. Если рассматривать юродство («Христа ради») в точном смысле слова, то это – подвиг борьбы с собственной гордыней, направленный на спасение и преодоление соблазнов мира. С другой стороны, это и поведение не совсем психически здоровых людей. В народе они получили наименование «блаженненькие». Также случалось, что некоторые надевали на себя личину безумия ради удовлетворения собственной гордыни, ради обретения каких-либо земных благ, славы. Иными словами, речь шла о духовном недуге, о состоянии «прельщенности». И со стороны не всегда было легко разобраться и понять, какой же все-таки был случай.

Рубеж XIX-XX веков в России ознаменован резким ростом фальшивого юродства и увеличением числа их представителей – тех, которых называют «юродствующими» или «лжеюродивыми»). Этому можно дать некоторые объяснения. С одной стороны, настоящие юродивые (те, которые вели жизнь «богоугодную», «подвижническую», творили чудеса как при жизни, так и после смерти) были почитаемы в народе как праведники и святые. В связи с этим у обывателей возникала склонность принимать за настоящих юродивых обыкновенных душевнобольных, чье поведение лишь отдаленно и отчасти напоминало образ жизни юродивых. С другой стороны, благодаря любви и сильному уважению к юродивым, некоторые «предприимчивые люди» стали выдавать себя за юродивых и «гоняться» за щедрыми подаяниями и человеческой славой [Ларше, 2012, с. 22].

«Лжеюродство» представляет собой антиномию культурного концепта «юродство». Проанализируем содержание этих концептов и рассмотрим на примерах их существенные различия. Обращаясь к лингвокультурным концептам, приведем их базовые характеристики. Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 40]. В обобщенном определении «концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Калашникова, 2008, с. 98]. В. И. Карасик характеризует лингвокультурный концепт в виде «кванта переживаемого опыта, который моделируется как трехмерное образование, в составе которого можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики», который связан с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется. [Карасик, 2009 а, с. 9].

Если *юродство* с позиции лингвистики получило некоторое освещение,

так В. А. Маслова проанализировала «представления о человеке – дурак и юродивый» [Маслова, 2008], Е. В. Маслий кратко описала «концепт «юрродство» как самобытный феномен русской культуры» [Маслий, 2007], «языковое представление авторской метафоры Ф. М. Достоевского «юрродивый персонаж есть христоликый персонаж»» было рассмотрено Н. А. Азаренко [Азаренко 2013], то *лжеюрродство* фактически не подвергалось лингвистическому изучению. О. А. Дмитриева в своей работе «Языковая репрезентация концептов "юрродство" и "лжеюрродство" в русской лингвокультуре» [Дмитриева, 2014 b] указала на конститутивные признаки сравниваемых концептов, акцентируя внимание на основном диагностическом признаке, лежащем в основе разделения *лжеюрродства* и *юрродства* – ценностной составляющей. Разделяя мнение О. А. Дмитриевой, мы детализируем описание концепта *лжеюрродство*, сопровождая его текстовыми примерами.

Для анализа понятийных характеристик концептов «юрродство» и «лжеюрродство» обратимся к словарным дефинициям. В «Большом толковом словаре русского языка», дефиниция «юрродство» представлена следующим образом: «1. Поведение, свойственное юродивому. 2. Нарочито ненормальное, придурковатое поведение. 3. Бессмысленный, нелепый поступок» [БТСРЯ, 2000]. Согласно «Словарю церковно-славянского и русского языка» – *юрродство*: «1. Глупость, безумие. 2. Христианское подвижничество в виде юродивого (подвижника, представляющегося глупым, или странным из смирения, и ради вечного своего спасения)» [СЦсРЯ, 1847].

Приведенные дефиниции помогают выделить конститутивный признак понятийной составляющей концепта «юрродство» – нарочитое или намеренное безумное поведение, необходимое для духовного подвига и приобретения смирения. Дополнительные значения приведенной лексемы, такие как «глупость, безумие; бессмысленный, нелепый поступок» указывают на размывание доминирующего признака, что свидетельствует о

неоднородном понимании феномена *юродства* в коммуникативно-массовом сознании русского народа.

Дефиниция лексемы *лжеюродство* не представлена в словарях, однако, очевидно, что префиксоид *лже-* (который обозначает *обман или ложь*) полностью трансформирует понятийное ядро концепта «*юродство*». В русской лингвокультуре *лжеюродство* отрефлексировано несколькими лексемами, например: «пустосвятство», «ханжество». По определению словаря В. Даля: «*ханжество* – притворная набожность; пустосвятство» [ТСЖВРЯ, 1909] и «*пустосвятство* – набожность внешняя, мнимое, наружное благочестие, голая обрядливость, оказательство, суетность богопочитания; прямое ханжество, лицемерие» [ТСЖВРЯ, 1907]. В указанных дефинициях мы находим полное подтверждение того, что корни «*лжеюродства*» происходят из формализации богопочитания, а именно – притворства, что приводит к редукции сакральности.

Рассматривая *кликушество* как один из аспектов *лжеюродства*, О. А. Дмитриева считает, что хотя *кликушество* представляется типичным признаком поведения женщины, «такая позиция неправомерно сужает понимание концепта «*лжеюродство*», гендерная специфика которого нами не зафиксирована и не является релевантным признаком» [Дмитриева, 2014 б, с. 31]. Если обратиться к тексту, составленному царем Иоанном Грозным (II-е послание к Собору), где содержится жалоба о том, что «*лживые пророки, мужики и женки, и девки, и старые бабы бегают из села в село, нагие и босые, с распущенными волосами, трясутся и бьются, и кричат: св. Анастасия и св. Пятница велят им*» [Пыляев, 1897, с. 216], то становится очевидным, что в разряд *лжеюродивых* включены разновозрастные феминные и маскулинные представители русской лингвокультуры.

Являясь концептами, «*юродство*» и «*лжеюродство*» реализуются как тип коммуникативного поведения личности. Поэтому, обращение к языковым личностям «*юродивый*» и «*лжеюродивый*» позволяет подробнее и полнее рассмотреть данные корневые концепты.

Считаем необходимым рассмотреть *лжеюродство* как проявление психической болезни. Известно, что у душевнобольного существует разлад психического строя на разных уровнях: 1) на поверхностном (поведенческом), который проявляется в психопатии, 2) эмоциональном, и 3) еще более глубоком, когда у человека расстраивается мышление, воля и он начинает заражаться разными бредовыми идеями и галлюцинировать. Такой человек неадекватно устанавливает связи между событиями и людьми, не критичен по отношению к себе и окружающим. Иными словами из-за нарушения самосознания человека, целостности личности, нарушается способность руководить своими желаниями, мыслями, волей: «... *От природы не имевший рассудка, простой мужик одной из близлежащих к Задонску деревень – Антонушка имел постоянное пребывание в этом городе и славился там как юродивый прорицатель и псевдо-чудотворец ... При полном отсутствии рассудка, он редко говорил; если же проговаривал иногда два-три слова, то уже твердить их несколько раз безостановочно ... Члены семейства, желая каждый услышать предсказание о будущем, выходили по одиночке из другой комнаты и показывались Антонушке. При входе одного из сыновей г. С-ва, он начал повторять: «паромы плывут ... паромы плывут». Вышла девушка, Антон заговорил: «Чи дивка без котов пришла? Чи дивка без котов пришла?» При появлении другой, он сказал: «вари кулешу, вари кулешу». Купцу Ш-ну, родственнику С-ва, Антон прорек: «Чи мене на поселенье сошлют? Чи мене на поселенье сошлют»? Антонушку потчевали чем Бог послал и отвезли во свояси» [Прыжов, «26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков», с. 133-137]. Таким образом, психическая болезнь не является обязательным релевантным признаком *лжеюродства*, а носит факультативный характер.*

Анализируемые концепты принадлежат бытийной сфере человека. Признавая, что «существование – всегда усилие ... и как только борьба ослабевает – существование теряет свою интенсивность» [Бугаев, 2012, с. 32], добавим, что для юродивых и лжеюродивых «мир это сцена, но если

мы заглянем за кулисы, т.е. если посмотрим на них, когда они одни и не предполагают наличия посторонних глаз, то в первом случае мы увидим святых подвижников, а во втором – проходимцев и грешников» [Недоспасова, www]. Следующий пример поведения «лжеюродивого» подтверждает вышесказанное: *«Один благочестивый купец, зайдя раз нечаянно к своим приказчикам, застал там столь почитаемого им отца Андрея среди полного разгула, да еще в пятницу, а приказчики еще нарочно поставили перед ним тарелку с колбасой. – Что ты это делаешь, отец Андрей? вопрошает изумленный почитатель юродивого пройдохи. Отец Андрей, нисколько не сконфузясь, отвечает: – А разве ты не читал в Прологе, что угодники Божии также ели колбасу? В другой раз одна барыня застала его со своей горничной. – Что ты батюшка, озорничаешь? сказала она, всплеснув руками. «Нет, матушка Матрена Ивановна», отвечал пройдоха, «не озорничаю, а искушаю....»* [Прыжов, «26 московских ... », с. 93–94]. В тексте, кроме примера безнравственного поведения, мы находим номинацию *лжеюродивого* лексемой «пройдоха», которая означает «пролаз, проныра, хитрый плут, от которого ничего не уйдет» [ТСЖВРЯ, 1907].

Таким образом, в основе дифференциации *лжеюродства* и *юродства* находится ценностная составляющая. Юродивый представляется глупым и странным из смирения, ради социального служения и своего вечного спасения. Благочестие же *лжеюродивого* – наружное, набожность – мнимая и внешняя, богопочитание – суетное, поведение – безнравственное, что ведет к полной редукции сакральности.

4.4. Специфика коммуникативного поведения «лжеюродивого»

На основе данных, полученных в процессе анализа текстового материала, мы можем выделить некоторые общие черты, присущие коммуникативному поведению *лжеюродивых*, а также контексты,

раскрывающие концепт «лжеюрродство».

С одной стороны, типичная стратегия поведения лжеюрродивого – произвести впечатление на окружающих: «...много юродивых и других странных и полупомешанных людей являлись в церкви в «кощунных одеждах», кричали, пели и делали разные бесчинства во время богослужения единственно из корыстного желания обратить на себя внимание богомольцев» [Пыляев, 1897, с. 216], показать себя аскетом и подвижником: «... Идя же в дом еще более благочестивый он (о. Андрей) надевает на себя вериги, зная, что его оставят там ночевать, и устроит так искусно что, непременно кто-нибудь увидит его вериги. Приготовят ему мягкую и чистую постель, но он никак не ляжет на нее, а ляжет на голом полу. «Поспишь здесь на жестком», говорит он, «на том свете уснешь на мягком». На этом же основании он прикидывается великим постником и в доме ханжей съедает только два грибка да соленький огурчик» [Прыжов, «26 московских ... », с. 91–92].

С другой стороны, обязательным признаком лжеюрродивого является внешняя имитация или подражание «юрродивому Христа ради», например: «Ксенофонт Пехорский ... променял труды, хотя тяжелые и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добывание денег юрродством. Сметливый мужик понял, как и чем можно действовать на людей. Здоровый человек лет тридцати, он вдруг представился болящим, постящимся, стал ходить босиком с большою палкой в руках, с непокрытою головой, и начал говорить темные речи, вполне уверенный, что на его век станет дураков, которых бы он руководствовал на пути к спасению» [Там же, с. 73].

В указанном примере представлены ценностные ориентиры лжеюрродивого: выгода, почет, слава, намерение казаться святым, иными словами, он «перевоплощается» ради корысти, и в этом есть ключевой момент разграничения юрродства и лжеюрродства. Ценностные приоритеты истинных юродивых: смирение, поношение и унижения, тайный духовный подвиг.

Обращаясь к коммуникативному поведению *лжеюродивых*, отметим, что оно бессодержательно с точки зрения воздействия на ценностные доминанты реципиентов, т.к. копируется лишь внешняя сторона поведения *юродивых* и оно не базируется на стремлении к святости. Данное утверждение можно проиллюстрировать следующим примером: *«Предсказания его (Ивана Яковлевича) и записочки всегда (были) загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все, и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известною целью, они постоянно сбываются»* [Там же, с. 8]. Более того, мы не зафиксировали случаи, чтобы человек, поверив лжеюродивому, впоследствии уверовал в Бога, стал ориентироваться на суперморальные ценности. Напротив, попав под влияние лжеюродивого, человек слепо следует за ним. В стихотворении «На похороны Ивана Яковлевича Корейши», представлено обличение этого заблуждения:

«Угас пророк, достойный лучшей доли! ...

Кто будет мило так дурачить вас, как он,

И услаждать ваш слух своею бранью?

Кто будет вас кормить бурдою с табаком
из грязного, вонючего сосуда ...

Того уж нет, к кому полвека напролет

Питали вы в душе благоговенье,

И, в слепоте, всему, что сдуру ни соврет,

Давали вы глубокое значенье.

Да, плачьте, бедные, о том, кого уж нет,

Кто дорог был равно для малых и великих;

Но плачьте и том, что просвещенья свет

Еще не озарил понятий ваших диких!» [Там же, с. 36–37].

Следует отметить, что автор описал реальные события из жизни *лжеюродивого И. Я. Корейши* и его почитателей.

В современном массовом сознании оценка поведения юродивого и лжеюродивого совпадает и характеризуется следующими лексемами:

странное, нелепое, эпатажное, ненормальное, нарочитое, неадекватное, чудное, провокационное, непотребное и другие. Однако, если для юродивого данный тип поведения, а именно пренебрежение общепринятыми нормами поведения, является намеренной стратегией поведения для сокрытия нравственного подвига, то в случае с лжеюродивым следует говорить о формальном характере, обусловленном материальным интересом. Поэтому, именно несоответствие ценностных приоритетов, определяющих причину ненормативного поведения юродивого и лжеюродивого, выводит нас на единственный диагностический признак, разграничивающий юродство и лжеюродство: юродивый живет согласно Заповедям Божиим, а лжеюродивый сознательно пренебрегает ими.

Как отмечает О. А. Дмитриева, «При внешнем сходстве как в образно-перцептивном плане, так и в коммуникативном проявлении, основным критерием разграничения данных концептов является признак *христоцентричности*: юродивый Христа ради, борющийся с гордыней и тщеславием стоит в оппозиции проходимцу, юродствующему во имя себя и для себя, стремящемуся подпитать свою гордыню. В данном случае имеет место тот факт, что сам подвиг берется уже ради гордыни – с целью материальных выгод, или манипуляции кем-то, или удовлетворения собственной властности» [Дмитриева, 2014 б, с. 32].

Можно утверждать, что внешне и формально подражая юродивому, играя его роль, *лжеюродивый* создает себе имидж «праведника». Рассмотрим взаимосвязь понятий «имидж», «роль», «образ» поскольку они дают нам представления о человеке, определяя дальнейшее восприятие его поведения.

В буквальном переводе с английского языка «имидж» (*image*) означает «образ». Это понятие происходит от латинского *imago*, связанного со словом *imitari* – имитировать [Татарина, 2009, с. 252]. Для дифференциации в первую очередь обратимся к лексеме «образ». «Большой толковый словарь русского языка» определяет «образ» как: «1. Внешний вид, облик; наружность, внешность. 2. Живое, наглядное представление о ком-л., чем-л.,

возникающее в воображении, мыслях кого-л. 3. Форма восприятия сознанием явлений объективной действительности; отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира. 4. Обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления. 5. Характер, склад, направление чего-л. 6. Способ, средство» [БТСРЯ, 2000]. Как видим, в русском языке существует шесть разных значений слова «образ».

В английском языке «*image*» имеет, как минимум, пять значений – 1) образ, 2) статуя (идол), 3) подобие, 4) метафора, 5) икона [Татарина, 2009, с. 253]. При этом в английской речи данная лексема чаще употребляется в значении «образ», поэтому большинство лингвистов и переводят «имидж», используя это первое значение. Однако, неправомерно отождествлять эти два понятия.

В типологическом портрете *лжеюродивого*, по нашему убеждению, имплицитно присутствует понятие «образ», например: *«В 40-х годах (19 в.) на московских улицах появилась молодая девица, лет двадцати, не дурная собой, стройная; распущенные ее волосы были покрыты черным платком, а ноги босы. В это же время бегал в Москве известный Филипушка, с огромной палкой, на которой сидел литой медный голубь, самая же палка была весом около пуда; в другой руке у него был колокольчик, и он в него звонил. Одежда у него была полумонашеская. За Филипушкой постоянно бегала толпа женщин и мальчишек»* [Прыжов, «26 московских ...», с. 101–102]. Данное описание внешности «*лжеюродивых*» дает наглядное и живое представление о подобной категории людей. Не зная внутренней составляющей индивида, сложно безошибочно определить его аксиологическое наполнение и напротив легко ассоциировать его с положительным образцом: *«... крепко соблазнившись возможностью набрать трудовых, чужих грошей, Никанор облачается в черную власяницу, отрацивает себе бороду и волосы, и превращается таким образом в отца Никанора. В этом новом чине он сначала терся около простосердечных*

пришельцев – мужичков и баб потом, приискав себе ловких пидбрихачей, вдруг скрылся затем разнесся слух, что Никанор затворился и жаждущим прорицает будущее» [Там же, с. 130]. Как мы видим, формальное сходство с юродивым представляется выгодным с позиции улучшения жизни, существования и приобретения материальных благ.

Перейдем к рассмотрению понятия «имидж». Согласно Толковому словарю Ефремовой: *имидж* м. – «образ человека, включающий в себя внешность, манеру поведения, общения и т.п., способствующие воздействию на окружающих» [СТСРЯ1, 2006]. «Большой иллюстрированный словарь иностранных слов» дополняет: *имидж* – «целенаправленно сформированный образ (какого-л. лица, явления, предмета), выделяющий определенные ценностные характеристики, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-л. в целях популяризации, рекламы и т.п.» [БИСИС, 2002]. Как видим, в данной дефиниции выделяются: 1) наличие/отсутствие тех или иных ценностных характеристик и 2) способность воздействия на окружающих в разных целях. Обратимся к «имиджу» *лжеюродивого*.

Рассуждая о сущности «лжеюродства» И. Г. Прыжов пишет: *«Она (Агаша), без сомнения, из крестьянок, потому что из барынь никогда не выходили юродивые: барыни только умеют спастись посредством юродивых! ... долгое время собирались к Агаше барыни и купчихи, узнать у ней о будущем, спросить о покраже, словом отвести себе душу в беседе с существом, которое они считали несравненно высшим себя ... И лжеюродивые, понимая очень хорошо свое высокое общественное значение, и держали себя, как можно выше и величественнее ... Это понимала и Агаша. Бывая в церкви, она нисколько не церемонилась: была как дома, разговаривала громко и, когда нужно, смеялась» [Прыжов, «26 московских ... », с. 114–116].* В приведенном отрывке Агаша посредством бесцеремонности, громкого разговора и смеха целенаправленно и преднамеренно формировала свой имидж и создавала у людей определенную

оценку этого образа.

Формирование имиджа имеет свою стратегическую цель – манипулирование окружающими. Для этого, *лжеюродивый* часто пытается возвысить свой статус через различные беседы, при этом прославляя в них самого себя, например: *«Пожив немного в своей келье и вероятно соскучившись, он (Гавриил. – И. Ч.) опять явился в Москве к неописанной радости его почитателей. Он им рассказывал, что ему там не давали покоя разные демонские искушения. Демоны в разных видах не оставляли его ни днем, ни ночью ... к нему то являлись разный чудовища, то слышался вой волков, то будто бы разбойники пришли его убить и топорам стучатся в его двери, то появлялись молодые нагие красавицы и обнимали его» [Там же, с. 80].*

В приведенном ниже тексте, *лжеюродивый(-ая)* прибегают к грубому обращению, пренебрежению, фамильярности, для формирования у окружающих позитивной оценки своей личности: *«Слава о Марье Ивановне росла, к ней съезжались московские барыни и купчихи, наконец она исцелила одного богатого откупщика и этим приобрела еще большую славу ... На основании того, что Марья Ивановна была необыкновенная женщина, не похожая на остальных смертных, она обращалась с своими знакомыми свысока, даже грубо, что еще выше поднимало ее в общем мнении. Всех, без различия звания и пола, она называла одними только именами: Иван, Степан, Ольга, Катерина, Анна и т. под., хотя эти Иваны и Степаны, послушные ей как овечки, считались в миру самыми сильными людьми. В ее гостиничной решались разные общественные и домашние дела» [Там же, с. 108-110].* Уже сформированный имидж Марьи Ивановны как «необыкновенной женщины» затеняет ее отрицательные черты.

Определенная психологическая тактика воздействия способствует поднятию имиджа *лжеюродивого*: *«Каждый богомолец подходил, прикладывался к образам на палке и давал грош. Бесперывный перечень душ, которых он (Федор. – И. Ч.) обязывался поминать, надоедал ему; и вот, едва*

крестьянин, или крестьянка откроет рот и успеет вымолвить «помяни...» святоша прерывает начатую фразу лаконическими возгласами, с киваньем головой, знаю!... знаю, кого!... знаю... Удивленные богомольцы благоговейно крестятся и шепчутся между собой: вот уж подлинно-то святая душенька! ты только рот разинешь, а уже он и знает кого нужно помянуть» [Там же, с. 148-149]. Автор приведенного текстового фрагмента употребил лексему «святоша», что свидетельствует о его негативном отношении к лжеюродивому Федору.

Рассматривая «лжеюродство» как позерство, игру и исполнение определенной роли, необходимо рассмотреть дефиницию лексической единицы «роль». Согласно «Толковому словарю Ефремовой», *роль* – «1. ж. 1) а) Художественный образ, создаваемый актером (на сцене, в кинофильме и т.п.). б) перен. Неестественная, наигранная манера поведения. 2) Совокупный текст одного действующего лица в пьесе. 3) перен. Степень участия, влияние, значение в каком-л. деле, предприятии, событии. 4) Форма поведения человека в какой-л. ситуации, обусловленной определенными обстоятельствами (в социологии)» [СТСРЯЗ, 2006].

Лжеюродивый, также как и актер, создает образ и сам исполняет определенную отведенную себе роль: «С тех пор, как он вышел на общественную деятельность, на общественное служение, он (Матюша) был нищим в городских рядах, и для удовольствия именитого купечества кувыркался и дурачился за копеечку серебром» [Прыжов, «26 московских ... », с. 67]. Этот пример подтверждает определение, что *роль* – «назначение, функция кого-, чего-л.; род деятельности, проявление себя в качестве кого-л.» [БТСРЯ, 2000].

В словаре Михельсона «Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» находим сочетания с лексемой «роль»: «Знать свою роль – (иносказ.) знать как действовать» и «входить в свою роль – (иносказ.) привыкнуть к своему общественному положению и сопряженному с этим обращению [РМиР, 1912]. Эти фразеологизмы напрямую применимы и относятся к

лжеюродивому(-ой), например: « ... Но Марфа Герасимовна снова вошла в затвор, снова начала плести кружева, высовываться из своего окошечка и изрекать оттуда кару или спасение, смотря потому, как ей вздумается. Снова толпы купчих и барынь теснятся у ее окошечка, ожидая ее по часу иди по два ... Вот подошла к окошку старушка мещанка, и причитает умильным голосом: «дай ты, матушка Марфа Герасимовна, дай ты, матушка, дитяще-то моему, Насте, благословеньце-то». Сайка сунута, сунуть и двугривенный, но Марфе Герасимовне (все) больно надоели, она подошла к решетке, зарычала и ушла, а бедная мещанка столичного города Москвы начинает выть и голосить, что и великая-то она грешница, которой Марфа Герасимовна и кружевца то не пожаловала, и как ей быть теперь бедной, куда деваться и что соорудить с детищем» [Прыжов, «26 московских ... », с. 119].

Фразеологизм «играть роль» означает – действовать, участвовать в действиях [РМиР, 1912]. *Лжеюродивый(-ая)* всегда «играет роль», но случается, что продуманная и запланированная игра бывает не всегда удачной, как например: «Потом, не обращая внимания на вошедших, он (Серафим) сказал: «Вот пришли! Они думают, что я цыган, буду им ворожить о деньгах. Деньги украла рыжая девка!» Но эта меткая фраза не одурачила г-жи А-ой: она сейчас же догадалась, что плут Серафим уже слышал о пропаже денег из разговоров сестры ее, часто бывающей у Ф-ой, и потому не обратила особенного внимания ни на лже-пророка, на пророчество» [Прыжов, «26 московских ... », с. 153]. В приведенном тексте *лжеюродивый* номинируется ярким синонимом – *плут*.

Лжеюродивый(вая) зачастую примеряет и «меняет роль» так же, как и одежду, например: «И теперь, когда мать Ольга отъезжает в Петербург, она шапочку меняет на чепчик, шушун на салоп, живет в Петербурге припеваючи, и когда порастрясет свои капиталыцы, возвращается в Москву, снова облачается в шушун и шапочку и отправляется на подвиг спасения замоскворецких купчих» [Там же, с. 59]. Перед нами две диаметрально

противоположные роли – зажиточной барыни (пока есть средства) и юродивой-нищенки (когда средства заканчиваются) в исполнении одного и того же человека.

Обобщим вышеизложенное. В современной русской лингвокультуре концепт «юродство» трансформировался и частично редуцировался. Из-за потери центральной доминанты юродства – христоцентричности, произошла перестановка важнейших диагностических признаков: *добровольный подвиг, терпение поношений и унижений ради приобретения смирения*, а также ценностных приоритетов, определяющих коммуникативное поведение юродивых Христа ради: *аскетизм, самоуничижение, обличение, наставление, пророчество*. Ценностными приоритетами *лжеюродивых* являются следующие: *привлечение внимания, материальное благополучие, извлечение выгоды из обстоятельств, расположения, болезни*. Понять содержание концепта «лжеюродство» помогает обращение к формальным признакам или внешним проявлениям юродства. Отсутствие ценностной доминанты «Христа ради», внутренней духовной наполненности, наличие внешней атрибутики, при типичном коммуникативном проявлении, выявляют сущность «лжеюродства». Таким образом, устанавливается минимизация сакральности, (выражающейся в святости), у *лжеюродивого*, которая из истинной (как у юродивого) трансформируется в мнимую и ложную. Предлагаем рассматривать *лжеюродство* в качестве имиджа по отношению к юродству.

Выводы по главе 4

В рамках четвертой главы моделируется концепт «юродство», характеризующийся набором диагностирующих признаков, среди которых аскеза и самоотречение представляются основополагающими. Анализируется коммуникативная характеристика ЛКТ «юродивый», имеющая вербальную и

невербальную форму проявления, которые дополняют друг друга и усиливают фасцинирующий эффект. Моделируется концепт «лжеюродство», представляющий собой антиномию юродства, проводится их сравнительно-сопоставительный анализ.

Коммуникативное поведение юродивого характеризуется следующими проявлениями: 1) смехом и его формами: хохотом, улыбочностью, ласковыми шутками; 2) плачем и его видами: слезами, рыданием (из-за скорби о своих и чужих грехах) и 3) безмолвием, молчанием и молчаливостью. По своим свойствам и содержанию все эти действия относятся к положительным проявлениям поведения ЛКТ «юродивый».

Смех юродивого не вписывается в правила «карнавального смеха», т.к. функция юродивого не в том, чтобы осуществлять смеховые действия для мира. Его задача заключается в осмеивании греха, порока и мирских привязанностей.

Поведение ЛКТ «юродивый» также можно рассматривать как антиповедение, формально воспринимаемое как неэкологичное общение. Однако при детальном анализе коммуникативной ситуации, включающем пресуппозиции, юродство представляется экологичным, поскольку приводит к позитивным изменениям ценностных ориентиров реципиентов. Иллокутивная составляющая речевых высказываний юродивого направлена на качественное перерождение личности реципиента, а именно преодоление негативных черт личности (грехов).

В рассмотренном и проанализированном материале из средств невербальной коммуникации мы выделили по частотности: 1) кинесику (является языком предсказания и пророчеств); 2) сенсорику (чувственное восприятие юродивого вызывает безгливость/сочувствие; дистанция при общении); 3) экстралингвистику (из-за тяжести подвига у ЛКТ «юродивого» вырываются стоны, вздохи, плач); 4) тактильную коммуникацию (прикосновения (дружеские) в редких ситуациях воспринимаются как проявление коммуникативного намерения, т.к. у юродивого не друзей – он

одинок). 5) проксемика юродивого определяется личной/публичной зонами.

К целям коммуникации ЛКТ «юродивый» относятся: 1) побуждение реципиента к определенному действию (исправлению); 2) передача информации; 3) влияние на когнитивную активность адресата; 4) изменение эмоционального состояния реципиента (например, смех).

Невербальное поведение ЛКТ «юродивый» также фасцинирующе и характеризуется следующим проявлением: жестикულიцией, мимикой, положением тела, походкой, манерой одеваться, соблюдением интимной зоны, неречевыми вкраплениями, которые отражают тончайшие оттенки отношений, эмоций и передают информацию, которую по каким-то причинам невозможно выразить словами. Раскодировать, понять конкретный смысл невербальных сообщений представляется затруднительным, таким образом, юродство характеризуется непрямоу коммуникацией.

Коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый» фасцинирующе по сути. Оно разрушает принятые в социуме нормы поведения. Юродивый эпатирует окружающих с целью их нравственного очищения, при этом сам испытывает как физические, так и моральные страдания.

Будучи субъективным типажом, юродивый противопоставляется лжеюродивому. Данная антиномия выражается концептами «юродство» – «лжеюродство». Лжеюродивый характеризуется идентичностью образно-перцептивной и коммуникативной составляющей, но отличается невелированием признака «сакральность» и ценностными ориентирами. Его ценностными ориентирами являются: выгода, почет, слава, корысть, тогда как приоритеты истинных юродивых – смирение, поношение и уничижения, тайный духовный подвиг.

Лжеюродство является имиджем по отношению к юродству, т.к. на первый план выступают перцептивно-образные и коммуникативные аспекты типажа, тогда как в ценностных приоритетах отмечается доминирование витальных и утилитарных ценностей. Формирование имиджа имеет свою

стратегическую цель – манипулирование окружающими, в связи с чем, лжеюродивый возвышает свой статус посредством различных приемов. Коммуникативное поведение лжеюродивых бессодержательно с точки зрения воздействия на ценностные доминанты реципиентов, т.к. оно не базируется на стремлении к святости и копируется лишь внешняя сторона поведения юродивых.

Оценка поведения юродивого и лжеюродивого в современном массовом сознании совпадает и характеризуется следующими лексемами: странное, нелепое, эпатажное, ненормальное, нарочитое, неадекватное, чудное, провокационное, непотребное и др. Однако, если для юродивого пренебрежение общепринятыми нормами поведения, является намеренной стратегией поведения для сокрытия нравственного подвига, то в случае с лжеюродивым следует говорить о формальном характере, обусловленном прагматическим интересом. Несоответствие ценностных приоритетов, определяющих причину ненормативного поведения юродивого и лжеюродивого указывает на диагностический признак, разграничивающий юродство и лжеюродство: юродивый живет согласно Заповедям Божиим, а лжеюродивый – сознательно пренебрегает ими.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие основные выводы.

Особое место феномена «юродство» в русской культуре объясняется следующими причинами: с одной стороны, это форма протестного поведения, обусловленная приоритетностью справедливости в миропорядке, т.е. нарушениями справедливости под видом ханжеского соблюдения норм благопристойного поведения; с другой стороны, это доведение до предела идеи противоположности красоты – т.е. уродливого, постыдного,

вызывающего поведения. Иными словами феномен юродства представляет собой карнавально перевернутое утверждение ключевых ценностей русской культуры – справедливость и красота.

В большинстве европейских языках не существует лексемы «юродивый» – например: «chiflado» (исп.) – чудака, чудачка, чокнутый, тронутый, «faible d'esprit» (фр.) – слабоумный. Для наименования юродивых в православной культуре используется описательная конструкция «сумасшедший во Христе» или «сумасшедший ради Христа»: «God's fool, holy fool (idiot believed to possess the gift of prophecy), fool for Christ's sake» (англ.), «Narr in Christo» (нем.), либо используется транслитерация русского слова «yurodivy».

Анализ лексикографических источников позволил установить следующие конститутивные признаки ЛКТ «юродивый»: 1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник.

Коммуникативное поведение юродивого на первый взгляд позволяет рассматривать его как представителя «смехового мира», наряду с *шутком*, *скоморохом*, *клоуном*, *актером*, подобный взгляд на ЛКТ «юродивый» не раскрывает сущность данного феномена, подтверждением этого служат сведения, полученные посредством семантического анализа. Примитивизация ЛКТ «юродивый» привела к тому, что в наивной картине мира на первый план выходят образно-перцептивный и коммуникативный аспекты типажа, что привело к необходимости разграничения таких понятий, как *юродивый*, *дурак*, *урод*, *похаб*, *глупец*, т.к. рассмотренные лексемы односторонне раскрывают сущностные характеристики ЛКТ «юродивый», они не являются номинантами типажа, а представляют собой его оценку. Номинантами типажа выступают ближайшие по значению языковые единицы *юрод* и *блаженный*.

В современном русском коммуникативном сознании присутствуют прецедентные феномены, раскрывающие ЛКТ «юродивый». В качестве

прецедентного имени выделены три группы языковых единиц: святые, литературные герои, индивидуальные ассоциации. Прецедентные ситуации представлены следующим списком: скитание по свету; вещание на улице; обличение людей в грехах; молитва; предсказание. В качестве прецедентных текстов выступают национально-прецедентные (трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов», роман Ф. М. Достоевского «Идиот», поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») и социумно-профессиональные (Новый Завет, агиографические тексты).

Несмотря на широкую узнаваемость, цитируемость и рекуррентность, ЛКТ «юродивый» фактически не зафиксирован в фольклорных текстах. Небольшое количество паремий (5 единиц), содержащих номинант типажа позволяет установить характеристику юродивого, отрефлексированного в паремиологическом фонде: простоту, правдивость, совестливость, честность.

В народных сказках юродивый соотносится с концептуальным персонажем Иваном-дураком по следующим признакам: 1) парадоксальность речи; 2) образно-перцептивная характеристика; 3) интеллектуальные способности; 4) упование на Божью волю; 5) притворность. Отличие состоит в том, что Иван-дурак характеризуется: 1) пассивностью, 2) спонтанностью, 3) безволием. Для юродивого же, напротив, характерны: 1) аскетизм, 2) преднамеренность действий, 3) жертвенность, 4) святость.

Перцептивно-образная составляющая ЛКТ «юродивый» описана в соответствии с паспортом лингвокультурного типажа: 1) Внешность ЛКТ «юродивый» характеризуется фасцинативностью, т.к. эпатирующее несоблюдение норм приличий, гигиенических требований, принятых в социуме отмечается как в ответах респондентов, так и в проанализированных текстах. Социальным символом являются вериги, грязная и оборванная одежда. 2) Традиционно, возраст юродивого представляется как «*пожилой, старый*». Большая часть респондентов указала на маскулинный (97%) гендер. 3) Относительно происхождения респонденты указали на незнатное, тогда как среди прототипов были выходцы как из дворянских семей, так и

купеческих. 4) Место жительства маркировано отсутствием комфорта (болота, леса, пещеры, паперть церкви). 5) Сфера деятельности ограничивается духовной жизнью (молитва, аскетизм, служение). 6) Досуг не является релевантным признаком, однако формально представлен, т.к. под видом безделья, юродивый намеренно скрывал специфику своей духовной жизни. 7) Семейное положение является системообразующим признаком ЛКТ «юродивый», для юродивого характерно девство и безбрачие.

8) Окружение юродивого определяется его образом жизни и сферой деятельности, фактически окружение – жители того или иного населенного пункта, в котором проживал юродивый.

Жизненные приоритеты ЛКТ «юродивого» характеризуются пренебрежением к витальным и утилитарным ценностям и представлены следующим образом: служение, смирение, терпение, самоотвержение, послушание, жертвенность, спасение, любовь, благочестие, сострадание, нестяжание. Отношение к ЛКТ «юродивый» амбивалентно, с преобладанием позитивной оценки. Согласно данным проведенного опроса и материалам, полученным посредством анализа художественных текстов, позитивная оценка связана с восприятием сакральности и помощи, исходящей от юродивого, тогда как негативная оценка связана с неприятием внешнего вида, поведения, низких умственных способностей. Фасцинативность ЛКТ «юродивый» выражает у участников общения следующие реакции: волнение (позитивное, негативное), шок, любопытство, радость, потрясение, отвращение. В религиозной картине мира ЛКТ «юродивый» причислен к лику святых, что свидетельствует о положительной оценке. Среди оценочных характеристик ЛКТ «юродивый» выделены следующие лексемы: аскет, подвижник, провидец, святой, избранник, безумец, странный, грязный.

Совокупность поведенческих проявлений, определенных ценностными приоритетами юродивого позволяет выделить концепт «юродство». «Юродство» характеризуется осознанностью, темпоральностью, духовным зрением, антиповедением, обличением.

Коммуникативные особенности юродивого маркированы фасцинативностью и характеризуется эпатажем (шепот, брань, крики, мычание, плач, смех, молчание), и скрытым заложенным смыслом. При этом смех юродивого не вписывается в правила карнавального смеха, поскольку он смеется над злом, грехом и человеческими страстям. Он выбирает стратегию «смех», тогда как тактикой является «плач».

Внешне незкологичная коммуникация юродивого является экологичной по результату взаимодействия с окружающими (обличение приводит к исправлению). Невербальное поведение ЛКТ «юродивый» также фасцинативно, характеризуется следующим проявлением: жестикуляцией, мимикой, положением тела, походкой, манерой одеваться, соблюдением интимной зоны, неречевыми вкраплениями.

Манипулирование юродивым предметами вызывает шлейф ассоциаций у адресата, при этом предмет приобретает символический потенциал и усиливает фасцинативный эффект. Посредством экстралингвистических средств юродивый проявлял сострадание, печаль, терпение.

Акустическое сопровождение невербального коммуникативного поведения ЛКТ «юродивый» выражается в крике и шуме, к которым он обращался как к средству аттракции или для подготовки к наставлениям, резким обличениям.

Коммуникация юродивых характеризуется нелогичностью, а сущность коммуникативного поведения юродивого заключается в нарушении постулатов общения и непрямой коммуникации.

Будучи субъективным типажом, «юродивый» противопоставляется «лжеюродивому». Данная антиномия выражается и концептами «юродство» – «лжеюродство». Лжеюродство является имиджем по отношению к юродству, т.к. на первый план выступают перцептивно-образные и коммуникативные аспекты типажа, тогда как в ценностных приоритетах отмечается доминирование витальных и утилитарных ценностей.

Перспективы исследования мы видим в изучении других

фасцинативных типажей, в анализе субъективных лингвокультурных типажей, выделяемых на основании их оценки, в выявлении дискурсивной и жанровой специфики выражения лингвокультурных доминант поведения народа.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1993. – 351 с. – С. 341–345.
2. Агранович С.З. Образ юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Содержательность форм в художественной литературе: межвуз. сб. науч. ст. – Куйбышев, 1989. – С. 27–44.
3. Азаренко Н.А. Языковое представление авторской метафоры Ф. М. Достоевского «Юродивый персонаж есть христоликий персонаж» (на примере романа «Преступление и наказание») // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – Вып. № 5. – С. 306–309.
4. Алефиренко Н.Ф. «Языковая личность» как лингводидактическая проблема / Н.Ф. Алефиренко // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста: тез. докл. и сообщ. IV междунар. конф. 12-14 мая 1993 г. – Волгоград: Перемена, 1993. – С. 3–7.
5. Алещенко Е.Н. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008. – 42 с.
6. Апинян Т.А. Бытийный смысл игры. Куклы и кукловоды. Мир-сцена, жизнь-театр: метафизика лицедейства. Скоморох и юродивый. Абсурдные люди // Апинян Т.А.. Игра в пространстве серьезного: игра, миф, сон, искусство и др. – СПб., 2003. – С. 180–200.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
8. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 22 с.
9. Бабаева Е.В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2003. – 72 с.

10. Бабаянц В.В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (24) – Ч. I. – С. 32–35.

11. Бакирова Г.А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: на примере благожеланий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2011. – 27 с.

12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М: Худож. лит., 1990. – 545 с.

13. Беляев Варнава, еп. Основы искусства святости (опыт изложения православной аскетики). – Нижний Новгород: Издание братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. – Т. 4. – 412 с.

14. Бернштам Т.А. Феномен «смех-плач» в русской народно-православной культуре // Христианство в регионах мира. – СПб.: Наука, 2008. – Вып. 2. – С. 298–376.

15. Блохина Н.Г. Современный русский язык. Стили речи. Культура речи: учеб. пособие для студентов высших и сред. проф. заведений: изд. 2-е, доп. / под общ. ред. проф. Н.Г. Блохиной. – Тамбов, 2010. – 191 с.

16. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.

17. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1984. – 31 с.

18. Богин Г.И. Филологическая герменевтика / Г.И. Богин. – Калинин: Изд-во КГУ, 1982. – 86 с.

19. Бондаренко Т.В. Лингвокультурный типаж «английский дворецкий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / Под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – Вып. 2 – С. 74–90.

20. Бровикова Л.Н. Лингвокультурный типаж «английский викарий» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: сб. науч. тр. / под

ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – Вып.2 – С. 90–99.

21. Брудный А.А. Семантика языка и психология человека: о соотношении языка, сознания и действительности. – Фрунзе: Илим, 1972. – 232 с.

22. Брусков Пахомий, еп. Покровский и Николаевский. Юродивый Христа ради [Электронный ресурс]. URL: http://pravpokrov.ru/church_life/?ELEMENT_ID=1226 (дата обращения: 08.11.2014).

23. Бугаев А.Е. Когнитивно-экзистенциальная проблематика времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 9 (23) – Ч. II. – С. 31–34.

24. Бусурина Е.В. Дурак // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Том 2. – 356 с. [Электронный ресурс]. Систем. Требования: Архиватор ZIP. – URL: http://lincon.narod.ru/Antologia_2.zip (дата обращения: 12.08.2014).

25. «Важно» и «неважно»: парадные и реальные жизненные ценности россиян. По материалам всероссийских опросов общественного мнения. – М.: ВЦИОМ, 2014 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2014/wciom.ru_Fedorov_cennosti_17.04.14.pdf (дата обращения: 11.01.2015).

26. Вальверде Карлос. Философская антропология [Электронный ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/valverde_antropology/ch41_iii.html (дата обращения: 14.11.2014).

27. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

28. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифических контекстах // Альманах «Thesis». – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.

29. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Изд-во «Наука», 1980. – 362 с.

30. Власова Т.М. Повышение коммуникативной эффективности судебного дискурса с помощью невербальных средств воздействия (на материале художественной прозы). Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5) – Ч. I. – С. 69–74.

31. Войскунский А.Е. Я говорю, мы говорим: очерки о человеческом общении. – 2-е изд. – М.: Знание, 1990. – 238 с.

32. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001 – № 1. – С. 64–72.

33. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2005. – 367 с.

34. Голев Н.Д. Языковая личность и антропотекст в лингвистике и лингводидактике (типологический аспект) // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: МГУ, 2004. – С. 15–16.

35. Гордон А.Г. Юродивые // Материалы к программе № 221, февраль 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://gordon0030.narod.ru/archive/10679/index.html> (дата обращения: 10.10.2014).

36. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: «Наука», 1980. – 238 с.

37. Горелов И.Н. Основы психолингвистики / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 1997. – 220 с.

38. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып.16. – С. 217–237.

39. Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: коллектив. моногр. / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 5–58.

40. Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте.

Екатеринбург, 2008. – 165 с.

41. Гутарева Н.Ю. Виды общения и их научная интерпретация. Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5) – Ч. I. – С. 109–111.

42. Гущина Е.А. Юродство и скоморошество в русской опере: к проблеме соотношения христианского и языческого // Вопросы культуры и формирование духовных ценностей: сб. науч. тр. / Волгогр. фил. Самар. гос. акад. культуры и искусств. – Волгоград, 2000. – С. 68–87.

43. Даукша Л.М., Чекель Л.В. Педагогическая психология: учеб.-метод. комплекс. – Гродно: ГрГУ, 2008. – 471 с.

44. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.

45. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2001. – 39 с.

46. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «колониальный служащий»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 216 с.

47. Дмитриева О.А. Актуальные проблемы в изучении лингвокультурных типажей // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Л.А. Миловановой. Т. 2. Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: Парадигма, 2008. – 302 с. – С. 66–70.

48. Дмитриева О.А. Коммуникативный типаж: к определению этнокультурной специфики // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Науч. кн., 2004. – С. 241–244.

49. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. – Волгоград: Перемена, 2007 а. – 307 с.

50. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2007 б. – 24 с.

51. Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» //

Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 74–88.

52. Дмитриева О.А. Плач как одна из форм проявления коммуникативного поведения юродивого // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И. А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014 а. – 345 с. – С. 122–128.

53. Дмитриева О.А. Языковая репрезентация концептов «юрродство» и «лжеюрродство» в русской лингвокультуре // Проблемы концептуальной систематики языка, речи и речевой деятельности: Сборник материалов 8-й Всероссийской научной конференции (Иркутск, 16-17 октября 2014 г), 2014 б. – 330 с. – С. 30–34.

54. Дмитриева О.А., Чеботарев И.Г. Лингвокультурный концепт «юрродство» как тип коммуникативного поведения // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики / под науч. ред. О.П. Чигишевой. – Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014 а. – 256с. – С. 52–71.

55. Дмитриева О.А., Чеботарев И.Г. Языковая рефлексия лингвокультурного типажа «юрродивый» в русском фольклоре // Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография / З.М. Базарбаева, Л.В. Вдовиченко, А.А. Гарипова и др. – Новосибирск: Издательство ЦРНС (Центр Развития Научного Сотрудничества), 2014 б. – 166 с. – С. 47–65.

56. Долгов В.Г. Детерминологизация номинанта концепта «юрродивый» в русской языковой картине мира // *Speech and Context International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science*. – 2012. – Vol. 2 (IV). – С. 91–100.

57. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 30–63.

58. Жельвис В.И. Наблюдая за русскими. – М.: РИПОЛ классик, 2011. – 352 с.
59. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 1997. – 330с.
60. Забияко А. Мудрость и безумие // Лит. учеба. – 1999. – № 1/2/3. – С. 139–157.
61. Иванов В.В. Достоевский и народная культура: (юрродство, скоморошество, балаган): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Иванов; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л., 1990. – 14 с.
62. Иванов С.А. Византийское юродство. – М.: Международные отношения, 1994. – 240 с.
63. Иванов Юрий. Поди туда, не знамо куда... [Электронный ресурс]. URL: <http://zp-online.ru/gazeta/2008/08/-podi-tuda-ne-znamo-kuda.html> (дата обращения: 03.06.2014).
64. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. Т. 6, кн. 3: [О России и русской душе; Гении России]. – Москва: Русская книга, 1997. – 560 с.
65. Ильина С.А. Феномен юродства в русской культуре (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 2 (8)– Ч. I. – С. 73–76.
66. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
67. Калашникова Л.В. Лингвистическое понимание концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1 (1)– Ч. I. – С. 98–100.
68. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.

69. Карасик В.И. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
70. Карасик В.И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2009 а. – Вып. 4(30). – С. 9–13.
71. Карасик В.И. Лингвосомиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012 а. – Вып. 1 (39). – С. 43–50.
72. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: Материалы 3-й Междунар. науч. конф. – Ч. 2. – Тамбов, 2001 а. – С. 98–101.
73. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001 в. – С. 3–16.
74. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
75. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – Волгоград: Перемена, 2012 в. – 448 с.
76. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
77. Карасик В.И. Языковые ключи. – М., 2009 в. – 406 с.
78. Карасик В.И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
79. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «чудак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
80. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ / URSS, 2007. – 264 с.
81. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – С. 671–672.
82. Карданова М.Л. Репрезентация лингвокультуремы «дурак» в испанском и русском языках [Электронный ресурс]. Систем. требования:

Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/VII/uch_2008_VII_00009.pdf (дата обращения: 26.07.2014)

83. Катермина В.В. Представление национально-культурной специфики образа человека в системе номинаций XIX века (на материале русского и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 343 с.

84. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – М.: ФЛИНТА, 2013. 224 с.

85. Кириллин В.М. Пять признаков подмены // Фома. – 2012. – № 6 (110). – С.32–34.

86. Кириллин В.М. Редкий подвиг, или что такое юродство // Фома. – 2012. – № 6 (110). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foma.ru/redkij-podvig-ili-chto-takoe-yurodstvo.html> (дата обращения: 04.01.2014).

87. Клибанов А.И. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут: историко-философ. религиозедч. журн. – 1992. – № 1. – С. 46–63.

88. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова: Тезисы докладов. – М., 1995. – С. 321–323.

89. Кнапп М.Л. Невербальные коммуникации. – М.: «Наука», 1978. – 308 с.

90. Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. – М.: Наука, 1973. – С. 324–334.

91. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [с изм. и доп. на 30.12.2001 N 195-ФЗ] [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158526/ (дата обращения: 01.02.2014).

92. Комовская Е.В. Шизофреник художественного романа А. А. Зиновьева «Зияющие высоты» как социологический «юродивый» //

Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5) – Ч. II. – С. 101–103.

93. Конечкая В.П. Социология коммуникаций. Учебник. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1997. – 304 с. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://www.socd.univ.kiev.ua/LIB/PUB/K/KONETSKAYA/sk.pdf> (дата обращения: 17.08.2014)

94. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «сноб» в английской художественной литературе // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 223–233.

95. Коровина А.Ю. Социолингвистический портрет типажа «сноб» в английской художественной литературе XIX века // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. В 3 ч. Ч. 1: межвуз. сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во Грамота, 2007. – С. 155–158.

96. Кравченко А.И. Юродивые // Культура и культурология: словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 914–916.

97. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

98. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 375 с.

99. Красных В.В. Коммуникативный акт и его структура [Текст] / В.В. Красных // Функциональные исследования: сб. статей по лингвистике. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 34–49.

100. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

101. Кузнецов Алексей, иером. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. – СПб.: Издание типографии

В.Д. Смирнова, 1913. – 410 с.

102. Кузнецов П. Шуты и скоморохи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.screen.ru/techno/skomoroh/otlichie-1.htm> (дата обращения: 18.05.2014).

103. Кушнарера Л.И. Иносказательный дискурс: лингвистические характеристики и проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/linguistics/inoskazatelnyy-diskurs-lingvisticheskie-harakteristiki-i-problemy-interpretatsii.html> (дата обращения: 02.03.2014).

104. Ларше Ж.-К. Христа ради «сумасшедшие» // Фома. – 2012. – № 6 (110). – С. 21–24.

105. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – М.: Гнозис, 2001. – 224 с.

106. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.

107. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: «Смысл», 1997. – 239 с.

108. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е.Ф. Серебренникова – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

109. Лингвокультурные типажи: признаки, характеристики, ценности: коллективная монография / под ред. О.А. Дмитриевой. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 228 с.

110. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

111. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

112. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Семиосфера. – СПб., 1992. – С. 12–149.

113. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. – 1977. – № 3. – С. 164–165.

114. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики

виртуального дискурса. – Волгоград: Перемена, 2009. – 476 с.

115. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1999. – 185 с.

116. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. – 316 с.

117. Ма Т.Ю. Американская языковая личность в культурно-историческом пространстве США XX века (опыт прототипического подхода): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2012 – 43 с.

118. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

119. Маслий Е.В. Ценностная составляющая концепта «юрродство» как самобытного феномена русской культуры // «Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: Филология». Симферополь, 2007. – Т. 20 (59), №1. – С. 354–360.

120. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2007. – 296 с.

121. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Минск: TerraСистемс, 2008. – 272 с.

122. Мирошниченко А.А. Бизнес-коммуникации. Мастерство делового общения. Практическое руководство. – М.: Книжный мир, 2008. – 384 с.

123. Михайлюк А.В., Савченко С.В. Смеющийся мир: о сакральном, хтоническом, юродивых и шаманах. Рец. на: Троицкий С.А. Смех в культуре. Археология явления: культурные предпосылки и генезис. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. // Мысль (Журнал Петербургского философского общества. Вып. 14). – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. – 156 с.

124. Мотеюнайте И.В. Восприятие юродства русской литературой XIX-XX веков: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук / Мотеюнайте И. В.; [Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого]. – Вел. Новгород, 2006. – 39 с.

125. Мурзинова И.А. Оценка поведения лингвокультурного типажа

«британская королева» в индивидуальном сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 2. – С. 75–79.

126. Назаров В.Н. Юродство. // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 602–603.

127. Недоспасова Т.А. Русское юродство [Электронный ресурс]. URL: <http://nedospasovat.narod.ru/urodstvo.html> (дата обращения: 19.12.2014).

128. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сб. науч. трудов Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112–116.

129. Нерознак В.П. Языковая личность / В.П. Нерознак, И.И. Халева // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник / под ред. М. И. Панова. – М., 2005. – С. 587–591.

130. Образ юродивого в русской литературе XIX века [Электронный ресурс]. Систем. требования: Power Point. – URL: <http://umr-old.rcokoit.ru/dld/edu/liter/abramovapres.ppt>? (дата обращения: 07.11.2014).

131. Омельченко Е.В. Фасцинативная составляющая в непрямой коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 1 (19). – С. 136–139.

132. Павленко О.Б. Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. – № 10 (41). – С. 116–124.

133. Панченко А.М. Смех как зрелище // Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 72–153.

134. Панченко А.М. Юродивые на Руси. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб.: Юна, 1999. – С. 392–407.

135. Пападопулос Павел, архим. Христа ради юродивые – подвижники веры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pemptousia.ru/2014/02/христа-ради-юродивые-аскетическая-и-ц> (дата обращения: 17.02.2014).

136. Парахневич Е.В. Аксиосфера журнала «Путь»: культурные ценности русской эмиграции // Теория и практика общественного развития. Краснодар: ООО ИД «ХОРС». – 2013. № 7. – С. 150–152.
137. Петухов В.Б. Культурология: учебное пособие / В.Б. Петухов, Т.В. Петухова. – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 289 с.
138. Пешкова А.В. Русская смеховая культура: истоки и становление (X-XVIII вв.): автореф. дис. ... канд. культурологии / Пешкова А.В. Акад. переподгот. работников искусства, культуры и туризма. – М., 2004. – 22 с.
139. Плотникова С.Н. Непрямое общение в беседе // Прямая в непрякая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – 354 с. – С. 263–273.
140. Плотникова С.Н. Человек и персонаж: феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации [Текст] / С.Н. Плотникова // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С. 89–104.
141. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. – 320 с.
142. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2000. – 768 с.
143. Прохоров Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 224 с.
144. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
145. Пыляев М.И. Старое житье. Очерки и рассказы. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1897. – 320 с.
146. Ревзина О.Г. Память и язык // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2006. – Вып. 10. – С. 10–24.
147. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 326 с.

148. Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради) / под ред. проф. Ф.И. Гиренка. – М.: МГИУ, 2010. – 140 с.
149. Русские юродивые и блаженные / сост. Н. Рубина, А. Северский. – Челябинск: Аркаим, 2003 – 359 с.
150. Рябинин Ю.В. Русское юродство / Ю.В. Рябинин. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 383 с.
151. Саленко И.И. Языковая фасцинация // Общение: теоретические и прагматические проблемы. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1978. – С. 117–124.
152. Сафаргалина А.Ш. Фасцинация как нарушение нормы в «качественной» прессе: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Уфа, 2008. – 25 с.
153. Свендсен Л. Философия зла. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 352 с.
154. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14–25.
155. Синявский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. – М.: Аграф, 2001. – 464 с.
156. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее становление // Термин и слово: межвуз. сб., посвящ. 80-летию проф. Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 1997. – 161 с. – С. 7–12.
157. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Выпуск 1(1). – Красноярск-Ачинск: Краснояр. ун-т, 1996. – С. 5–9.
158. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
159. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе: монография. – М.: Academia,

2000. – 128 с.

160. Смердова Т.Н. Сказка в концептуальном пространстве детства // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 181–185.

161. Смысл жизни // Опрос «жизненные ценности» (2009-2012) часть 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://zpsy.ru/public/28958.htm> (дата обращения: 12.01.2015).

162. Соковнин В.М. Фасцинология как наука // Фасцинология. – 2003. – № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://fasfas.web.ur.ru/1_c.htm (дата обращения: 06.11.2014).

163. Соковнин В.М. Фасцинология: пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. – 400 с.

164. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

165. Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – 492 с. С. 44–51.

166. Стернин И.А. Модель русского невербального коммуникативного поведения // Русское и финское коммуникативное поведение. – Санкт-Петербург: Изд-во РГГУ им. Герцена, 2001. – Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://commbehavior.narod.ru/RusFin/RusFin2001/Sternin2.htm> (дата обращения: 11.06.2014)

167. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калининград, 1988. – С. 7–13.

168. Татарина Н. В. О понятии «имидж» и его отличии от сходных с ним понятий «образ», «репутация», «стереотип» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. – № 2 (4). – С. 252–255.

169. Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / [Электронный ресурс]. URL:

<http://philologos.narod.ru/sophia/trub.htm> (дата обращения: 02.06.2014).

170. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святые Древней Руси. сост., примеч. С.С. Бычков. – М.: Мартис, 2000. – 268 с.

171. Феофан Затворник, свят. Толкование первого послания апостола Павла к коринфянам. – М.: «Правило веры», 2006. – 805 с.

172. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 28. – 192 с.

173. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. – Т 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. – Тюмень: Изд-во Тюм. унта, 2005. – 509 с.

174. Холл Э. Как понять иностранца без слов. – М.: «Наука», 1995. – 197 с.

175. Чагинская Е.А. От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1 (1) – Ч. II. – С. 143–159.

176. Чеботарев И.Г. Лингвокультурный типаж «юродивый» в зеркале русской культуры // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И. А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – С. 147–154.

177. Чеботарев И.Г. Лингвокультурный типаж «юродивый»: социокультурная справка // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (91). – С. 112–115.

178. Чеботарев И.Г. Невербальная коммуникация в речевом портрете лингвокультурного типажа «юродивый» // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (91). – С. 116–121.

179. Чеботарев И.Г. Перцептивно-образная характеристика лингвокультурного типажа «юродивый» в современном коммуникативно-массовом сознании // Гуманитарные и социальные науки: сетевое издание,

2014. – № 2 [Электронный ресурс]. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://hses-online.ru/2014/02/141.pdf> (дата обращения: 24.06.2014).

180. Чеботарев И.Г. Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «юродивый» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. I. Материалы ежегодной международной конференции 7 февраля 2014 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 117–124.

181. Чеботарев И.Г. Фасцинация в структуре лингвокультурного типажа «юродивый» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44)– Ч. I. – С. 201–205.

182. Чеботарев И.Г. Феномен прецедентности в структуре лингвокультурного типажа «юродивый» // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции № 2. – Санкт-Петербург, 2015. – 60 с. – С. 51–55.

183. Чеботарев И.Г. Ценностные характеристики фасцинативного лингвокультурного типажа «юродивый» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44) – Ч. II. – С. 208–211.

184. Черкасова М.Н. Дурак фольклорный VS «дурак полный»: к интерпретации оскорбления. Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 2. – С. 98–108.

185. Чичагов Серафим, архим. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря с жизнеописанием основателя ее: преп. Серафима и схим. Александры. – М.: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский м-рь, «Ковчег», 2011. – 896 с.

186. Шарден П.Т. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 240 с.

187. Шаховский В.И. Эмоциональный дейксис речевого жанра // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Тез. докладов научной

конференции. – Волгоград: ВГПУ, 1998. – 109 с. – С. 104–105.

188. Шаховский В.И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 3–10.

189. Шаховский В.И., Шейгал Е.И. Методика лингвистических исследований: учеб.-методич. пособие для соискателей, аспирантов, магистрантов. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 123 с.

190. Шаховский В.И., Штеба А.А. Методы, приемы и подходы современной лингвозкологии // Эмотивная лингвозкология в современной коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 61–77.

191. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22 с.

192. Шилов В.Н. Российская нация и русский этнос на основе обновленной культуры. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – Белгород, 2009. – Выпуск № 8 (Т. 8). – С. 56–63.

193. Шрейдер Ю.А., Мусхелишвили Н.Л. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Фасцинация. Коммуникация. Общение: сб. / под ред. В. Соковнина. – Екатеринбург, 2010. – С. 35–53.

194. Щеглова И.В. Лингвокультурный типаж «чиновник» (на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, 2010. – 25 с.

195. Юрков С.Е. Петровская модернизация как «перевертывание» антимира. // Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). – СПб., 2003 а. – С. 81–102.

196. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). – СПб., 2003 б. – С. 52–69.

197. Юродивые // Христианство: Энциклопедический словарь в 3 т.: Т. 3: (Т–Я) / под ред. С.С. Аверинцева и др. – М.: Большая Российская

энциклопедия, 1995. – С. 286–287.

198. Юродивый // Открытая православная энциклопедия «Древо». [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/1351.html> (дата обращения: 03.01.2014).

199. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 2005. – 19 с.

200. Billington James. Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture. – Knopf Doubleday Publishing Group, 2010. – 880 p.

201. Birzache Alina Gabriela. Representing Holy Foolishness: An Investigation of the Holy Fool as a Critical Figure in European Cinema. – University of Edinburgh, 2013. – 273 p.

202. Bodin Per-Arne. Language, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Postsoviet Russian Culture and the Orthodox Tradition. – Stockholm University, 2009. – Stockholm Slavic studies (Vol. 38). – 326 p.

203. Børtnes Jostein. The Poetry of Prose: Readings in Russian Literature. – Department of Foreign Languages, University of Bergen, 2007. – 211 p.

204. Doherty Catherine. Urodivoi: Holy Fools. – Madonna House Publications, 1993. – 104 p.

205. Gondola Alex A. Holidays are Holy Days: Sermons for Special Sundays. – Lima, Ohio : CSS Pub. Co., 2004. – 207 p.

206. Hunt Priscilla Hart, Kobets Svitlana. Holy Foolishness in Russia: New Perspectives. – Slavica Publishers, 2011. – 405 p.

207. Krueger Derek. Symeon the holy fool: Leontius's life and the late antique city. – University of California Press, 1996. – 196 p.

208. Murav Harriet. Holy foolishness: Dostoevsky's novels & the poetics of cultural critique. – Stanford University Press, 1992. – 213 p.

209. Stewart Elizabeth-Anne. Jesus the Holy Fool. – University of Malta, 1999. – 283 p.

210. Thompson Ewa Majewska. Understanding Russia: the holy fool in

Russian culture. – University Press of America, 1987. – 229 p.

211. Woodley Mathew. Holy Fools: Following Jesus with Reckless Abandon. – Tyndale House Publishers, Incorporated, 2008. – 211 p.

Лексикографические источники и принятые в работе сокращения

1. БИСИС, 2002 – Большой иллюстрированный словарь иностранных слов: 17 000 слов. – М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во Русские словари», 2002. – 960 с.
2. БСРП, 2007 – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
3. БТСРЯ, 2000 – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. БТФСРЯ, 2005 – Михельсон М.И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка в 3 томах. – М.: ЭТС, 2005. – 2208 с.
5. БЭБ, 1999 – Ринекер Ф., Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. М.: Российское Библейское Общество, 1999. – 1120 с.
6. БЭС, 1998 – Большой Энциклопедический Словарь. Языкознание / глав. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
7. БЭС, 2000 – Большой энциклопедический словарь / ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.
8. ГПП, 2003 – Глоссарий по политической психологии / под ред. Д. В. Ольшанского. – М.: РУДН, 2003. – 384 с.
9. ИСРЯ, 1995 – Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М.: Издательство ЭТС, 1995. – 814 с.
10. КСПТ – Краткий словарь психологических терминов [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба. [Электронный ресурс]. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/16/word/fascinacija> (дата обращения: 04.11.2014)
11. МАС, 1988 – Малый академический словарь (Словарь русского языка): В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988. – Т. 4. С–Я. – 800 с.
12. НОССРЯ, 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов

русского языка. / под общ. руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.

13. ОДК, 2000 – Безрукова В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). – Екатеринбург, 2000. – 937 с.

14. ПЦсС, 1899 – Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. свящ. Григорий Дьяченко. – М.: Типография Вильде, 1899. – 1159 с.

15. ПЭС, 2000 – Православный энциклопедический словарь / сост. свящ. Ярослав Шипов. – М.: Современник, 2000. – 271 с.

16. РАС1, 2002 – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Т. I. От стимула к реакции (около 7000 стимулов). – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.

17. РАС2, 2002 – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н.Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – Т. II. От реакции к стимулу (более 100 000 реакций). – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 992 с.

18. РМиР, 1912 – Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: Посмертное издание. – СПб.: Брокгаузъ-Ефронъ, 1912. – 1046 с.

19. СА – Словарь ассоциаций reright. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reright.ru/analysis/164513~%D1%8E%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C.html> (дата обращения: 15.01.2014).

20. СЗЭЭ, 2005 – Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / авт.-сост. В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, В.Л. Телицын; под общ. ред. В.Л. Телицына. – 2-е изд. – М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 494 с.

21. СКВ, 2011 – Петрова М.В. Словарь крылатых выражений. М.: РИПОЛ классик, 2011. – 640 с.

22. СОСРЯ, 1985 – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.– М.: Рус. яз., 1985. – Т. 2: (Словообразовательные

гнезда Р–Я). 886 с.

23. СРС, 1911 – Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – 3-е изд., доп. – СПб., 1911. – 176 с.

24. СС – Словарь синонимов. [Электронный ресурс]. URL: <http://sin.slovaronline.com/%D0%AE/%D0%AE%D0%A0/96878-YURODSTVOVAT> (дата обращения: 18.04.2014).

25. ССАСРЯ, 2013 – Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов / под ред. А.С. Гавриловой – М.: «Аделант», 2013. – 800 с.

26. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка В. Н.Тришина. – ASIS, 2013. [Электронный ресурс]. Систем. требования: Архиватор ZIP. – URL: http://www.trishin.ru/slovar/dic_asis.zip (дата обращения: 23.07.2014).

27. СТСРЯ1, 2006 – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка В 3-х томах. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – Том 1 (А–Л). – 1165 с.

28. СТСРЯ2, 2006 – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка В 3-х томах. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – Том 2 (М–П). – 1160 с.

29. СТСРЯ3, 2006 – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка В 3-х томах. – М.: АСТ; Астрель, 2006. – Том 3 (Р–Я). – 973 с.

30. СЦсРЯ, 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка (в 4-х томах). – Т. 4 (Р–Я). – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1847. – 489 с.

31. ТСЖВРЯ, 1903 – Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ / Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 томах). – Т. 1 (А–З). – СПб.-Москва: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1903. – 1725 с.

32. ТСЖВРЯ, 1907 – Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ / Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 томах). – Т. 3 (П–Р). – СПб.-Москва:

Издание Т-ва М. О. Вольф, 1907. – 1782 с.

33. ТСЖВРЯ, 1909 – Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ / Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 томах). – Т. 4 (С–Ижица). – Спб.-Москва: Издание Т-ва М. О. Вольф, 1909. – 1619 с.

34. ТСИС, 2008 – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.

35. ТСРЯ, 2006 – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова Рос. акад. наук. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

36. ТСРЯ, 2013 – Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. 100 000 слов: в современной редакции. – М.: ЛадКом, 2013. – 848 с.

37. ТФС, 2008 – Некрасова Н.А., Некрасов С.И., Садикова О.Г. Тематический философский словарь: учебное пособие. – М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. – 164 с.

38. УСМР – Учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. профессора И.Н. Яблокова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cultes.ru/word/13600/> (дата обращения: 19.04.2014).

39. ФЭС – Философия: Энциклопедический словарь / под редакцией А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

40. ШЭСРЯ, 2004 – Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. 398 с.

41. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Электронный ресурс]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_brogefron/ (дата обращения: 17.09.2014).

42. ЭСРЯ, 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. IV. (Т–Ящур) / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва; под

ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.

43. ЭСРЯ, 2003 – Семёнов А.В. Этимологический словарь русского языка. – М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. – 702 с.

44. ЭСРЯ, 2005 – Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 432 с.

45. АБВУ Lingvo. [Электронный источник]. URL: <http://www.lingvo-online.ru/ru> (дата обращения: 22.07.2014).

Текстовые источники

1. Агафонов Н., прот. Юродивый Гришка // Отшельник поневоле. – М.: Сретенский монастырь, 2010. – 654 с.
2. Безумием мнимым безумие мира обличившие... Блаженные старицы 19-20 веков. – Краматорск: «Тираж-51», 2005. – 384 с.
3. Блаженная Мария Дивеевская // Сайт храма Исповедников и новомучеников Российских в Строгино. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newmartyros.ru/life/zhitie-svyatyh-blazhennyh-zhen-diveevskih-pelagii-serebrennikovoy-1884-paraskeyu-1915-i-marii> (дата обращения: 03.01.2014).
4. Блаженный Андрей Мещовский. – Обнинск: ООО «Эрмис», 2011. – 44 с.
5. Бухарев И., свящ. Жития всех святых. – М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2001. – 814 с.
6. Водолазкин Е.Г. Лавр. Неисторический роман. – М.: Астрель, 2012. – 440 с.
7. Геронтий, иером. Антоний Алексеевич Христа ради юродивый. – Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2011. – 50 с.
8. Гурьев В., прот. Пролог в поучениях на каждый день года. – Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2007. – 690 с.
9. Дивеевские Христа ради юродивые Пелагия, Параскева и Мария. – изд. 3-е, испр. и доп. – Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, 2009. – 171 с.
10. Достоевский Ф.М. Идиот: роман в четырех частях. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1981. – 592 с.
11. Житие преподобной Исидоры юродивой. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vidania.ru/saints/zitiya_svyatyh_dimitriya_rosrovskogo/zitie_isidory.html (дата обращения: 02.07.2014).
12. Житие Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/zhizneopisaniya/18.htm> (дата

обращения: 16.08.2014).

13. Житие святого блаженного Василия, Христа ради юродивого, Московского чудотворца [Электронный ресурс]. URL: <http://www.saints.ru/v/vasblaj.html> (дата обращения: 02.12.2014).

14. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга первая (сентябрь). – М.: Синодальная Типография, 1903. – 669 с.

15. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга вторая (октябрь). – М.: Синодальная Типография, 1904. – 654 с.

16. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга третья (ноябрь). – М.: Синодальная Типография, 1905. – 829 с.

17. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга седьмая (март). – М.: Синодальная Типография, 1906. – 750 с.

18. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга восьмая (апрель). – М.: Синодальная Типография, 1906. – 516 с.

19. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга девятая (май). – М.: Синодальная Типография, 1908. – 827 с.

20. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга одиннадцатая (июль). – М.: Синодальная Типография, 1910. – 687 с.

21. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского. Книга двенадцатая (август). – М.: Синодальная Типография, 1911. – 731 с.

22. Зноско В., свящ. Блаженный Феофил. Христа ради юродивый. – Киев, 2003. – 256 с.

23. Зноско В., свящ. Христа ради юродивый старец Паисий, рясофорный инок Киево-Печерской Лавры. – Киево-Печерская Успенская Лавра, 2008. – 114 с.
24. Иоанн Московский // Известные святые. [Электронный ресурс]. URL: <http://adamovka.ru/saint/?id=919> (дата обращения: 05.01.2014).
25. Иоанн Устюжский // Известные святые. [Электронный ресурс]. URL: <http://adamovka.ru/saint/?id=927> (дата обращения: 04.01.2014).
26. Кевролетин Иван Афанасьевич // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/469384.html> (дата обращения: 04.02.2014).
27. Ковалевский И., свящ. Подвиг юродства. – М.: «Лепта», 2000. – 381 с.
28. Мельник В.И. Святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110902> (дата обращения: 17.04.2014).
29. Мученик Алексей Елнатский (Ворошин). [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/days/sv-aleksij-voroshin-elnatskij> (дата обращения: 04.06.2014).
30. Народные русские сказки А.И. Афанасьева. В 3-х т. – М., 1957. – Т. 3. – 380 с.
31. Не от мира сего. Рассказы о святых — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 400 с.
32. Невеста Христова. О женщинах-христианках. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 352 с.
33. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах.– М.: «Наука», 1982. – Том 5. – 686 с.
34. Покров Матери Божией и житие Андрея Христа ради юродивого. – М.: Сретенский монастырь, 2009. – 68 с.
35. Прыжов И.Г. 26 московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков. – М.: Типография Семена, 1865. – 166 с.
36. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. –

М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – Том 4. – 598 с.

37. Святой Николай Салос, Христа ради юродивый. Из истории г. Пскова второй половины XVI столетия. – Изд.: Немиров, тип. Р.Б. Шерра, 1894. – 19 с.

38. Современные юродивые живут почти во всех городах России // ЖЖ Оптина Пустынь [Электронный ресурс]. URL: <http://Optina-pustyn.livejournal.com/57154.html> (дата обращения: 04.02.2014).

39. Сомов О.М. Юродивый. Малороссийская быль // Были и небылицы. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

40. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22-х томах. Детство, Отрочество, Юность. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1978. – Т. 1. – 422 с.

41. Тургенев И.С. Странная история // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Повести и рассказы. – М.: «Наука», 1981. – Т. 8. – 544 с.

42. Училище благочестия, или примеры христианских добродетелей. Избранное из житий святых. Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 575 с.

43. Череканский В., Семёневский М., Хованский М.А. Жены русских царей. – М.: Новая Книга, 1995. – 510 с.